

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

СПАСТИ КРЕМЛЬ!

Герман
Романов

«Белая Гвардия, путь твой высок!»

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака» и «Спасти Москву». Кульминация эпопеи о падении Российской Империи и возрождении Святой Руси. «Попаданец» из будущего меняет ход Гражданской войны.

Благодаря ему Белый Крым и Сибирь устояли под ударами красных. Поход Троцкого в Европу обескровил и Антанту, и большевиков. Дождавшись, пока «кремлевские мечтатели» окончательно увязнут в Мировой революции, белые переходят в наступление на всех фронтах.

Освободить Россию! Взять Москву! Спасти от вандалов Кремль! «Белая Гвардия, путь твой высок!»

-
- [Герман Романов](#)
 - [Пролог. Севастополь \(24 декабря 1920 года\)](#)
 -
 - [Царицын. \(29 декабря 1920 года\)](#)
 - [Глава первая. А на войне не ровен час... \(20 января 1921 года\)](#)
 - [Трапезунд](#)
 - [Нижнеудинск](#)
 - [Трапезунд](#)
 - [Страсбург](#)
 - [Нижнеудинск](#)
 - [Трапезунд](#)
 - [Страсбург](#)
 - [Москва](#)
 - [Гаага](#)
 - [Москва](#)
 - [Гаага](#)
 - [Глава вторая. И смерть не главное из бед... \(21 января 1921 года\)](#)
 - [Москва](#)
 - [Иркутск](#)
 - [Страсбург](#)
 - [Москва](#)
 - [Страсбург](#)
 - [Трапезунд](#)
 - [Страсбург](#)
 - [Трапезунд](#)
 - [Хабаровск](#)
 - [Гаага](#)
 - [Глава третья. Но цветет багульник... \(2 апреля 1921 года\)](#)
 - [Красноводск](#)
 - [Харьков](#)
 - [Красноводск](#)
 - [Прут](#)
 - [Харьков](#)
 - [Верден](#)

- [Харьков](#)
 - [Париж](#)
 - [Харьков](#)
 - [Ливадия](#)
 - [Глава четвертая. Твоей грешной, Россия, души... \(3 апреля 1921 года\)](#)
 - [Верден](#)
 - [Варшава](#)
 - [Верден](#)
 - [Варшава](#)
 - [Верден](#)
 - [Копенгаген](#)
 - [Ливадия](#)
 - [Тешин](#)
 - [Бремен](#)
 - [Варшава](#)
 - [Глава пятая. Будь же проклята эта война... \(30 апреля – 3 мая 1921 года\)](#)
 - [Петроград](#)
 - [Ташкент](#)
 - [Петроград](#)
 - [Кронштадт](#)
 - [Москва](#)
 - [Кронштадт](#)
 - [Петроград](#)
 - [Бремен](#)
 - [Марна](#)
 - [Харьков](#)
 - [Глава шестая. Сердце нараспашку, а душа в загуле... \(август – сентябрь 1921 года\)](#)
 - [Дуйсбург](#)
 - [Москва](#)
 - [Эрзерум](#)
 - [Москва](#)
 - [Иркутск](#)
 - [Москва](#)
 - [Потсдам](#)
 - [Петербург](#)
 - [Прага](#)
 - [Петербург](#)
 - [Постскриптум. На необъявленной войне... \(29 августа 1923 года\)](#)
 - [Корфу](#)
 - [Триест](#)
 - [Эпилог. Иркутск \(23 декабря 1924 года\)](#)
 -
 - [Кругобайкальская железная дорога. \(24 декабря 1924 года\)](#)
-

Герман Романов

Спасти Кремль! «Белая Гвардия, путь твой высок!»

*Светлой памяти брата
Владимира Романова,
погибшего при обороне Луганска
16 августа 2014 года,
и всем жертвам братоубийственной
войны на юго-востоке Украины
ПОСВЯЩАЮ*

Пролог. Севастополь (24 декабря 1920 года)

– Война с турками неизбежна, Александр Васильевич... И чем раньше мы ее начнем, тем будет лучше!

Генерал Арчegov задумчиво посмотрел на грозную махину «Адмирала Ушакова» – линкор стоял на бочке посередине Северной бухты, чуточку дымя одной трубой.

За ним, как цыплята за курицей, хотя такое сравнение и оскорбительно для Российского императорского флота, вытянулись в линию небольшие четырехтрубные крейсера, совершенно безжизненные на первый взгляд – полноценных экипажей на борту не имелось, да и взять матросов по большому счету было неоткуда.

– Мы должны окончательно втянуть Грецию в новый Балканский союз, а сделать такое возможно только путем совместной коалиционной союзнической войны против общего врага. И желательно очень короткой – нам нельзя связывать себе руки в будущем, по крайней мере нужно закончить активную фазу к маю. Правительство Кривошеина вчера приняло такое решение, теперь нам с Михаилом Александровичем предстоит согласовать его с Петром Васильевичем Вологодским!

В голосе генерал-адъютанта слышалась полная уверенность в успехе, и Колчак разделял этот, может быть и неуместный, оптимизм, хотя недавние события в Румынии показали, что такая быстрая война неизбежно приносит успех – устоять сразу против трех союзников, действовавших согласованно и без промедлений, Бухарест не смог.

Румынская армия оказалась наголову разбитой, а страна, еще недавно казавшаяся гегемоном на Черноморском побережье, безжалостно поставлена на колени. Валашское королевство полностью лишили тех земель, что были оттяпаны им от соседей, и обложили чудовищной по своим размерам контрибуцией. Выплаты должны были окончательно разорить строптивых румын, обратив все население в нищенство, а полное разоружение давало гарантию от возможной попытки реванша.

И вот теперь на очереди уже была Турция, и без того терзаемая со всех сторон победителями по Антанте – Англией, Францией и Италией. К последним, на свою голову, примкнула Греция, отчаянно желавшая чужими руками разделаться с вековым историческим врагом.

Арчegov знал по той истории, что эллинам крупно не повезло с такими «союзниками». Европейские державы, не желавшие нести потерь, в нужный момент тайно договорились с турками, и те, находясь в критическом положении, согласились на существенные территориальные уступки и концессии в пользу великих держав. Добившись своего без большой войны, новые «вершители мира» без малейших угрызений совести оставили воинственных, но глуповатых эллинов на растерзание разъяренным османам.

Греческая армия, неразумно вторгнувшаяся в глубь Анатолии, была разбита и в полном беспорядке бежала. Турки выместили ярость не только на христианском населении Киликии, в основном армянском, повторив, пусть в меньших размерах, резню 1915 года, и главным образом на малоазиатских греках, которые жили на восточном побережье Эгейского моря несколько тысячелетий. Последние, спасаясь от поголовного уничтожения, массово бежали, и более полутора миллионов вынужденных эмигрантов поставили Грецию на грань экономической катастрофы.

Но теперь сложилась принципиально иная ситуация!

Кемалю-паше уже не поможет Советская Россия, и ему не удастся разгромить армянские войска в Закавказье, обеспечивая себе тыл в войне против греков.

Наоборот, положение кемалистов станет намного хуже. На эрзерумском направлении готова

к наступлению Кавказская армия генерала Юденича, в которой, вместе с армянским ополчением, свыше семидесяти тысяч солдат и офицеров: турок уже вышибли из Карса и Ардагана, и не только вышли на имперскую границу России, существовавшую до 1914 года, но, в ряде мест, перешли ее, заняв с боем город Алашкерт.

Война шла ожесточенная, пусть и необъявленная, и с высадкой десантов на приморском направлении могла приобрести для османов катастрофический характер – они уступали русским в численности, но особенно в военно-техническом оснащении, испытывая жуткую нехватку артиллерии, пулеметов и боеприпасов.

Значительно ухудшалось положение кемалистов и на Западном фронте – на помощь греческим войскам могла выступить Болгария, недавний и противоестественный союзник Турции в мировой войне.

Теперь все упиралось во взаимные уступки греков и болгар – между Симферополем, Афинами и Софией, почти не прерываясь, шли оживленные консультации, торги и переговоры, на глазах окончательно склачивался новый Балканский союз.

«Братушки» были уже готовы вступить в войну, их молодой царь Борис, даром что немец, свое положение на троне упрочил – таковы обычно результаты маленьких победоносных войн. Оставалось только вернуть обратно территорию южной части Фракии с выходом на северное побережье Эгейского моря. Эта провинция была передана грекам в Версале новыми устроителями мира, желавшими на вечные времена продолжать править миром по принципу «разделяй и властвуй».

Такая политика плодила недовольных, чем и воспользовался министр иностранных дел России Милюков, накрепко привязывая болгар к «русскому курсу». Императорское правительство выразило полное согласие на присоединение западной части Турции с городом Эдирне, древним Адрианополем, в обмен на отказ Софии от притязаний на Македонию, к чему он также твердо и неуклонно склонял Афины.

Неуступчивая позиция эллинов по отношению к этому вопросу тоже начала стремительно изменяться в последние дни – положение для них стало таковым, что куда деваться!

Дело в том, что по жесткому настоянию союзников греческий король Константин, ярый германофил, отрекся от престола и вместе со старшим сыном Георгом, женой и дочерьми был насильственно выпровожен за пределы страны. Поселив своего давнего, упрямого и нежелательного оппонента в тихой швейцарской Женеве, союзники крайне энергично принялись закреплять достигнутый успех.

Молодой король Александр в своем государстве находился в двусмысленном положении чуждой народу марионетки – он был вынужден испрашивать согласия практически во всех делах у французского Верховного комиссара, что вел себя, на взгляд Арчегова, как американский посол в «банановой республике» или пахан на зоне.

Такая ситуация де-факто раздробленности страны, когда управление шло только из Салоник, где и заседала фактически оккупационная власть Антанты, со времен существования здешнего фронта в Великую войну, бесила вольнолюбивых греков. Вот только вырваться из-под такой назойливой опеки страна не могла и до поры до времени покорно выполняла все распоряжения союзников.

Однако с подписанием Бухарестского мира ситуация на Балканах изменилась радикально, и «версальские победители» внезапно осознали, что не только на них «куры записаны»...

Теперь в Афинах твердо усвоили – только помощь России позволит нанести поражение Турции, тем более что отказ от Македонии носил исключительно формальный характер – область с 1912 года находилась в составе Сербии, а теперь в Соединенном королевстве СХС. Этот камень преткновения, долгое время отравлявший отношения между соседями – болгарами, сербами и

греками, – совместными усилиями, наконец, убрали, и теперь можно было надеяться на создание крепкого военно-политического блока православных государств Балкан под эгидой России...

– Думаю, Петр Васильевич поймет наши доводы! И средства пока имеются, пусть и скудные!

Колчак стоял за войну с Турцией, тем более что таковая и велась с осени, пусть пока и необъявленная. Вот только чрезвычайно короткие сроки, отведенные на Трапезундскую операцию, – единственное, что серьезно беспокоило русского флотоводца.

– Это затянется, и бог знает на сколько времени, Константин Иванович! – Адмирал пожал плечами, с жадностью вдыхая соленый, будоражащий душу воздух, без которого уже не мыслил своей дальнейшей жизни, вернувшись в прежнюю стихию.

Он до сих пор с содроганием вспоминал время от времени крайне нервные дни пребывания в Омске, когда пришлось быть Верховным правителем России, городе, удаленном от моря на многие тысячи миль.

– Отнюдь, Александр Васильевич! Послезавтра мы с Михаилом Александровичем выедем в Царицын, оттуда будет долгий перелет до Уральска и дальше до Оренбурга. Числа двадцатого, не позже, погода, надеюсь, позволит, Черноморский флот должен высадить десант в Трапезунде. Месяца тебе хватит на подготовку?! Генерал Юденич подготовится к броску на Эрзерум, ему там проще – армия втянута в бои, воюет давно и довольно успешно. К этому времени мы уже будем в Иркутске и решим все вопросы с Сибирским правительством.

– Дай-то бог... – чуть слышно пробормотал Александр Васильевич, а генерал Арчegov принялся рассматривать стоящие на якорях английские корабли, уже несущие над кормой Андреевские флаги.

– До сих пор наши офицеры гадают, Константин Иванович, – или у англичан, как всегда, проявилось своеобразное чувство юмора, или это самое что ни на есть изощренное издевательство!

– С чего бы?

Арчegov пожал плечами, внимательно рассматривая переданные британцами корабли, что являлись как бы долей России в разделе кайзеровского флота.

Дело в том, что германские легкие крейсера и эсминцы, не пущенные на разделку, продолжали службу, но уже под французскими и итальянскими флагами – Париж и Рим специально настояли на таком разрешении, ибо легкие силы их флотов, крайне малочисленные, состояли в большинстве своем из устаревших кораблей.

Америка и Япония, и тем более Британия, в германских и австрийских трофеях не нуждались, англичане вообще вывели в резерв свыше 900 своих кораблей и судов – экономика богатейшей страны мира просто не выдерживала столь чудовищного бремени в виде Гранд Флита. Так что островитяне живо подобрали нужное количество «эквивалента», предназначенного для русских «союзников», в помощи которых снова возникла крайняя нужда, – все равно на слом пускать!

– Два крейсера, что стоят за нашим «Ушаковым», английские «города» «Биркенхед» и «Честер». Ранее они предназначались Греции, как и те три эсминца, что пришвартованы в Южной бухте, – «Медая», «Мелампус» и «Мельпомена», – на самом деле греческие «острова» «Крити», «Хиос» и «Самос». Был и четвертый, «Лесбос», его британцы в «Медузу» переименовали, но погиб при столкновении.

– Однако, – пробормотал генерал, состроив на лице гримасу, – с юмором у них все в порядке...

– Еще как, Константин Иванович! – Колчак криво улыбнулся. – Переданные союзникам германские линейные корабли пущены на слом, но нам, по сути, разрешили ввести в строй три

четверти линкора, кстати, тоже греческого, как ни крути.

– Три четверти?!

Восклицание вырвалось у Арчегова непроизвольно, и генерал посмотрел на три корабля, что стояли вплотную друг к другу – низкобортные, больше похожие на огромные несуразные лохани или утюги, с одинокой толстой трубою и возвышающейся массивной орудийной башней с двумя внушительными стволами.

– Это мониторы «Эберкромби», «Хевлок» и «Робертс», воевали в Эгейском море, четвертый систершип «Рэглен» был потоплен «Гебеном» три года тому назад.

– Ага! – Арчегов кивнул в ответ, быстро сложил башни – как раз на полноценный линкор и получилось.

– В Германии греки заказали линейный крейсер «Саламис», но началась война, и корабль так и не достроили. Башни и орудия к нему изготовили в Северо-американских штатах, вот и сбыли их англичанам, которые соорудили под них эти мониторы.

– С шуткой по поводу Греции мне ясно, в «наследство» к нам корабли попали явно с намеком на некие «толстые обстоятельства». Да, юмор у них своеобразный, чисто английский... Спрошу одно – они пригодны для войны? Лучше или хуже того, что мы сейчас имеем?

– Корабли относительно новые, им нет и пяти лет. Крейсера и эсминцы почти не уступают нашим по вооружению, по скорости значительно превосходят, учитывая изношенность «Корнилова» и черноморских «новики» – им капитальный ремонт давно нужен...

– Так в чем же дело?! Скажу так, пусть и грубо, учитывая службу в кавалерии, – дареному коню под хвост не заглядывают! – Арчегов осекся, посмотрел на хмурое лицо адмирала и понял, что шутка не достигла цели. Осторожно спросил, памятуя слова друга: – Что-то нехорошее насчет утонченной издевки?

– На мониторах стоят 14-дюймовые пушки, а в Англии таких на вооружении нет. Данный калибр имелся лишь на реквизированном линкоре «Канада», но он уже возвращен Чили.

– Понятно! – Арчегов помрачнел. – Свое производство снарядов мы не осилим, придется закупать?

– Только в САСШ, больше нигде. А связываться с японской шимозой не имею ни малейшего желания, особенно после взрывов погребов на «Микасе» и «Цукубе».

– А с крейсерами что не так?

– Да все, – взорвался адмирал, впервые потеряв хладнокровие. – Скорость в 25 узлов хороша, спору нет, но на новых английских «Данаях» все 29 узлов. В бортовых залпах равенство – по шесть пушек, но у британцев стоят в шесть дюймов, а на наших в 140 мм. И что худо – та же петрушка со снарядами – подобные в наличии только у японцев, да еще на старых испанских крейсерах имелись.

– Ни удрать, ни подрататься! – теперь нахмурился и Арчегов. – Закупать дорого, самим производить еще дороже. Может быть, наши пушки поставить – перевооружить недолго...

– Нечего ставить, стволы давно расстреляны. Сам голову ломаю, придется закупать у тех же англичан! – Колчак прошелся по пустынному юту – над головой адмирала возвышались чудовищные 15-дюймовые пушки «самодержицы всероссийской», а далеко впереди сверкал штык караульного у кормового флагштока.

– Теперь мне эта головная боль достанется... – Арчегов задумчиво почесал пальцем переносицу и решил выяснить еще один вопрос, не откладывая дело в долгий ящик: – На Мурмане как дела?

– Как сажа! – Адмирал засопел. – Тоже «город» пригнали, из самых первых. На «греках» пояс в три дюйма, а там бронирована только палуба. Пушки, правда, в шесть дюймов, но их только две, да еще десяток бесполезных четырехдюймовых, почти такие же на наших эсминцах

сейчас стоят. Специально отобрали, с изъяном.

– Но англичане в Мурманск два корабля привели...

– Второй не крейсер, новенький броненосец береговой обороны «Горгон», строился для Норвегии как «Нидарос». Введен в строй всего два года тому назад, систершип «Глеттон» сразу сгорел, едва только успев флаг поднять. С радостью нам сбыли...

– А что же Осло его не потребовало вернуть?

– Так последний платеж провести нужно, а кто же сейчас будет деньги тратить, бесполезные корабли покупая?

– Вооружение тоже с подвохом?

– Не без этого – главный калибр в 234 мм, у нас таких на кораблях нет, только в десять дюймов.

– Сукины дети!

Искренне, в сердцах выругался по адресу «жертвователей» Арчegov, но в то же время мысленно восхищаясь изворотливостью островитян и их умением везде и всегда добиваться для себя выгоды. Вроде бы щедрость проявили, компенсировав России за свой счет долю в разделе германских трофеев, передав новые корабли, но совершенно бесполезные для англичан и предназначенные на слом.

– Хотя...

Генерал-адъютант над чем-то серьезно задумался, на широком лбу собрались морщины – Колчаку показалось, что Арчegov постарел разом лет на десять и уже намного старше его самого. Однако наваждение длилось недолго, до первого узнаваемого смешка.

– Это после Второй мировой войны наши «заботливые друзья» начнут раздавать свои корабли любым возможным союзникам, накрепко усвоив истину – если хочешь разорить небольшую страну, то подари ей крейсер. Сейчас сбыть залежалый товар не могут, вряд ли кому нужно покупать «скауты» и «тауны» и тем паче первые дредноуты. А просто дарить «тройских коней» пока еще не принято...

Арчegov прикусил губу, глаза сверкнули. Генерал несколько раз нервно хохотнул, и Александр Васильевич напрягся – он уже хорошо знал манеры своего друга.

– Это не столько шутка и издевательство, сколько предупреждение. И они тем самым показывают, что воевать с Турцией дальше не станут. Думаю, и французы с итальянцами уже отказались от этой затеи. Первым стало не до нее – красные подошли к Рейну, а вторые ведут себя как шакалы и сходиться в рукопашную один на один никогда не станут. Вот и намекают островитяне, что будут не против, если мы поддержим греков силою.

– Даже так?! Но ведь французы чуть ли не каждый день взывают о помощи, для них наше участие в войне с османами крайне невыгодно.

– Так то французы, пусть продолжают дальше заблуждаться. А вот британцы, Александр Васильевич, давно поняли, что у нас найдется добрый десяток причин, чтобы и дальше как можно дольше находиться с большевиками в состоянии вооруженного нейтралитета. И отговорки у нас всегда найдутся – сейчас зима, затем грянут морозы на Урале и выпадет непроходимый снежный покров, потом наступит весна с ее непролазной грязью и запоздавшими заморозками. Если потребуется, то сошлемся на подорванную экономику и необходимость посевной...

– Затем нам помешают проливные дожди, не дай бог, конечно, сенокос и уборочная... – улыбнулся краешками губ Колчак. – Потом наступит осень с ее проливными дождями и распутица, ранние морозы и прочие напасти с казнями египетскими!

– До этого, надеюсь, не дойдет, все решится намного раньше. Мы ударим тогда, когда большевики подойдут к Парижу, никак не позже. Франция сейчас для них как морковка... перед мордой осла! Красные должны бросить на запад все свои резервы, и это они обязательно

сделают, прах подери, ведь слишком высоки ставки. Пусть пройдут как можно дальше, мы им поможем в реализации этого авантюрного похода. Не понимают товарищи, что лучше синица в руках, чем журавль в небе... А тем паче дятла в собственной заднице! Французы, немцы и большевики должны взаимно истощить друг друга, а заодно погромить другие европейские страны! Только в этом случае мы спасем Россию и обеспечим ей достойное будущее!

– Это понятно, но при чем здесь британцы и турки?

– Англичане преследуют те же самые цели, что и мы. Заблаговременно ослабить конкурента и потенциального врага в их правилах. Раз мы оттягиваем войну с большевиками, то в Лондоне позаботятся о том, чтобы ненавистные для них белые русские понесли потери и не смогли бы сокрушить красных в будущем. И не стоит удивляться, если британцы не вооружат тайком Кемаля-пашу. Ты не забывай, что, разгромив Румынию и наплевав, таким образом, на условия Версальского мира, мы для Антанты сейчас стали самым натуральным врагом, с которым, пока есть необходимость в его помощи и нет сил для обуздания, считаются. Но это ненадолго, и нам нужно брать по максимуму сейчас, через полгода будет поздно!

– Но почему воюем за Турецкую Армению и Понт, почему не захватим Проливы? Если мы запрем Босфор, то избавимся от угрозы раз и навсегда!!! И в конце концов, нам же их обещали отдать!

Колчак нахмурился – слишком долго черноморские проливы служили главной целью как русской дипломатии, так и Черноморского флота. И отказаться от этой идеи фикс не имелось ни сил, ни желания.

– России много чего обещали, – зло засмеялся Арчegov, – а мы, как дети малые, верим. Соваться в проливы сейчас самоубийственно, там британские линкоры. Но если нельзя действовать прямо, то можно опосредованно – были они турецкими, станут греческими! Главное, мы-то ни при чем, англичан без нужды злить не надо. И вообще, я не понимаю, зачем нам нужны эти самые Дарданеллы с Константинополем?! Греков превратить из друзей, пусть плохих, в смертельных врагов! Недальновидную политику вел имперский Петербург, очень недальновидную!

– А если потом нас греки, как ты любишь выражаться, кинут?! Ведь такое случалось сплошь и рядом с союзниками! Надавит Антанта, британцы свои линкоры к берегам подведут...

– Это они могут, если их хорошо попросят. Но мы не должны ворон ловить и клювом щелкать. Надо сделать так, чтобы у них мысли о таком «провороте» не появилось, ибо от предательства навредят себе намного больше, чем могут выиграть. Большие территории потерять могут и ничего взамен не приобрести!

– Вот для чего нам Трапезунд потребовался? – удивленно протянул Колчак. – Вроде той морковки?

– Скорее живец, и не только! – усмехнулся генерал, но глаза недобро сверкнули. – Тайный военный союз и брачные узы между монархиями многому служат. Пусть проливы останутся за греками, но зато нашей с потрохами станет будущая... Византия!

– И когда, Константин Иванович?

Ошеломленному адмиралу потребовалась целая минута, чтобы оценить дерзость замысла и задать осторожный вопрос, что прямо жег язык. Александр Васильевич сразу понял, что это не шутка, абсолютно неуместная, а точно выверенный расчет.

– Обещанного три года ждут! И мы подождем, время есть... – загадочно усмехнулся Арчegov, и флотоводец не выдержал, поднял на друга чуть ли не умоляющие глаза.

– Я не спрашиваю тебя о политике и тех действиях, что предстоит предпринять его величеству. Знаю, что каждый должен знать столько, сколько требуется для отправления должности. С турками и большевиками для меня все ясно – будем действовать должным образом.

Ты скажи мне одно – с кем через три года война, мне же флот готовить нужно?!

– Так они еще сами не знают, что с нами воевать будут...

«Вими» натужно ревел мощными моторами «Роллс-Ройс», медленно поднимаясь в пронзительно голубое небо. В просторной пассажирской кабине, где с немислимым по этим временам комфортом расположились в удобных креслах два человека, гул работающих двигателей отражался от фанерных стенок, заставляя их вибрировать мелкой дрожью.

– Не рассыпался бы он в полете, болезный...

Генерал Арчегов усмехнулся, сжимая пальцами обитые мягкой кожей подлокотники. Но вольготно сидеть, откинувшись на спинку, было неудобно – мешал парашютный ранец. В меховом комбинезоне, стянутом лямками подвесной системы, утренний мороз совершенно не чувствовался, лишь легонько прихватывало открытые щеки.

Сидевший напротив генерала Михаил Александрович был полностью поглощен наблюдением – в окошке внизу проплывали заснеженные поля, да дымили трубами похожие на маленькие спичечные коробки дома. Проплыла белая лента скованной льдом Волги, и потянулась бескрайняя степь с серыми проплешинами.

Странно, но высоты он совершенно не боялся, как и того, что двигатели аэроплана могут «обрезать» в любой момент. Полученных от друга уроков, двух прыжков с парашютной вышки, установленной в Качинской школе летчиков, и тщательной инструкции хватило, чтобы усвоить – выжить в небе не просто можно!

И падать камнем целую версту не придется, повторяя безумный полет гордеца Икара. Чего проще – генерал откроет люк в полу, прицепит карабин вытяжного фала его парашюта и толчком в спину отправит в полет.

Купол откроется – в этом Михаил Александрович не сомневался, ибо укладывал его со стропами много раз самостоятельно, при помощи Арчегова, разумеется. Да и безлюдной степь только казалась на первый взгляд – внизу были кочевья казахов да многочисленные разъезды уральских казаков, заблаговременно вышедших как раз для такого случая.

– В мое время недостатки умения пилотов компенсировались техническим совершенством. Здесь наоборот – примитивность конструкции восполняет мастерство пилотов!

Громкий голос, почти крик генерала был услышан сквозь гул, и Михаил Александрович кивнул в ответ. Летчики на императорском «Вими» не просто опытные, а самые умелые – командир еще в 1919 году прошел по этому маршруту, совершив долгий перелет с письмом генерала Деникина к адмиралу Колчаку.

Последние три месяца полдюжины новейших двухмоторных аэропланов, любезно проданных «заклятыми друзьями» англичанами, совершали фантастические и невероятные прежде полеты от самого Царицына до Оренбурга и даже намного дальше, до Петропавловска и Омска. Впрочем, они были таковыми только для русских пилотов – тот же «Вими» год назад перелетел из Нового Света в Англию через Атлантику, совершив первый трансконтинентальный перелет.

Но и так тысяча верст расстояния при семи часах полета казались сейчас Михаилу Александровичу невероятным подвигом, который он и собирался сегодня совершить.

– Скукота, Мики, полная! В окно тебе через полчаса надоеет смотреть – даже с картой невозможно работать, привязок к местности никаких. Так что пообедаем через три-четыре часа, пару раз попьем кофе из термоса да будем спать. Заняться чем-нибудь полезным невозможно, а разговаривать трудно – голос от крика сорвем!

Проорав последние слова, генерал немного поерзал в кресле, устроился удобнее и вскоре, как показалось Михаилу Александровичу, заснул самым настоящим крепким сном.

– Вот это нервы...

Император в который раз искренне поразился поразительному хладнокровию друга, но тут вспомнил, из какого тот прибыл времени. Летать Арчегову приходилось много, как и прыгать с парашютом, это для него самого все в диковинку: и удивляет, и страшит.

Усмехнувшись, Михаил Александрович снова уставился взглядом в квадратное прозрачное окошко – внизу проплывало запорошенное снегом пространство...

«Полюбишь авиацию, как товарищ Сталин, и будет из тебя толк в этом деле! За ней будущее, и ты это уже понял!»

Арчegov демонстрировал здоровый сон, хитро подсматривая через прищуренные веки за своим венценосным другом. Спать не хотелось ни в какую – аэроплан начала века – это не авиалайнер его конца, звукоизоляция отсутствует по определению, не считать же таковой фанеру с полотном. Но мыслить шум моторов не мешал, и этого было достаточно.

«Мы пока у англичан «этажерки» покупаем, но и свои делать начнем. Сикорский в Таганроге новые «Ильи Муромцы» на крыло скоро поставит, своя гражданская авиация будет. Это мы здорово придумали конкурс на «тысячник» объявить – полет на тысячу километров с тысячью килограммов полезного груза. В хватке ему не откажешь – за три месяца обещал сделать, да еще с перевыполнением задачи, благо вместо дохлых «Санбимов» вдвое сильные моторы «Либерти» в Штатах покупаем.

Но деваться нам некуда – собственное моторостроение практически отсутствует. Ничего, года через три-четыре лицензионные двигатели выпускать будем, а там и свои моторы появятся. Истребители сейчас нам не нужны, надо транспортники да пассажирские лайнеры, хм, если можно так их именовать, строить. Кадры готовить, аэропорты – да чего только не нужно в нашем положении. Та же связь, радиостанции, училища – инфраструктура жизненно необходима, без нее настоящей авиации и ВВС не создашь. Ничего, со временем все будет!»

Мысли хотя и текли спокойно, но ежедневный ворох различных забот стал привычным для него бременем. Страна, получив год живительной передышки, уже жила мирным временем, и ввергать ее в новую братоубийственную войну не желал никто.

Все свои надежды Арчegov связывал с коротким блицкригом, «молниеносной войной», если такой термин только применим к тысячеверстным русским расстояниям, надеясь не столько разбить большевиков, а просто вытеснить их за пределы России.

«Как бы сделать так, чтобы они сами ушли? Думай, голова, на то ты и дана – пусть французы с немцами до упоения режутся, а наши коммунисты им мировую революцию устраивают – но чтобы у нас от Днепра до Амура полное спокойствие в стране наступило. За десять лет мы все последствия гражданской войны потихоньку ликвидируем, порушенное восстановим, новое созидать будем. Хватит сомнительных социальных экспериментов, пора делом заниматься!»

Может быть, обычному мирному гражданину и покажется странным, но больше всех не любят войну именно военные. И потому, что в отличие от политиков и обывателей прекрасно понимают, что именно им придется умирать в первую очередь. Для простого мужика, крестьянина с одной лошадкой и тремя десятинами посева, война вообще является жутким апокалипсисом, от которого страдает весь привычный для него мир. Именно это ощущение и стало убийственным для империи, когда война не просто затянулась на долгие годы, но и продолжала дальше высасывать из крестьянского мира все новые и новые жертвы.

«Нельзя воевать с большевиками, никак нельзя. Если мобилизацию начать проводить, то весь кредит доверия мгновенно потеряем. Воевать только одной кадровой армией невозможно! Все правильно, все верно – другого пути, чем этот, у нас просто нет! Тогда больше не стоит терзать себя, ведь через три недели я буду с Ниной и детьми... Какое счастье, что у меня здесь

есть семья и дом, а все остальное лишь суета! Как же я по ним соскучился, и как мне все надоело!»

Арчegov бросил короткий взгляд на Михаила Александровича – тому надоело таращиться в окошко, и теперь император курил папиросы, выпуская клубы дыма, да о чем-то напряженно думал – лицо приняло сосредоточенное и суровое выражение.

«Ничего не поделаешь, Мики, – ныне ты не самодержец, так что придется с Вологодским договариваться и Народное Собрание убеждать. Все понимаю, но так нужно. И жениться тебе придется, Милюков тебе прекрасную партию подобрал. Пусть невеста и старая дева по здешним меркам, но и жених из тебя не первой свежести. Твой брак дело политическое, так что собственные желания и антипатии принесешь в жертву, ты же умный, все сам понимаешь. Куда деваться!»

Невеста, принцесса Греческая и Датская Ольга Константиновна, оказалась троюродной сестрой Михаила Александровича как по линии матери, в девичестве Дагмар, принцессы Датской, так и по линии прадеда, императора Николая Павловича.

Препятствий со стороны церкви не ожидалось – патриарх Константинопольский прекрасно понимал все выгоды такого союза между 42-летним императором, пусть и некоронованным, и 24-летней принцессой, что томила в изгнании в далекой Женеве.

Да и выбора у девушки не имелось по большому счету – мировая война изрядно проредила царствующие дома, и многие монархи и многочисленные члены их семей превратились в одночасье чуть ли не в простых обывателей, оставив при себе только громкие, но уже ничего не значащие титулы. Так что рассчитывать на предложение наследника какого-нибудь престола не приходилось, кому нужна бесприданница!

Единственный изъявивший желание претендент на руку и сердце Ольги румынский королевич Кароль, с очень дурной репутацией молодой человек, откровенно говоря, шалопай, потаскун, изрядная сволочь и завзятый бабник. На брак с ним греческий экс-король Константин все же дал свое согласие, желая хоть как-то пристроить дочь, да и новоявленный жених ревностно пристал к Ольге, словно березовый лист к пикантной части тела в одном жарком помещении.

Показательная порка Румынии, устроенная ее соседями, сорвала поездку греческой принцессы в Бухарест, да и акции самого Кароля упали, как говорится, ниже плинтуса – тут и репутация сказала, и экономическое состояние страны, где с финансами и так было раньше туго, а сейчас стало совсем беспросветно.

Потому визит министра иностранных дел Российской империи Милюкова в Женеву напрямую из Парижа греческая королевская семья восприняла как чудо, и долго не могли поверить Павлу Николаевичу. Слишком сказочное пришло спасение!

«Наша маленькая победоносная война помогла болгарскому царю Борису устроить своим левым оппонентам показательную порку. Теперь его акции высоки как никогда и станут еще выше, когда появятся новые приобретения... Или вернется старое – тут как посмотреть! И греческий король Александр уже держит нос по ветру – ведь в случае успеха он сможет своего «Вазелина» по стенке размазать и чуть ли не самодержцем стать. И не знает, что крылышки его могут и подрезать! Нет, ставки сделаны правильно – стоит им заглотить живца, и уже никуда от нас не денутся, в одной упряжке ходить будут и не дергаться. Мы и есть их гарантия «светлого будущего», и никто другой его не обеспечит!»

Арчegov мысленно усмехнулся, припомнив, как доказывал Михаилу и Кривошеину реальность своего плана – те поначалу пришли в ужас, ведь задуманное генералом дело больше походило на погоню за тремя зайцами. Но, рассчитав возможности и конечный результат, согласились, хотя и не скрывали опасения от возможной неудачи, которая могла обернуться для

России, и так измороженной шестилетним периодом непрерывных войн, катастрофическими последствиями.

«Еще бы – затеять войну и в случае успешного итога не получить ничего, пусть и формально, а не фактически. Создание Балканского союза имеет жизненное значение для будущего империи, как и образование нового греческого государства со столицей в Трапезунде и Великой Армении. Но как передать их Греции, не выпуская из рук бразды правления, держа их под протекторатом?! Да еще с прицелом на будущее присоединение формально независимой страны?!

Да и вопрос с Грузией будет решен без войны, я на это сильно надеюсь – потомки царицы Тамары станут намного сговорчивее, когда будут окружены со всех сторон, как и румыны, – и «форточкой» в мир для них станет море. Но ненадолго – если удастся запечатать проливы, то мы их к себе живо подтянем. И главное – если большевики примут эти наши войнушки всерьез, то цель будет достигнута. Если Фрунзе перебросит резервы, то... Нет, об этом не стоит, нельзя смешить ЕГО своими планами!»

Арчegov оборвал размышления, испугавшись за собственный замысел. Он устал, очень устал и хотел только одного – вернуться домой и почувствовать себя мужем и отцом, перестать походить на тех хладнокровных и циничных политиков, что могут шагать по трупам, ведя людей в некое счастливое будущее, которое таковым и не является. Уже погружаясь в сон, он вспомнил и повторил изречение одного из римских императоров:

«Делай что должно, и будь что будет!»

Глава первая. А на войне не ровен час... (20 января 1921 года)

– Удачно пришли, как по заказу...

Капитан второго ранга Петр Игнатьевич Тирбах, уцепившись правой рукою за леера ограждения рубки, крепко стоял на покачивающейся под ногами палубе «Тюленя».

Несмотря на середину зимы, Черное море было относительно спокойным, но пологая волна являлась достаточно сильной. Подводная лодка почти беззвучно подрабатывала электромоторами, дабы ее железную тушу не вынесло на каменистый берег, до которого оставалось меньше двух кабельтовых, каких-то три сотни метров.

«Продержится еще пару часов, не меньше, пока батарею не разрядит, а то запущенный дизель уже бы всю округу на уши поднял. А этого времени нам вполне хватит, турки любят поспать, да и не ждут такой атаки с моря!» – Мысли проносились в голове быстро, но так же спешно трудились на железной палубе матросы команды, спускающие на воду собранные в ночной темноте лодки и плотики.

В своем чреве до турецкого Трапезунда «Утка», а также пришедшие вместе с ней две подлодки типа «АГ» доставили больше полусотни морских диверсантов Тирбаха, которые были должны захватить стоявшие в гавани турецкие корабли. Кстати, единственные, что остались у мятежного генерала Кемаля-паши, продолжавшего вести отчаянную войну за независимость с наседающими со всех сторон врагами.

Но теперь дела векового противника России пошли совсем худо, ибо сейчас русские решили помочь военной силою своим единоверцам – грекам и армянам в их справедливой борьбе...

– Погода благоприятствует, Петр Игнатьевич, луна скрылась, высаживайтесь смело. Вряд ли османы нас видят!

Рядом с Тирбахом находился помощник командира «Утки» капитан-лейтенант Кюхельбекер, остзейский немец, ставший русским морским офицером по примеру своих предков, что уже полтора века ходили по морям под Андреевским флагом. И служили честно – летом 1919 года отважный моряк вывел свою подлодку из Севастополя и дошел до Новороссийска, имея на борту меньше половины штатного экипажа, причем в большинстве своем состоящего из офицеров армии, казаков, вчерашних гимназистов и прочих штатских. Ушли из-под самого носа англичан и французов, которые с рьяным ожесточением принялись уничтожать русские корабли, не желая передавать их ни белым, ни подступавшим к городу красным.

Линкор и новые турбинные эсминцы союзники, что оказались хуже злейших врагов, увели в Константинополь, не скрывая желания их присвоить, на старых броненосцах были взорваны крышки паровых котлов, а дюжину русских подводных лодок вывели на внешний рейд и там затопили, открыв кингстоны.

Из всего Черноморского флота в руках белых остались лишь жалкие остатки в виде старого крейсера «Генерал Корнилов», именовавшегося на стапеле «Очаковым» и на котором в давние времена поднял красный флаг мятежный лейтенант Петр Шмидт, нескольких угольных эсминцев и четырех подлодок. Имелась еще пара ветхих канонерских лодок с таким же древним минным заградителем, место которым на брандвахте, и то в лучшем случае, а не в открытом море...

– Рисковый вы человек, Петр Игнатьевич, если что не так пойдет, то дайте красную ракету! Я не выпущу турок из гавани, да и «агэшки» нам помогут. А там и «генералы» придут, ровно час остался! – Кюхельбекер демонстративно посмотрел на тускло освещенный фосфором циферблат швейцарских часов. – Думаю, сами управимся, времени с избытком!

Тирбах задорно тряхнул головою и тут же ухватил крепкими пальцами козырек, поправив фуражку, искоса, но с уважением посмотрел на застывшие у 75-мм пушек расчеты – временно

исполняющий обязанности командира «Утки» отнюдь не бахвалился, экипаж его подводной лодки действительно рвался вступить в бой с двумя турецкими канонерками.

Вот только ничего хорошего в таком столкновении для нее не было, слишком неравны силы!

С «Американских Голландов» в такой стычке, пусть даже ночной, вообще мало пользы – на подлодках стоит только одно орудие, причем в жалкие 47 мм. Слабое и маломощное, его и с обычной полевой трехдюймовкой не сравнишь, не говоря о тех английских морских пушках, что стояли на турецких кораблях.

Правда, можно было пустить в ход торпеды с самой убойной, чуть ли не пистолетной дистанции – темнота такой атаке только благоприятствовала, но именно этого русские моряки не желали делать категорически, весь расчет строился на иной вариант развития событий...

– Большевики очень сильны, Мики! Я раньше даже не представлял, насколько чудовищна их мощь...

Арчegov отхлебнул горячего рубинового чая, едва прикоснувшись губами к стеклу. Константин Иванович крепко держал за вычурную ручку массивный серебряный подстаканник, прилагая определенные усилия, чтобы не облиться кипятком. А такое несчастье могло произойти в любую секунду, так как вагон ощутимо потряхивало.

Разболтанная за время гражданской войны железная дорога словно покрылась небольшими ухабами прогнивших шпал. Хотя труд путейцев совершил почти невозможное, да что там – совсем невероятное дело, – еще год назад железнодорожные пути по всей Сибири находились в совершенной разрухе, и маршевая скорость паровоза в десять-пятнадцать верст в час казалась запредельной.

Но опять же, все относительно. Если сравнить с положением в РСФСР, то нынешнюю ситуацию в Сибири можно назвать почти идеальным порядком, а министерство путей сообщения отлаженным, как надежные швейцарские часы, механизмом, базирующимся на знаменитом немецком «орднунге».

Впрочем, данное ведомство оставалось одним-единственным наследием российских самодержцев, что ухитрилось пережить саму рухнувшую империю, причем и сейчас пребывало в относительно работоспособном состоянии, когда все вокруг находилось в крайне печальном виде.

– Как мы их...

Константин Иванович не договорил, чуть ли не прикусив язык – вагон ощутимо трянуло. Генерал усмехнулся и посмотрел в окно, мимо которого медленно проплывал чистенький перрон станции, за которой виднелся дымящий сотнями печных труб уездный сибирский городок, освещенный красными бликами выползающего на горизонт солнца.

Это был тот самый Нижнеудинск, где чуть больше года тому назад стоял поезд Верховного правителя адмирала Колчака и «золотые эшелоны», которые тогда плотно оцепили чешские солдаты. Больно жаждали мимолетные «союзники» несчастной России запустить блудливые ручки в таящие неслыханные богатства утробы вагонов, обычных теплушек, набитых тяжеленными ящиками с вожделенным «презренным» металлом, вовремя вывезенным из Омска.

«Не срослось дельце у наших «братушек» новоявленных, так что «Легия-банк» они в Праге теперь вряд ли откроют! Хватит с них того, что и так здесь нахапали!»

Арчegov пожал широкими плечами, вспомнив горячие декабрьские дни уже далекого 1919 года, и сморщился от боли – задетая пулей ключица ныла до сих пор, и неудачное движение вызвало неприятный спазм. Константин Иванович погладил плечо ладонью и еще раз посмотрел на станцию. Нахмутив брови, генерал задумался на секунду, что-то подсчитывая, и улыбнулся самыми краешками губ.

– Что с тобою, друг мой?

– Не узнать... Ровно год тому назад, день в день, почти в тот же час, я был здесь, на этой самой станции – от Иркутска на Красноярск пошли, армию Каппеля спасать...

– И меня вместе с ней! – усмехнулся Михаил Александрович, но генерал пропустил слова мимо ушей и лишь внимательно смотрел на станцию, мысленно представив те тягучие дни да забитые теплушками воинских эшелонов пути, рядом с которыми высились мрачные бронированные коробки, оцетинившиеся орудийными стволами башен.

Сейчас не было ни бронепоездов, ни снующих кругом солдат, ни копоты с мусором на белом

снегу, что тогда высился горками. Снег аккуратно перекидали в большие кучи, здание за лето тщательно отремонтировали, подкрасили, вставив в окна блестящие на солнце стекла. А из военных маячил одетый в новенькую черную шинель станционный смотритель, державший в руках жезл с круглым навершием.

Чуть в стороне, куда уж тут денешься – верная примета мирного времени, – монументами высились несколько подтянутых жандармов, словно вернулось то прошлое, которое Россия потеряла в смутное лихолетье, затянувшееся на четыре года.

– Да, Константин Иванович, не думал, что после всех завоеваний революции, – Михаил Александрович усмехнулся при последних двух словах, которые выговорил с непередаваемым сарказмом, – я снова увижу самых настоящих жандармов на улицах! Словно и не было этой кровавой вакханалии минувших лет, прошла она, как кошмарный сон, и наступило прежнее спокойствие и порядок!

– Ага! Как там у поэта написано – и вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ!

Арчegov удивился созвучию мыслей. Наверное, чересчур тесно общались они, чтобы не перенять друг от друга многое. Тут народная мудрость права: с кем поведешься, от того и наберешься.

– Слишком долго вы, я имею в виду имперские власти, верили в незыблемость устоев самодержавия, в прочность ее двух основных столпов – солдата с винтовкой в руках и вот, жандарма. А ведь служивые – всего лишь мужики, обряженные в шинели, и стоило царю окончательно потерять их доверие, как монархия на эти самые штыки и была поддета. Жандармы... Хм... Все знающие, все умеющие, недремлющее око... Много ли к ним прислушивались? А каково отношение было? Господа офицеры даже рук не протягивали – брезговали-с!

– Но сейчас-то, Костя, ситуация изменилась...

– Конечно! После того как страну напроць сожгли, стали взывать о пожарных! Хорошо погуляли!!! Весело, с огоньком... Вечно русских из края в край бросает!

– Это точно... – нехотя согласился Михаил Александрович, моментально помрачнев лицом.

– С души тошнит! – слишком грубо отрезал Арчegov. Чай был отставлен им в сторону, и генерал забрался крепкими пальцами в серебряный портсигар, выудив оттуда папиросу.

– Ну и железная выдержка у тебя, Константин Иванович, я все думал, когда же задымишь?! Ты совсем как немец стал – куришь после завтрака, обеда и ужина.

– Ты забыл еще про полдник и вечерний кофе. Ровно полдесятка. Как видишь – слово дал и его держу!

– Так бросал бы ты это дело! Сам же мне говоришь, что курение вредно для здоровья.

– Если бы в рейды ходил... То да, дыhalка очень нужна, не курил бы, понятное дело. А так спокойная генеральская должность, весомый харч, что ж не подымить-то?

Арчegov усмехнулся, но его глаза, полыхнувшие болью, сощурились, под кожей на щеках заходили тугие желваки. Да и голос стал уже не шутливый, а тоскливый:

– Не могу бросить, Мики. Пятнадцать лет один и тот же запах всю душу выворачивает... Горелое мясо, жареная человечина! У меня в Афганистане парни в БТРе сгорели, от пламени тела скукожились, в головешки превратились. Как вспомню ту копоть, так всю душу наружу выворачивает, только табак и спасает!

Генерал в три затяжки добил папиросу и решительно смял окурок в пепельнице. После короткой паузы снова заговорил, но уже привычным для себя сухим и резким голосом, насквозь прежним, в котором полностью исчез человек и остался военный:

– Так вот, Мики, я тебе сказал, что большевики чудовищно сильны. Победить белые не могли ни в каком случае! Один шанс из тысячи! Нам невероятно повезло, что красные завязли в

Европе, погнались за миражом мировой революции... Как тот осел за морковкой!

– Какой мираж, Константин Иванович?! Еще пара недель, и эта новая Батыева орда Францию захлестнет! Им там с Рейна до Парижа и Брюсселя идти всего ничего!

– Во-во, а я что тебе говорю?! Чудовищно сильны большевики... Особенно если в расчет тех кукловодов взять, что за ними стоят! Все правильно сделали, к своей вящей выгоде, режиссеры гребаные – и нашим, и вашим! И не возьмешь их за глотку, самим опасаться нужно, чтоб пальцы на нашей шее крепко не сжали!

Арчegov нахмурился, сведя густые брови к переносице, пальцы простучали по столу затаенную барабанную дробь. Поезд дернулся, стал замедлять ход, но генерал не обратил на это внимания, продолжал говорить тем же голосом, словно размышляя вслух:

– Белому движению откровенно подфартило, просто жутко счастливое стечение обстоятельств. Тебя в июне восемнадцатого из-под расстрела спасли, я в декабре следующего года в шкуре одного спившегося ротмистра очутился... Вроде маленькие, совсем незначительные нюансы, это я к роли личности в истории, но весьма значимые. Помнишь, Мики, восточную мудрость про лишнюю соломинку, что сможет сломать хребет здоровенному, но хорошо нагруженному верблюду?

Арчegov криво улыбнулся – новостям из Европы следовало радоваться, только последние дни он не находил себе места. В голове погребальным колоколом билась одна мысль...

«Никак выгорело дело?»

Тирбах пристально смотрел на вырастающий в темноте борт турецкого корабля. Тот словно вымер, на борту не было видно ни одного огонька, даже на полубаке, обычной «матроской курилке» на всех флотах мира, не мерцали огоньки папирос. И как офицер ни вглядывался в ночную, хоть глаза выколи, густую темноту, но признаков жизни на канонерской лодке «Айгин-Рейс» обнаружить так и не смог.

Это означало только одно из двух – либо штурмовая группа мичмана Осипова уже взобралась без шума на борт «османа» и принялась вершить там «зачистку», как любил выражаться его высокопревосходительство генерал-адъютант Арчegov в первый месяц обучения будущих «боевых пловцов» на учебной базе, что была основана на берегу Байкала у Лиственничного. Либо, что тоже весьма вероятно, экипаж там откровенно манкировал воинской службой и дрыхнул самым бессовестным образом.

Такой вариант имел весьма высокую вероятность – на турецком флоте вот уже полвека царили весьма странные для любого европейского моряка порядки начиная с дисциплины, и даже строгие и педантичные германские офицеры, всю войну проводившие на палубах османских кораблей, не смогли выбить из голов восточных союзников накопившийся за столетия груз дурных обычаев.

«Может быть, на борту нет никого, а команда канонерки сошла на берег еще вчера? Да что это за порядки у них такие – идет война, а тут спят все кругом, и флот, и гарнизон?!»

Тирбах задал себе еще один вопрос, на который пока не мог дать ответа. И усмехнулся, стараясь подавить предательскую нервную дрожь – слишком рискованную задачу предстояло решить.

...Месяц тому назад в Севастополе, на борту флагманского «Императора Петра Великого» с ним беседовал адмирал Колчак – да-да, именно беседовал, со всей искренностью, с которой маститый флотоводец может говорить с заслуженным офицером.

Александра Васильевича заинтересовали некоторые моменты, связанные с августовским инцидентом на Сунгари, что являлось строжайшим секретом, ибо тот мог привести к серьезным внешнеполитическим осложнениям между Сибирью и Китаем. Памятуя прямой на то приказ генерала Арчегова, Тирбах не стал хранить тайну.

Дело в том, что южный сосед воспользовался революционными событиями и нагло захватил добрый десяток плававших по Амуру русских пароходов. Большинство из них удалось возвратить уже в конце лета, благо вступившие в строй мониторы и другие корабли Амурской флотилии вернули китайцам должное уважение к Андреевскому флагу. Но с двумя, которые были вооружены мелкокалиберными пушками и названы для вящего страха «северных варваров», а именно так именовали русских ханьцы, «речными крейсерами», пришлось повозиться.

Один был сразу перехвачен «Вьюгой» – демонстративно направленные на китайцев орудийные башни тысячетонного бронированного монитора, из которых торчали весьма устрашающие стволы, привели моряков Поднебесной в состояние жуткой паники – они сразу же выбросились на берег, оставив прежним хозяевам судно, и шустро, как ошпаренные кипятком тараканы, разбежались по тайге.

Второй крейсер укрылся в левом притоке Амура – Сунгари, в Маньчжурии, к тому же китайцы, опасаясь ответного «визита вежливости» северного соседа, перегородили русло реки минным заграждением. Перед морским министром контр-адмиралом Смирновым встала трудноразрешимая задача – как без открытия стрельбы лишить южных соседей несправедно

нажитого российского имущества и если не отобрать его обратно, то полностью уничтожить.

Вот тут-то начальство и вспомнило о секретной байкальской базе, и Тирбах получил приказ уничтожить китайский корабль, причем в самые сжатые сроки.

Операцию разработали и провели за неделю – группу моряков с миной провели вверх по Сунгари тайными тропами китайские разбойники-хунхузы, поставленные перед немудреным выбором – либо веревка на ближайшем суку, либо деньги, а потому, понятное дело, сразу же прельстившиеся навязчивым блеском презренного металла.

Петр Игнатьевич решил лично произвести дерзкую и внезапную атаку на «крейсер», считая, что будет не вправе отправлять в будущем своих моряков на смерть, не пройдя самому это первое испытание. Плавающий трехпудовый «сюрприз» спустили на воду, и, крепко держась за него, офицер с заслуженным минным квартирмейстером Волковым спустились вниз по Сунгари по течению добрые три версты, кое-как опознав в ночной темноте вождеденную цель.

Самым трудным делом оказалось прикрепить мину под днище, слушая, как сверху доносится непривычный для европейцев крикливый китайский говор. Ведь достаточно было бдительным вахтенным заподозрить неладное и бросить в воду гранату, так пришлось бы морякам уже утопленниками плыть вниз по течению вместе с тушками глушеной рыбы.

Но, как говорится, пронесло – и через два часа несчастный «крейсер» оказался переломлен чудовищным взрывом. Тирбах благополучно вернулся в Благовещенск, честно отработав, таким образом, полученные авансом долгожданные погоны капитана второго ранга. А потом было громоухание вагонов по бесконечным рельсам, от Амура до Урала, стремительный бросок через Каспий и Черное море на Сулин и Констанцу...

И вот сейчас он пошел на еще более дерзкую операцию, которую со своими «боевыми пловцами» при строжайшей секретности тщательно отрабатывали три недели в Казачьей бухте на мысу Херсонес. Адмирал Колчак не отказался от его дерзкого предложения, изложенного в рапорте, тем более что свое «добро» на подготовку успел дать и генерал Арчegov, торопившийся вылететь в далекую Сибирь.

– Не балуй, Контра, не балуй!

Жеребец нагло проигнорировал просьбу своего хозяина и боевого товарища, презрительно фыркнув и покосившись на него лиловым глазом, продолжая бить копытом по песчаному дну, разбрызгивая во все стороны холодную, в льдинках, воду.

Странно, но зима до сих пор не вступила в свои права – серо и уныло кругом, река не замерзла, лишь у самых берегов можно было видеть тонкие наплывы льда, да кое-где виднелись грязные, в черной копоты снеговые разводы.

Мерзость, а не погода, одна слякоть – постылая бесконечная осень, и нет радующего душу белого снежка, искрящегося искрами, да морозца, что слегка прихватывает покрасневшие щеки. Отсутствует тут русская широта, все уныло и мерзко, смотреть тошно...

– Не балуй, всего замочил! Ну, ты и контра, сукин сын! Да не бей ты, а то выхолостить прикажу!

Рокоссовский с усмешкой посмотрел на своего верного копытного товарища, с которым они проделали за последние месяцы долгий путь от самой Москвы. Сколько было этих рек и речушек, больших и малых, на боевых дорогах, в которых он поил своего коня?

Названия сами о себе говорят – Днепр, Березина, Неман, Буг, Висла, Одер, Эльба. И вот, наконец, он поит коня в Рейне. А ведь были еще до этого в его жизни Кама, Тобол, Иртыш и Обь, и чуть-чуть не хватило, чтобы увидеть Енисей!

Страшно подумать, что прошло чуть больше года, как от далекой сибирской реки судьба закинула его в самое сердце буржуйской Европы, заодно предоставив возможность в полной мере насладиться победой. Побывать в Варшаве и Берлине и питать надежду в скором времени увидеть и Париж, загадочный и манящий...

Раскаленным ножом в кусок масла вошла Красная армия в Германию, полностью разорвав взбаламученную страну на две половины за каких-то четыре месяца. Немецкий пролетариат повсеместно бастовал и брался за оружие, оказывая тем большевикам неоценимую помощь. Вот и сейчас, хоть и в полном враждебном окружении, провозгласили очередную советскую республику – Бременскую. Да и в Мюнхене вновь, как два года назад, тоже объявили народную власть, и по всей Баварии начались ожесточенные бои восставших коммунистов с внутренней контрреволюцией.

Рокоссовский, пройдя весь этот путь от Одера до Рейна, прекрасно сознавал, что продвигаться вперед Красной армии скоро станет намного труднее. Французская буржуазия, до смерти напуганная стремительным продвижением большевиков, пошла на сговор с германскими капиталистами, презрев, ради собственного спасения, даже ряд статей «похабного» Версальского мира. Более того, Париж не просто разрешил немцам увеличить армию и начать производить оружие, с запада принялись поставлять пулеметы, винтовки, пушки, снаряжение и даже танки.

На западной окраине города гроыхнули пушечные выстрелы, в перебранку снова вступили пулеметы – далеко над домами поднимался черный столб дыма, уходящий в серое хмурое небо. Там продолжали сражаться с конармейцами отступившие до самой границы разрозненные подразделения и группы немецких белогвардейцев. Они дрались вяло, не как прежде, видя, что сдержать яростный напор красноармейцев уже не удастся. И помощи, на которую германские офицеры и несознательные солдаты так рассчитывали, им не будет.

– Ничего у вас не выйдет, буржуи недорезанные! – пробормотал Рокоссовский и посмотрел вправо, где чуть в стороне от красноармейцев оживленно разговаривали между собою солдаты в германской серой и во французской голубоватой униформе.

Константин Константинович ожидал, что, войдя в Рейнскую демилитаризованную зону, его полк, шедший в авангарде армии, встретит ожесточенное сопротивление. Французы действительно начали стрелять, вот только чаще не в наступающих красных бойцов, а в своих собственных офицеров. Вчера целый батальон, выстроившись под красным знаменем, с громогласным пением «Интернационала», перешел на сторону революции – началось братание братьев по классу.

Добрый почин, что и говорить!

Фронт по Рейну мгновенно рухнул – колеблющиеся французские части были спешно уведены за реку генералами, которые испугались своих же солдат, что за малым восстание не устроили. Вот только напрасно «их превосходительства» надеются стравить между собою народы – немцы и русские уже поняли, что простые французы, рабочие и крестьяне, обряженные в солдатские шинели, воевать с ними не станут, а повернут штыки против вековых классовых врагов...

– Костя, если мы просчитались и большевизм поглотит Францию, как и Германию, то нам вскоре придется туго! А там пожар и на Англию легко перекинуться может!

– Хана будет им, полная хана! Что уж тут слова выбирать... Вот только такой расклад так же невероятен, как предыдущий случай. По теории вероятности – дважды zero выпасть не может. Один раз хватит, пусть их результаты обнулятся. Англичане слишком любят спокойствие и порядок, чтобы начать весело поджигать свой собственный дом. Хоть люмпенов у них немало, но времена Кромвеля давно позади. Отвыкли наши джентльмены от революций, давно отвыкли!

– Так и у нас, Костя, революций никогда не было! А тут всю страну накрыло, как волной...

– Ага, сейчас! Плохо ты историю своей страны знаешь! Внезапно она началась, как же?! Пятый год тебе что, не урок? И декабристы на Сенатской площади пивом с корюшкой торговали? Отвыкли? Держи карман шире! В любом русском бунтовщик спит, а поскреби чуток, так и Стенька Разин с Емельяном Пугачевым наружу живо проявятся, а то вообще Кудеяр какой-нибудь вылезет! Империю выручало, что наш мужик не образован! Зато, когда всякие интеллигенты, что по Женевам и Парижам обучались, бунт возглавили и Ленина своим атаманом сделали, вот тут мы все шкуркой полярной лисицы и накрылись!

Арчegov хмыкнул, глядя, как чуть наморщился Михаил Александрович от такого замаскированного ругательства – не любил монарх, когда вот так аргументы подбирали. А ведь сам мог душу облегчить крепким словцом, особенно когда любимым фотографированием занимался у громоздкого аппарата, и, позабыв обо всем на свете, не скупился на эпитеты. Впрочем, генерал за таким занятием своего венценосного друга видел только раз...

– Англичане по такому пути вряд ли пойдут! У них народишко позажиточней да образованный, так что чуму эту как-нибудь переживет, переболеет... Хм... Недаром наш пока «вечно живой Ильич» свое учение с бациллами сравнивает! Моровое поветрие!

– Зато французы могут сломаться, Константин Иванович!

– Ну и хрен с ними, нам же лучше! Ты вспомни, Мики, когда это лягушатники нам были не то что друзьями, но даже союзниками?! – Арчegov криво ухмыльнулся, губы сжались, глаза гневно сверкнули. – Только в прошлую войну, кстати, в первый и единственный раз за всю историю, мы сражались вместе с Англией и Францией. Последняя, кстати, всегда была враждебна России, вечный наш недруг, Мики! Тут исключений нет! Хотя... Вроде как с Наполеоном мы при их поддержке воевали, но не припомню чтобы наши солдаты дрались рядом с британцами...

– И я не припомню... – после некоторых раздумий произнес Михаил. – Во время зарубежных походов пруссаки, австрияки, шведы и прочие германцы сражались, а вот англичан не было... Ни при Лейпциге, в «Битве народов», ни при взятии Парижа!

– Вот видишь, Мики, какие они нам союзники?! Мы всю войну захлебывались кровью, а они потом воспользовались плодами победы и развалили Россию, а заодно и Германию с Австрией! Как позже приложили руку и к распаду Союза – и там постарались на совесть, гниды! Это нам не союзники, Михаил Александрович, а вечные и постоянные враги, которые изредка надевают маску дружбы, но за ласковой улыбкой прячут нож. Исподтишка напакостить норовят – это даже не волки, а именно шакалы, терпеливо ждущие своего часа! Да еще чужими руками норовят жар все время заграбастать. Я не помню точно кто, но один из их премьер-министров так и сказал: «Плохо, когда с Россией никто не воюет!»

– Лорд Пальмерстон, если мне память не изменяет! – направив взор в окно, глухо произнес Михаил Александрович, на скулах которого заходили тугие желваки. Хотя в бытность великим

князем он несколько лет прожил в Англии, изгнанный из России братом за морганатический брак, и вполне искренне наслаждался размеренной жизнью на «туманном Альбионе», но только последние месяцы император стал отчетливо понимать, насколько враждебна политика Англии по отношению к России: с неприкрытой корыстью и своим вековым постоянством.

– Ты, Мики, не обольщайся! Британцы, когда нужно до зарезу, сквозь задницу вывернутся, без мыла в любую щель пролезут, да так, что никто не заметит! Даже не почувствует... Хм, о чем это я?! Вспомни, как они нас уговаривали с Наполеоном воевать, с тем же кайзером, а в моей истории и с Гитлером. В коврик половой готовы были превратиться, лишь бы ноги вытерли. Всего год назад они рассуждали, что неплохо было бы Россию поделить между всеми заинтересованными союзными державами, пока наша страна ослабела, в раздорах и междоусобице погрязла! С нами как с дикими туземцами обращались, с презрением нескрываемым – я на собственной шкуре ощутил, когда с союзными послами переговоры в Иркутске вел! А теперь их хорошо попржиало, и маски сменились – заискивают перед нами, падлы!!!

– Куда им сейчас деваться? – Михаил Александрович невесело рассмеялся. – Только челом нам и бить – большевики уже вышли к Рейну: впереди Эльзас и Лотарингия, а там и Париж близко. И в Англии не все ладно. Мне из Лондона доклады подробные шлют – там по стране идут забастовки и бурные манифестации, для разгона которых применяют даже танки!

– Ты, Мики, Ирландию еще вспомни – как британцы тамошним фениям «Кровавую Пасху» устроили. «Демократы», мать их за ногу, огнеметами людей жгли! Даже наши большевики, на что изуверы изрядные, до такого варварства не додумались. Смех и грех – но нам сейчас надо хорошо за Ленина помолиться, за успех его почти безнадежного предприятия! Ибо чем сильнее большевики ослабят Запад, пустят кровь «союзникам», тем для нас лучше. Я бы даже помог им в этом благом деле! Но раз уж ты не желаешь, Мики, избавиться от комплексов...

– Это не комплексы, а старые привязанности, Костя! Просто я не хочу, чтобы большевики превратили эти страны в пепелища. Ты не знаешь, как хорошо прохаживаться по вечернему парижскому бульвару под старыми каштанами, молча смотреть на Сену, подниматься на Эйфелеву башню? Или просто дышать лондонским туманом ранним утром...

– Разве я сухарь, понимаю – ностальгия! Да и людей жалко, они-то в чем виноваты?! Солдаты кровь проливают, а политиканы вершат их судьбы и набивают карманы золотом... Нет, нет, Мики, – Арчegov в искреннем порыве даже поднял ладони, – хоть я и ненавижу эту западную «либерастию», но помогать большевикам не буду, ибо это вернется рикошетом!

– Что у тебя за слова, Константин Иванович?! Странно слушать столь неподобающие выражения от тебя, ты же генерал-адъютант!

– Мы в гимназиях-с не обучались...

– Я тоже, но учителя во дворце строгие были! Я тебе скажу одно – пусть все идет своим чередом, ваше высокопревосходительство! Не стоит оказывать услуги врагу, с которым нам предстоит вскоре воевать. Сам же говорил мне про ту лишнюю соломинку, что может запросто сломать хребет любому верблюду.

– Говорил, ваше величество! Однако позволь задать тебе всего один вопрос. – Глаза Арчегова чуточку сверкнули, и Михаил поневоле напрягся. Император по своему опыту знал, что сейчас его хитроумный друг уже задумал какую-то гадость своему противнику, причем совершенно непредсказуемую. – Ответь мне – какой верблюд в караване везет на своем горбу самый тяжелый груз?

– Самый сильный, не иначе... – после короткой паузы, потраченной на поиск потаенной каверзы, без которых Арчegov никогда не обходился, тихо произнес Михаил Александрович. И тут же в ответ прозвучал злорадный генеральский смех, дребезжащий нехорошими нотками.

– Нет, Мики! Самый тяжелый груз несет самый тупой верблюд! И для наших «союзников» мы были прошлую войну именно таким двугорбым. Даже сейчас, находясь на краю пропасти, они привычно пытаются скинуть на нас бремя войны, мы же заранее подставляем плечи, как тот верблюд спину. Ну и как нас именовать прикажете?!

– Что ты предлагаешь?

Император прикусил губу, но обиды не держал – Константин Иванович назвал вещи своими именами. Такая грубая и нарочитая прямота друга иной раз его язвила, как человека, но зато шла во благо императору, а потому прислушаться к нему было необходимо. Еще не было случая, чтобы, задав вопрос, Арчegov не имел на него своего ответа.

– Пока ничего не предлагаю, Мики, только спрошу тебя еще раз. Ты хочешь увидеть Петербург, походить по Дворцовой площади, прогуляться по набережной? Полюбоваться золоченым Адмиралтейским шпилем, посмотреть на разведенные над Невой мосты? Вдохнуть полной грудью свежего соленого воздуха Балтики?

– Ты, Костя, кружева не плети, говори прямо!

– Дорога в Петербург для нас идет только через пепелище Парижа, взятого красными через пару месяцев. А посему мы должны скинуть весь груз на спины наших заклятых «друзей», все лишние соломинки. Если сломаются, то и хрен с ними! Но с большевиков они огромную плату поперед возьмут, причем кровью!

– Но мы же взяли на себя определенные обязательства, Костя?! Или ты уже о них подзабыл?

– Взяли – выполним! Но чуточку позже... Так и поясним – не получилось вовремя, господа хорошие, задержка-с! Нам нужно, как тому пакостливому коту, сначала нагадить им в ботинки!

Арчegov громко засмеялся, только смех генерала был нехорошим, наигранным, злым.

– Видишь ли, Михаил Александрович, мы должны сделать все, чтобы красные перебросили на Западный фронт как можно больше сил! Тогда дорога на Петербург и Москву для нас будет открыта. Слишком мне не нравится, что Фрунзе разворачивает свежие дивизии у нас под самым боком, а посему хорошо будет, если красные перебросят на Западный фронт хотя бы половину своих резервов.

– Да?!

– Только этот вариант принесет нам полный успех, и мы сможем до осени освободить Россию. В противном случае ход войны становится для нас совершенно непредсказуемым. А тут нужна только беспроегрывная ситуация!

– Что ты предлагаешь?

Михаил Александрович демонстративно пожал плечами с самым безмятежным видом, хотя с натянутыми в звонкую струну нервами прислушивался к другу. Только спросил с улыбкой:

– Совершенно не представляю, как можно заставить красных перебросить дополнительные подкрепления на Рейн, задействовав последние резервы. Они что, Костя, должны полностью ослепнуть и не видеть угрозу, идущую с юга и Сибири?!

– Ослепнуть? Хм... А в этом что-то есть... В свое время Полифем на один трюк попался...

Огромный корпус транспорта «Шахин», высившийся черной глыбой, служил неплохим прикрытием для небольших канонерских лодок «Айгин-Рейс» и «Перевеза» от атаки стремительных русских «новики» с внешнего рейда, вот только турецкие моряки явно не рассчитывали на подобный ночной визит из самой гавани.

– Наши сигналият!

Молодой старшина, стуча зубами от охватившей нервной дрожи и забыв про субординацию, чуть тронул сидящего рядом с ним Тирбаха за локоть. Тот понимающе улыбнулся – парня колотило отнюдь не от страха, нет – просто в первый раз идет в бой, ведь темнота в любую секунду может быть взорвана яркими вспышками выстрелов, а по их утлой лодочке пройдет свинцовым гребнем длинная пулеметная очередь.

Тут даже повидавшего виды боевого офицера мандраж одолеть может, не то что необстрелянного унтера, пусть и хорошо обученного за долгие месяцы и даже подравшегося с партизанами на далеком Амуре. Все же первый выход на такое дело!

– Вижу! – коротко бросил в ответ Тирбах. Прищулив глаза, он хорошо видел короткие вспышки фонарика, сигнализирующие, что захват канонерки «Айгин-Рейс» прошел как по маслу.

Сглотнув противную сладость сиропа – пришлось-таки морякам схрумкать по большому куску рафинада, испытанного средства, дабы глаза в темноте лучше видели – Петр Игнатьевич чуть привстал и, улучив момент, уцепился за скобы шторм-трапа. Быстро перебирая руками и ногами, офицер поднялся на борт турецкого корабля и тут же наткнулся на ухмыляющегося мичмана Осипова.

Даже в темноте была видна улыбка на чумазом, в маскирующих лицо черных полосах и разводах сажи, лице старого служаки, сжимавшего в руке «наган», на ствол которого был приспособлен толстый цилиндр глушителя, что были изготовлены еще в Лиственничном.

– Тут полный бардак творится, командир! – Шепот широкоплечего, с могучей грудью мичмана походил на грохот камней в оцинкованной бочке. – Тихо взяли, никто пикнуть не успел!

– Всех порешили?

– Обижаешь, Петр Игнатьевич! – Осипов фыркнул. – Тепленькими слепили, обидно, даже пострелять не пришлось. Здесь только два десятка с офицером, и спали все как сурки, даже вахтенные. Экипаж на берег давно списали, да и этих нужно следом за ними отправить. Это ведь не флот, а полнейший бардак, право слово!

Тирбах мельком мазнул взглядом вокруг и пришел к точно такому же выводу – лучше не иметь флота, чем служить на таком. Ладно, война, она многое спишет, но ведь какой-то порядок держать нужно. А тут палуба бог знает сколько не драилась, загромождена какими-то железками, вместо облупившейся краски ржавчина, везде в глаза бросаются следы нерадивости – действительно бардак, если не хуже.

– В пушках чуть ли не мокриц разводят, боюсь, опасно с них стрелять! – Мичман, демонстрируя искреннее презрение, сплюнул на палубу. – Пошуметь придется, командир, пока их почистишь. Снарядов три десятка имеется, так что поддержим наших, если что не так пойдет. Только пробанить хорошо нужно, иначе нельзя!

Тирбах внимательно посмотрел на спящий берег, лишь кое-где освещенный тусклыми огоньками коптилок и ламп. Казалось, что южный город спал беспробудным сном, но это было не так, далеко не так, как знал офицер. Где-то в глубине ночи уже рыскали по его узким улицам небольшие группы русских солдат из тех, кто заранее под разными личинами прибыли в Трапезунд или высадились на берег час назад, доставленные сюда подводными лодками,

рыболовецкими шаландами или контрабандистскими шхунами. На последние турки всегда смотрели сквозь пальцы.

Доброхотов среди местного греческого населения хватало с избытком – долгие годы лелеемая ими месть к вековым угнетателям вырвалась на волю, и можно было не сомневаться, что сейчас потомков древних эллинов на улице намного больше, чем русских.

Да и уцелевшие от резни пять лет тому назад армяне принимали в подготовке восстания самое активное участие, рассчитывая на защиту русских штыков – ненависть к туркам наследники царя Тиграна впитывали с молоком матери.

– «Перевеза» взята, Петр Игнатьевич, как и «Шахин». Сигналят о семи убитых османах, у нас потерь нет. На канонерке имеются снаряды, баковое орудие уже может стрелять.

– Хорошо... Баньте пушку, мичман, шумите, но тихо. И без приказа не стрелять – передайте на другие корабли. На «Тюлень» тоже! – вполголоса, сквозь зубы пробормотал Тирбах, продолжая смотреть на спящий город.

Ставки сейчас были предельно высоки – в Трапезунде находились огромные склады Кавказской армии, оставленные три года тому назад солдатами, бросившими фронт.

Кое-что турецкие аскеры использовали, часть растащили местные жители, но большая масса оружия, боеприпасов, снаряжения и амуниции была еще относительно пригодной для использования – кому из крестьян нужны в хозяйстве пушки без лафетов, бомбометы или самое разнообразное инженерное имущество?!

Русское командование потому решило брать Трапезунд во второй раз, но уже внезапной атакой с моря и высадкой десанта. Свою задачу он уже выполнил, но в городе стрельбу следует ожидать каждую минуту – не у всех же пойдет как по маслу!

Так что времени терять было нельзя – пара четырехдюймовых английских пушек, установленных на каждой из канонерок, способны были хорошо уstrasшить турецких аскеров и не дать им уничтожить вдругорядь приобретенное достояние...

– Что, товарищ комполка, призадумался?

За спиной раздался знакомый голос, и Рокоссовский, отбросив воспоминания о проделанном пути от заснеженной Сибири до промозглой Франции, обернулся.

Начальник дивизии Тимошенко ему нравился – хваткий и решительный украинец, он недаром слыл одним из лучших командиров прославленной уже в боях и походах 1-й Конной армии.

– Да вот, Семен Константинович, стоял и думал, каким меня ветром от Енисея до Рейна занесло?!

– Эка невидаль, Рейн?! – пренебрежительно взмахнул рукой Тимошенко. – Наш Днепр намного шире! А уж с Волгой и сравнивать нечего – срамota одна, канава канавой, тьфу! А еще ждут нас, товарищ Рокоссовский, ихние, – начдив даже наморщил широкий лоб, припоминая название, – Сена и Луара! Мы еще из Темзы своих лошадей поить будем! Мировая революция, брат, идет, не хухры-мухры!

– У меня в полку всего двести бойцов осталось, из них треть в пулеметном эскадроне! – угрюмо бросил в ответ Рокоссовский, недовольно покосившись на жеребца. Тот продолжал баловать, расплескивая кругом воду. Радовался жизни, мерзавец эдакий!

– Эка он у тебя игривый! Давай мену устроим, комполка? Твоего на мою кобылу аглицких кровей?!

– Не согласный я, Семен Константинович, не обижайся! Мы с Контрой до самого Парижа дойдем!

– Жаль... – с вздохом истового ценителя лошадей недовольно буркнул Тимошенко, завистливо покосившись на притихшего жеребца. Тот, словно поняв, что разговор зашел о нем, свирепо косил глазом в сторону начдива да показывал крепкие зубы – кусался, стервец, как та собака злая. – Хорош конь, цены ему нет! А насчет потерь скажу честно – так они у всех большие! Но есть у меня хорошие новости, Константин Константинович, – пополнение подошло.

– Большое? – сразу же поинтересовался Рокоссовский, с души которого словно упал тяжелый камень. Но Тимошенко мотнул головою в сторону, и командир полка тяжело вздохнул.

– Выскребли в тылах все, выздоравливающих даже. Отдельный маршевый дивизион в твой полк вливаю, всего две сотни сабель. И еще десяток пулеметов-ружей даю, что французские товарищи передали. Это все, комполка! Но есть и добрые вести! Обещают на усиление вскоре отправить весь корпус «червонного казачества» товарища Примакова, мне о том в РВС армии сам Ворошилов говорил. Мыслью, через месяц подойдет, мы как раз в себя придем да тылы подтянем. Так что цени мою доброту – тебе одному пополнение только досталось!

– Спасибо, Семен Константинович!

У Рокоссовского немного отлегло от сердца. Все же три с половиной сотен сабель великая сила, которая становится грозной при двух десятках пулеметов. Теперь дорога до Парижа показалась ему не столь трудным предприятием, как раньше.

– Ничего, вот отдохнем чуток, лошадей выходим, порядок должный наведем. Бойцов наших приоденем, поистрепались они, да и дальше пойдем, пока не скинем местную французскую контру в Атлантический океан. А там вернемся домой и белым накомыляем по самую шею, перетопим их в Черном море как паршивых кутят! Ведь так, тезка?!

– Так, Семен Константинович, только бы назад вернуться!

Охотно согласился с молодым начдивом Рокоссовский, хотя отчество он взял себе русифицированное, несколько затушевав польское происхождение отца, которого нарекли при

рождении Ксаверием.

Тимошенко усмехнулся, словно прочитал мысли, и посмотрел тяжелым взглядом на командира 27-го кавалерийского полка.

– У моего соседа Апанасенко бой с немцами идет, подмогнуть ему бы надо, как думаешь?! Дюже зло германцы там дерутся. И пополнение свое заодно опробуешь, посмотришь, каковы люди.

Приказ был отдан Тимошенко в такой форме, что Константин Константинович подтянулся, ответил четко, как по уставу надлежит командиру Рабоче-крестьянской Красной армии:

– Так точно, товарищ начдив!

«Одни глаза остались, и те злые, бешеные, как у волка. Зрачки огромные, крылья носа дергаются – никак опять за свой кокаин принялся? А то и верно, с этими поляками никакого здоровья не хватит, будь оно хоть трижды лошадиным!»

Троцкий буквально впился взглядом в зеленоватое от усталости лицо Дзержинского. С впавшими глазами, с дергающимися от нервного тика щеками, председатель ВЧК и по совместительству глава новоявленной Польской Советской Социалистической Республики выглядел совсем худо. Было видно, что он держится на одной только воле, до донышка исчерпав физические и духовные силы.

«Укатали Сивку крутые горки!» – мысленно посочувствовал «железному Феликсу» Лев Давыдович, хотя был всегда чужд к подобным слабостям. Правда, к другим людям, но не к самому себе.

Несмотря на нетерпимость друг к другу, сейчас Дзержинский открыто встал на сторону председателя РВС Республики. Как никто из находившихся сейчас в кабинете руководителей Советского государства, Феликс Эдмундович отчетливо понимал, что бросок за Вислу и Эльбу потребовал от Красной армии чрезмерных усилий и огромных потерь, и непрерывное наступление может остановиться в любой момент.

– Я считаю, что выделить дополнительные силы мы в состоянии, ведь у нас под ружьем до трех миллионов красноармейцев, а на Западном фронте едва триста тысяч, в частях большой некомплект...

– Вы не правы, Феликс Эдмундович! Германский и французский пролетариат на нашей стороне, а потому крах контрреволюции неизбежен! А это одно опрокидывает все домыслы Льва Давыдовича!

Ленин вскочил с кресла, возбужденно потирая руки, его лицо пылало багровым румянцем, борода задралась. Он быстро прошелся вдоль стола, чуть подволакивая ногу, – глаза собравшихся товарищей пристально смотрели за вождем мировой революции.

Все не скрывали удивления – к доводам Дзержинского Владимир Ильич всегда прислушивался, а тут наотрез отказался их даже выслушать, не дал ничего сказать, перебив, буквально смяв, доводы председателя ВЧК неистовой горячностью.

– Конница товарища Буденного вышла к Рейну, остался бросок на Париж! Это дело нескольких недель – буржуазия уже трепещет перед стальным натиском вооруженного пролетариата! Нужно незамедлительно наброситься и уничтожить белые полчища на юге, скинув их в Черное море! Вот что архиважно в настоящий момент! Собрать все наши силы в единый мощный кулак и ударить наотмашь! А товарищ Троцкий предлагает перебросить все резервы на запад, туда, где уже все решено! Да-да, решено! Такое не следует оставлять без внимания...

– Владимир Ильич, позвольте и мне сказать! Вас совершенно неправильно информировали... А то ложно и предвзято, если не сказать иначе! Такое чревато последствиями для нашей революции!

Троцкий сразу понял, что в возводимых на него обвинениях вождь может зайти слишком далеко, а потому тоже не стал стесняться, громко перебив его страстную речь, и даже приподнялся со стула.

– Я прошу тебя объясниться перед товарищами, Лев Давыдович! Категорически настаиваю!

Ленин остановился на полушаге, словно застыв на мягком ковре. Он никак не ожидал от Льва Давыдовича столь яростного выкрика, больше похожего на рев смертельно раненного зверя, и несколько потерял горячность. Было видно, что вождь растерялся – последнее время никто из

товарищей не смел вот так нагло обрывать его речь. Потому в голосе явственно просквозили нотки истеричности, когда он снова окрепшим голосом потребовал у своего оппонента сатисфакции:

– Я требую объясниться перед нами! Что вы можете нам сказать в свое оправдание, Лев Давыдович?!

– Пусть новый год будет намного лучше старого...

Моложавый мужчина, подступивший к сорокалетнему порогу, с тоскою посмотрел на свинцовую воду канала, по которой плавали пестрые утки.

Зимы в здешних местах, пропитанных соленой влажностью от подступившего моря, всегда отличались непривычной для Германии мягкостью, и ледяной панцирь редко когда сковывал Нидерланды – «Низменную землю», как называли ее местные жители, или Голландию, по названию самой большой из семи «Объединенных провинций».

– Нет, все кончено!

В который раз мужчина удивился превратностям судьбы – ведь раньше он жил совсем иначе, не замечая обыденных вещей, а сейчас не имел в кармане даже маленького кусочка хлеба, чтобы накормить его оставшимся зимовать птицам.

Еще бы – три года назад он, Фридрих-Вильгельм, кронпринц Германской империи и наследник престола, старший сын кайзера Вильгельма II, командовал целой группой армий на Западном фронте, имел под рукою свыше миллиона солдат и в одночасье, всего за несколько дней, стал нищим бродягой. Он едва сумел сбежать из охваченной революционным безумием страны, которое и невозможно было представить раньше.

– Проклятая война!

Кронпринц вытер серым полотняным платком лицо, чувствуя, как промокло и отяжелело его пальто от дождя с липким снегом, что шел уже добрый час, и негромко выругался.

За долгие четыре года «окопной» бойни «старый и добрый фатерланд» изменился, став совсем иным. И во всем виноваты подлые изменники, что не позволили закончить войну блестящей победой, подведя могущественную прежде страну к самой чудовищной катастрофе за всю ее историю, перед которой меркнут страдания той вековой давности, когда Пруссию оккупировали войска «маленького корсиканца».

Он вспомнил, как искренне радовался, когда Россия была поставлена на колени, а в ноябре 1917 года там утвердились у власти большевики. И если бы он знал, какая зараза охватит солдат на Восточном фронте, то уговорил бы отца раздавить этих мерзавцев, еще не укрепившихся в Московском кремле. А когда понял, то было уже поздно – революция нанесла удар в спину, и фронт на западе рухнул.

Остаться в стране было безумием, и он вслед за отцом бежал в Голландию, пожалуй, единственную страну в Европе, что могла предоставить убежище.

Ну не в Данию же бежать на самом деле, где люто ненавидели всех немцев, или в Испанское королевство, до которого было слишком далеко! А больше в Старом Свете не имелось тихих уголков, которых мировая война не затронула бы и где можно было бы получить временное убежище от венценосных «кузенов».

Но и здесь он испытывал чрезвычайную нужду – пусть голландцы не воевали, но морская блокада, что установили британцы, сказалась на благосостоянии местных жителей, родственных немцам по крови, потому и помогавших, пусть и тайно, вести длительную войну.

Ведь не секрет, что на каждого голландца или шведа, от старика до ребенка, пришлось за эти долгие четыре года по целой тонне шоколада (транспорты с продовольствием англичане время от времени пропускали в нейтральные порты), съесть который было просто не под силу даже невероятному обжоре. Понятно, что большая часть поставок сразу же уходила через подставных лиц в рейх, за неплохие, кстати, денежки...

Трое сидевших за столом дружно посмотрели на Троцкого, их взгляды были разными, он это почувствовал в одно мгновение – сочувствующим, откровенно враждебным и заинтересованным.

В Дзержинском Лев Давыдович видел надежную поддержку, которую они последние три месяца оказывали друг другу, прекрасно понимая, что без взаимной помощи удержать советизируемые территории Германии и Польши просто невозможно.

Ленинская креатура, наркомнац и секретарь ЦК Иосиф Сталин машинально потирал правой ладонью левое плечо, с заправленным под поясной ремень пустым рукавом гимнастерки. Оправившийся от полученного в Берлине ранения, в результате которого ему отрезали руку, молодой грузин стал пользоваться еще большим доверием Ленина и быстро пошел в гору, сосредотачивая в своих руках партийные дела.

Троцкому сильно не нравилось, что в последние месяцы, пользуясь его отсутствием в Москве, Сталин стал выдавливать из аппарата ЦК его ставленников и союзников, но поделаться ничего не мог. Единственное, что смог его заместитель по РВС Склянский, так это то, что удержал под своим контролем все перемещения по наркомвоенмору.

Назначенный командующим вооруженными силами, на место застреленного в Берлине Каменева, Михаил Фрунзе не скрывал в глазах застарелой ненависти к председателю РВС – еще со времен победоносного наступления на Восточном фронте против Колчака в 1919 году между ними возникла обоюдная неприязнь, едва не перешедшая в открытую свару. Тогда Троцкий сумел сместить его с поста командующего фронтом, благо авторитетом пользовался немалым.

«Ох, как смотрит на меня, одна злость в глазах!»

И вот теперь аукнулась та давняя ссора, и Лев Давыдович сразу же понял, откуда ветер дует и кто стоит за столь неуступчивой и откровенно враждебной позицией «Старика».

– Наше наступление на Францию сейчас невозможно – части полностью обескровлены, а помощь со стороны немцев недостаточна! Внутренняя контрреволюция в Германии оказалась намного сильнее наших белых, советская власть пока утвердилась только в Берлине, Лейпциге и Мюнхене. За дальнейшее продвижение приходится платить большой кровью, а в тылу до сих пор не усмиренная Польша. И если мы сейчас не бросим на Западный фронт все резервы, то буржуазия понемногу соберет силы и сама перейдет в наступление. Уже сейчас Париж снял все ограничения по Версальскому миру и начал вооружать до зубов немцев, передавая им пушки, пулеметы и ружья в невероятных количествах. Даже танки и те дают!

Несмотря на полночный час, возбужденная обстановка сделала свое дело – Троцкий говорил на одном дыхании, но воздуха все же не хватило, и он остановился, переводя дух.

Этой паузой сразу же воспользовался Дзержинский – с ним Лев Давыдович ехал из Варшавы в одном вагоне, и они смогли обсудить многое. Времени у них хватило с избытком, ведь дорога от Берлина до Москвы заняла целых пять дней, несмотря на то что поезд являлся литерным и шел вне всякой очереди.

– Нам не до сантиментов, революцию в перчатках не делают! Но чтобы утвердить в Польше советскую власть, нужно истребить панство до последнего человека. Пся крев! Страна буквально засорена враждебными элементами, и так по всей Европе! Если мы потеряем хотя бы день и не усилим натиск, дадим буржуазии передышку, то собственными руками погубим начатое дело мировой революции!

Дзержинский говорил горячо, перемешивая русские и польские слова – его лицо покраснелось и покрылось капельками пота, глаза горели неистовым огнем фанатика.

Льву Давыдовичу на одно мгновение даже стало жутко, ибо только сейчас он осознал в

полной мере, насколько опасен для всех «карающий меч революции». Незаметно, с нескрываемым облегчением выдохнул – пока «железный Феликс» на его стороне, все свершится, как должно, ибо под его неистовым напором никто из присутствующих не устоит.

«Что, проняло?!» – злорадно подумал Троцкий, он почти не слушал председателя ВЧК, но видел, как смешался «Старик», как Сталин задумчиво поглаживает усы и как неожиданно побледнел Фрунзе. И только сейчас Лев Давыдович почувствовал, как по его лицу течет горячий пот.

Председатель РВС достал из кармана белоснежный платок, аккуратно отер лицо и сунул его обратно. Пальцы тут же наткнулись на сложенный листок бумаги. Троцкий вспомнил, что, перед тем как на вокзале сесть в автомобиль рядом с Дзержинским, прибежавший посыльный из штабного вагона принес ему экстренную радиограмму.

Прочитать ее в сгустившихся сумерках Лев Давыдович тогда не смог, да сильно торопились они в Кремль, не желая терять ни минуты и не ожидая, что их вот так враждебно примет Ленин.

Бумага словно обожгла пальцы, Троцкий торопливо развернул листок, впившись глазами в напечатанные строчки. Перечитал еще раз, медленно, не в силах поверить. И задохнулся от чувства пронзительной радости, теплой волной разлившейся по всему телу...

– Вы оружейнику Хуго Шмайсеру не родственник, гауптман?

Кронпринц с интересом посмотрел на молодого мужчину в отлично пошитом костюме, что не только не скрывал, но даже подчеркивал военную выправку. Ночной визитер совершенно не пугал – кому нужна жизнь бывшего кронпринца рухнувшей империи.

– Нет, ваше высочество, я ему не родственник, – улыбнулся офицер и добавил со значением: – и даже не однофамилец!

– Вот как...

Фридрих-Вильгельм с интересом посмотрел на нежданного гостя. Сразу промелькнула мысль, что он может быть одним из подчиненных бывшего начальника военной разведки полковника Николаи, где смена фамилии агента являлась обыденным делом.

– Тогда, я надеюсь, вы позволите мне узнать вашу настоящую фамилию и чин?

– Я капитан, ваше высочество, это верно. А вот фамилий за свою суматошную жизнь менял много. Были и немецкие – Кемпке, фон Путт и другие, да и русских хватало, даже еврейская была, поскольку характер у меня живой и непоседливый. Отвечу на ваш невысказанный вопрос – под началом полковника Николаи я никогда не служил, хотя к германской разведке имею самое непосредственное отношение. Моим начальником был адмирал... но это пока тайна, ваше высочество...

Визитер опять странно улыбнулся, кронпринц прикусил губу, понимая, что оговорка была отнюдь не случайной. Офицер скрывал какую-то загадку, тайну, и это еще более раззадорило любопытство.

– Вы служили у русских?

– Да, ваше высочество! И еще в Сибири... Скажу прямо, не хвастаясь – император Михаил Александрович обязан мне жизнью!

– Хм...

Фридрих-Вильгельм медленно прошелся по небольшой, уютной комнате, что была его кабинетом, задумчиво посмотрел на играющие алым пламенем угли в зеве старого камина. Надежда вспыхнула в душе – ведь не случаен этот визит, отнюдь не случаен.

– Вы приближенный русского императора?

– Я был его флигель-адъютантом, ваше высочество!

Шмайсер медленно извлек из кармана пиджака раскрытый конверт и протянул его кронпринцу. Тот извлек из него жесткую фотографическую карточку и буквально впился в нее глазами – терзавшие душу сомнения рассеялись в единый миг.

Императора Михаила, с которым встречался двадцать лет тому назад, Фридрих-Вильгельм опознал сразу, пусть немного постаревшего. В стоящем рядом с ним офицере в хорошо пошитом мундире, с аксельбантами и белой гвардейской амуницией имелось удивительное сходство с визитером, что не могло быть случайным совпадением.

Он перевернул карточку, увидел надпись на кириллице, прочитать которую не смог ввиду незнания языка. Зато дата была годичной давности – 20 января 1920 года.

– Карточка из Красноярска, ваше высочество, там имеется адрес фотографа! – улыбнулся офицер. – Надпись сделана императором собственноручно и гласит: «Моему другу и спасителю, благодарный Михаил».

– Вы сказали, что были его флигель-адъютантом, капитан? Но почему были?! Насколько я разбираюсь в русских мундирах, на вас здесь полковничьи погоны с вензелем?!

– Я гауптман германской армии, но полковник российской, в которой служил с лета 1918

года. И сейчас не являюсь царским флигель-адъютантом, потому что считаюсь погибшим с лета прошлого года. «Воскресать» не имею ни малейшего желания, так как не желаю стать самым натуральным покойником.

– Вы чего-то опасаетесь, Андреас?

Фридрих-Вильгельм сознательно произнес настоящее имя, а отнюдь не вымышленную фамилию своего ночного гостя, пусть и незваного, но желанного – разговор был чрезвычайно интригующим.

– Моей смерти желают император Михаил и его генерал-адъютант Арчegov, весьма влиятельный военный министр Сибири. И не буду скрывать от вас, ваше высочество, их желание весьма обоснованно. Все дело в том, что в мае прошлого года я организовал расстрел сибирской делегации в Москве и попытался совершить переворот в Иркутске.

– Почему вы это сделали?

Кронпринц нахмурился – об упомянутых Шмайсером событиях в Голландии ходили лишь смутные слухи, противоречивые, таинственные и непонятные. Но чтобы вот так откровенно заявить о том, нужно быть либо безумцем, либо...

– Я предпринял такой шаг только потому, что понял главное – спасение в России империи принесет гибель Германии. Жаль, что не получилось, а генерал-адъютант Фомин заплатил за участие в моем предприятии жизнью. Он не стал жертвой эсеровских боевиков, как о том писалось в газетах, его вынудил совершить самоубийство Арчegov. Так что я имею основание скрывать от всех свое «воскрешение»!

Офицер говорил все с той же странной улыбкой, от которой на душе становилось тревожно. Нет, тут не было угрозы, но кронпринц чувствовал себя неудобно.

– Я хотел посягнуть и на жизнь императора, ваше высочество, ибо считаю, что этот оживший покойник поставит будущее рейха под большую угрозу. Красные уже захватили почти всю Германию, они прорвались к Рейну – у нас остались только северо-западные земли, удержать которые будет чрезвычайно трудным делом.

– Оживший покойник? Что вы имеете в виду?!

Кронпринц пристально посмотрел на офицера – но нет, тот не походил на безумца, оставаясь спокойным, а взгляд даже стал холодным, чуточку безжалостным – мурашки пробежали широкой волною по спине, и Фридрих-Вильгельм машинально пожал плечами.

– Я искренне отвечу на любой ваш вопрос, ваше высочество. Но прошу взглянуть на эти деньги!

Шмайсер протянул две небольшие серебряные монеты, кронпринц положил их на ладонь и посмотрел. И не смог поверить собственным глазам – такого просто быть не могло, ни в каком случае! После долгой паузы он лишь тихо спросил:

– Ответьте, капитан, – это мистификация или нечто иное?!

Глава вторая. И смерть не главное из бед... (21 января 1921 года)

Часы давно пробили полночь, но страсти в кабинете не утихали. Троцкий, сцепив зубы, молча смотрел за двигающимися по кругу стрелками, слушая с нарастающей злобой своего главного оппонента.

– Если мы перебросим на Западный фронт кавкорпус Примакова и семь стрелковых дивизий, как настоятельно требует Лев Давыдович, то совершенно оголим наш Южный фронт. И это в тот момент, когда белые собирают там свои войска и готовятся перейти в решительное наступление. Такое решение председателя РВС категорически недопустимо! Они прорвут слабые кордоны как гнилой картон и устремятся своей многочисленной кавалерией и казаками через Тамбов и Орел прямо на Москву! Отразить наступление мы будем не в силах, ибо все маневренные резервы уйдут на запад!

Фрунзе говорил с ожесточившимся лицом, решительно рубя словами, как саблей. Так ведут себя только те, кто давно уверился в собственной правоте и готов умереть на месте, но не отступить ни на шаг.

– Когда вы ожидаете это выступление? Завтра или через месяц? А может быть, ближе к лету?! Вы точно уверены, что белогвардейцы действительно в ближайшее время начнут атаку?

Троцкий, стянувший играющие нервы железным обручем воли, заговорил таким нарочито спокойным голосом, что набравший было в грудь воздуха Фрунзе поперхнулся.

Владимир Ильич, сильно сдавший от столь позднего, да еще тяжелого совещания, беспокойно заворочался в кресле, куда он присел, чувствуя свинцовую усталость как от своего обличительного монолога, так и от горячего выступления Дзержинского, которое потрясло его до глубины души. Ленин с тревогой в глазах посмотрел на Троцкого, в глазах прямо читалось: «Опять что-то замыслил, иудушка».

– Судя по всему, подготовка свежих белогвардейских корпусов будет завершена к маю, и в наступлении могут принять участие полтора десятка пехотных дивизий и столько же конных, если не больше. И это не считая кавказских стрелков, которые могут быть переброшены на Южный фронт в течение двух-трех недель...

– Вы уверены в этом, Михаил Васильевич, и в своей необыкновенной проницательности, достойной лучшего применения?

Тихий голос Троцкого стал настолько ехидным, что едкий сарказм, сочившийся в словах, поразил даже Владимира Ильича, великолепно знавшего своего союзника по власти.

Ленин не больно жаловал Льва Давыдовича, часто называя его разными эпитетами, самым мягким из которых являлась «политическая проститутка», но отдавал должное энергии, железной целеустремленности и изворотливому уму председателя РВС и наркомвоенмора, фактического создателя Красной армии. И если Троцкий заговорил таким тоном, от которого Фрунзе побагровел, Сталин побелел, а Дзержинский воспрянул, то жди немилосердной выволочки – Лев Давыдович больше всего любил сводить политические и личные счета при собеседниках, дабы все могли свидетельствовать в его пользу.

– Если бы я не знал преданность дорогого товарища «Арсения» святому делу нашей пролетарской революции, то заподозрил бы его сейчас как подлого буржуазного наймита!

Троцкий бросил страшное обвинение командующему самым небрежным тоном, добившись дружного возмущенного вскрика собравшихся, и тут же смягчил смысл сказанного:

– Но единственное, в чем я могу упрекнуть Михаила Васильевича, так в том, что он недостаточно владеет общей обстановкой на фронтах, ввиду того, что здесь требуются специальные знания и навыки, столь ценимые в армии, а также более взвешенный подход со

стороны ЦК!

– Я попрошу тебя яснее выразить свои мысли, Лев Давыдович! – Лицо Ленина покрылось багровыми пятнами – вождю сильно не понравился намек на полную бездарность, ибо косвенно Троцкий обвинил его, прекрасно зная, кто протезировал назначение Фрунзе.

– Вы, Владимир Ильич, гениальны в своем предвидении о противоречиях между главными империалистическими державами. Сейчас, как никогда ранее, они отчетливо проявились. Дело в том, что белые хотя и желают задушить нашу Советскую республику, но воевать с нами в ближайшие полгода, а то и год, не станут. Хотя Франция с Англией поставляют на юг транспорты с оружием и снаряжением, надеясь, что царь начнет таскать для них каштаны из костра, белые для нас пока не опасны.

– Обоснуйте!!! – Голос Ленина чуть не сорвался на визг – с одной стороны, славословие ему определенно понравилось, ведь на лесть можно поймать любого человека, но, с другой – происходившее напоминало воскресную порку для нерадивых детишек, которую ему доводилось видеть в своем захолустном Симбирске в столь давние времена.

– В свое время я заключил с генералом Арчевым ряд соглашений, в том числе и продление перемирия. И тоже думал, что этот щенок хочет обмануть, толкая нас, другого слова и подбирать не нужно, в безоглядное наступление на Западном фронте, на Польшу, Германию и дальше на Францию. Но сейчас я вижу совсем иное – белые не просто скрупулезно выполняют наши прежние договоренности, они действительно заинтересованы в успехе мировой революции, как бы это странно ни звучало! Поражение Антанты позволит им как избавиться от долгов, так и сокрушить нашими руками своих давних недругов, полностью обескровив их. А потому белогвардейцы будут выжидать до последнего, чтобы, как Северо-Американские Соединенные Штаты, вступить в войну в самый удобный момент и стяжать себе лавры победителя. Напрасные надежды, право слово! Так что сейчас нам настоятельно необходимо отправить на запад все надежные резервы и добиться там скорой и впечатляющей победы!

– Как только мы перебросим наши лучшие части к Парижу, нам ударят в спину, наплевав на соглашения с вами, товарищ Троцкий!

Фрунзе буквально сверлил злым взглядом председателя РВС, злобно сжав тяжелые кулаки, перевитые венами, – руки вечного труженика-рабочего, а не те холеные пальцы бездельников-интеллигентов, что были у большинства членов ЦК.

– Вы не правы, Михаил Васильевич, военная обстановка совсем иная, чем вы о ней думаете. Чтобы ударить нам в спину, как вы говорите, нужны войска, а где они их возьмут? С резервами, в отличие от нас, у белых обстоит плохо, а те, которые и были, уже задействованы. Нет, раньше осени никаких наступлений они предпринимать не будут. И здесь генерал Арчев, как мы и договаривались с ним прежде, дает нам гарантии, весьма надежные гарантии, смею вам заметить!

С улыбкой Мефистофеля Лев Давыдович бросил на стол листок радиограммы и с победной ухмылкой сощурил глаза, сразу приняв облик главного персонажа «Фауста».

Его триумфа никто не оценил – недоверчивые взгляды скрестились на бумаге и с недоумением сошлись на председателе РВС. Первым отреагировал Ленин:

– Бумага все стерпит, Лев Давыдович! Договоры на то и заключаются, чтобы их нарушать. Такова диалектика жизни, батенька! А вы нам филькину грамотку суετε... Хи-хи...

– Знаешь, Мики, здесь я познаю свое прошлое, то, которое в книгах не прочтешь. Удивительное дело – пришел к твердому убеждению, что в нашей революции и гражданской войне есть некая третья сила, что старательно не выходит на первый план, а все время прячется за кулисами и действует извне. Причем мы для нее в большей мере побочный продукт – получится что-нибудь – хорошо, не выйдет – ну и ладно, не очень-то и хотелось. Дергают, как куклы тряпичные, за нити, театр марионеток какой-то, право слово. Причем не столько нас, сколько большевиков!

Арчegov усмехнулся, глядя в густую ночную темноту за вагонным окном, освещенную несколькими станционными фонарями, – поезд миновал Иннокентьевскую без остановки, словно паровоз, устав от длительного пробега, торопился на отдых в депо.

– Я могу только догадываться, кого ты имеешь в виду, Костя. Наши заклятые друзья по Антанте?

– Не совсем так, скорее «добрый друг»! – Генерал побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, обтянутому мягкой кожей. – В любом детективе, когда совершается преступление, первым делом ставят главный вопрос – кому оно выгодно? Ситуация для нас облегчена предельно – кто остался в изрядном барыше после Великой войны?

– Северо-Американские Соединенные Штаты! Ибо державы Антанты у них в долгах как шелках, две монархии – Германская и Австрийская растоптаны, а мы на карачках из развалин выбираемся!

– Вот то-то и оно. И сказавши «А», они сразу перешли к другим буквам алфавита – одна из которых и стала второй мировой бойней. Ты смотри, что делается – еще десять лет тому назад к американцам в Европе относились крайне несерьезно, даже в Вашингтоне держали не послов, а всего лишь посланников, как во второразрядных странах типа Латинской Америки либо Балкан. Потребовалось две страшные войны, и ситуация кардинально изменилась – Старый Свет в разрухе, все под «планом Маршалла» ходят и американскую помощь кланчат. Лига Наций, спешно трансформировавшись в Организацию Объединенных Наций, переехала в Нью-Йорк из Женевы. Вот как они лихо всех под себя подмяли!

– Но ведь Россия при Сталине смогла им противостоять, и про Карибский кризис ты мне однажды рассказывал!

– СССР не Россия, Мики, это была настоящая держава. Та РФ, которую я покинул, представляла жалкое зрелище – обломки некогда великой страны, дымящиеся и поруганные, но все же стремящиеся сохранить, нет, не бывшее величие, хотя бы достоинство. Наши правители больше напоминали дешевых смазливых содержанок, пытающихся выклянчить лучшие условия у хозяина. Как у нас в те времена говорили – тот, кто кормит девушку в ресторане, тот ее и танцует!

– Ты циник, Костя, – так переиначить поговорку!

– Жизнь такая, а наш народ скажет как припечатает!

– Так, значит, в мире, том, что твой, американцы добрались до «Я» и установили мировое господство?

– Нет, не установили! И до последней буквы не добрались... И вряд ли до нее дойдут – не по Сеньке шапка!

– Но как же, – Михаил Александрович искренне удивился, – ты же сам мне рассказывал?!

– Не отрицаю, вот только насчет однополярного мира есть определенные сомнения...

Арчegov вытащил из коробки папиросу, покрутил в пальцах, смял картонный мундштук, с

видимым наслаждением понюхал табак, а потом тяжело вздохнул и решительно положил ее обратно.

– Видишь ли, это им показалось, что они всего добились и сказали букву «Я». Щас! Есть у нас такая буква, которую ни один из янкесов не одолеет! И дело в том, что Россия, как тот Феникс из пепла, постоянно воскресает, в какое бы дерьмо ее ни засовывали.

– Значит, и сейчас...

– О нынешних заботах потом поговорим, сейчас о делах минувших... Вернее, о будущем, которого, надеюсь, уже не будет. Да, не будет! Уж слишком оно печально, между нами, девочками, говоря. Так вот, что касается России – все дело в идее, доступной и понятной любому русскому. Если она затронет его за живое, за сердце, то он способен любые лишения перетерпеть, любые жертвы, даже на смерть пойти! Большевики такую идею смогли дать – красивую, привлекательную! Народ потому Гитлеру шею свернул и из руин страну возродил. Но знаешь, в чем наша беда?

Арчegov нахмурился, мотнул головою и все же вытянул из коробки папиросу. Чиркнул спичкой, затянулся так, что на щеках углубились ямки, выпустил через ноздри густые клубы дыма.

Михаил Александрович промолчал, понимая, что друг задал ему риторический вопрос, на который не требуется давать ответа, ибо он есть просто незаконченная мысль.

– В крысах наша беда, Мики! В тех, кто свою шкуру и мощну самыми ценными считает. И для их сохранения в целости они всегда готовы пойти на предательство. Эти твари прекрасно понимают, что творят, а потому под свои деяния всегда красочное оправдание подводят, типа – не изменяли Родине-матери, а боролись за «демократические свободы и ценности», а прислуживание заокеанским хозяевам называют «выбором оптимального решения». Так вот, ваше императорское величество, – сейчас нам не до сопливых сантиментов, и если спасти Россию, то краеугольным камнем должна стать польза общности, «миру» или общине, как говорят крестьяне, и конечной целью служение Отечеству!

Михаил продолжал молчать – Арчegov пока не сказал ему ничего нового, именно так они оба и поступали, но нутром император чувствовал, что скоро будет произнесено главное.

– Есть такая мудрость – умеешь считать до десяти, остановись на трех. Янкесы этого не понимают, более того, они торопятся и перескакивают через цифры, а это добром для них не кончится. Видишь ли, я уверен в том, что та Россия поднимется с колен только потому, что у нас и у западников совершенно разные, диаметрально противоположные взгляды на основополагающие вещи, которые почему-то полагают в Европе ценностями. Для них главное закон, а для русских справедливость! Сам знаешь, как мы говорим – закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло. В Европе и Штатах говорят о «золотом миллиарде», чьи права охраняет закон, как и их вековое «право» грабить все прочие континенты и страны. А значит, в союзниках у нашей, но той России весь мир, что тоже жаждет справедливости, но пока не консолидированный, искусственно раздробляемый. Нам там нужен только лидер и идея, что сплотит народ, а за настоящими друзьями и союзниками дело не станет!

– Ты рассуждаешь о гипотетических вещах, причем в том будущем, которого здесь не будет...

– Нет, Михаил, я рассуждаю о настоящем! О тебе, о твоих действиях и планах, что ты претворишь в жизнь. Мы только начали претворять «справедливость» в жизнь, сделали только крохотные шажки, и часть народа встала на нашу сторону, она доверяет тебе. А потому исходи всегда из общей пользы, и люди всегда тебя поддержат, особенно сейчас, после войны и революции. Только не обмани их ожиданий, и наша страна получит весьма неплохие перспективы, гораздо лучше того будущего, которое могло быть при твоём брате императоре

Николае!

– Ты говоришь как сельский учитель...

– Это не банальности, Мики. Самодержавие, что было установлено еще Петром Великим, и конституционная монархия по западному образцу одинаково вредны для России. Прочитал я в свое время одну книгу, думаю, что автор во многом прав. И название говорит само о себе – «Народная монархия»! Соборность и православие – вот главные устои нашей жизни. И не следует их понимать в узком плане. Спасая духовные корни, лучшее из того прошлого, что у нас было, ты спасаешь и будущее. Будь с народом, сплоти его, и тогда не будет трагического разлада между «барами» и «мужиками». Хотя, конечно, тебе придется встать на сторону последних! И действовать исключительно в их жизненных интересах... Взять хотя бы землю – в Европе она в частной собственности, объект купли-продажи. А русский мужик категорически против такого подхода, ибо считает, что земля – божья. Так что трижды подумай, стоит ли тебе сейчас вступать на гибельный для себя путь, разделив судьбу брата. Сколько раз я тебя уговаривал, настаивал?! Сделай же ставку на мужиков, что три четверти населения составляют, и полетят большевики верх тормашками, ибо при всей их прекрасной программе место крестьянам там не отведено. Так что выбор только за тобою, и сделать его нужно немедленно!

– Да понимаю я, не береги душу... – глухо произнес Михаил и бросил взгляд на стекло – в темноте проступили сотни огоньков, не столь и далеких, в которых легко угадывался электрический свет. – Подъезжаем к мосту через Иркут, скоро вокзал...

– Наконец-то, – с тягостным вздохом произнес Арчegov, – я последний час себе места не нахожу.

– Скучаешь... – совершенно серьезно, без намека на улыбку произнес Михаил Александрович, глаза его потемнели. – Искренне завидую, это я тебе как другу говорю.

– Нина для меня не просто любовь, она тот якорь, что прикрепил к этой земле, Мики. Скучаю я по ней, хочу сыновей на руки взять, они ведь оба мои и счастье, и боль...

Михаил Александрович впервые увидел, что этот седой, жестоко битый жизнью генерал может так блаженно, совершенно по-детски улыбаться, и содрогнулся от боли, сдержав мучительный стон.

– Я все понимаю, Мики! – На его руку легла сверху крепкая ладонь друга, пальцы чуть сжали запястье. – Твой брак – политический выбор, и на любовь трудно рассчитывать, ее нужно будет бережно растить в женском сердце. Но дети будут твое продолжение, твоя кровь, а их улыбки будут много для тебя стоить...

– Мы проиграли и эту войну! Вторую по счету! Но сейчас только самим себе...

Майор Хайнц Гудериан невидящим взором уставился на размокшую землю, покрытую космами грязной пожелтой травы да белыми пятнами выпавшего ночью снега.

Последние часы он вел себя совершенно безучастно и, прежде одетый всегда безукоризненно, как надлежит быть настоящему германскому офицеру, сейчас не обращал внимания ни на оборванные у прожженной и изодранной шинели пуговицы, ни на свисающий с правого плеча витой серебряный погон. Тот самый, что служил для него связью со старым миром, с прежней Германией, что нынче превратилась в бурлящий котел, одинаково опасный для всех участников этого жуткого варева.

Всего за пять месяцев Гудериан прошел путь от Одера до Рейна, ожесточенно сражаясь и орошая кровью своих солдат каждый метр – если бы кто сказал ему об этом всего полгода тому назад, майор не поверил бы такому прорицателю, сочтя его гнусным лжецом.

Но все – дорога окончена, счета с жизнью сведены, и осталось только подготовиться к неизбежному финалу, к которому каждый военный, видевший кровавую мясорубку четырехлетней великой войны, относился философски. Ведь все живое имеет и начало, и конец, эти две неразрывные стороны бытия.

Гудериан не мог себя упрекнуть ни в чем, ибо немцы потерпели поражение от немцев. И сейчас, взглянув на своих солдат, что сражались до последнего патрона и сдались в плен от полной безысходности, сердце обожгла накатившаяся боль – красные кавалеристы с нашитыми поверх шинелей и курток синими «разговорами» весело, без всякой злобы, разговаривали с его сумрачными и подавленными фузилерами.

С ними шутили, щедро угощали последними сухарями да табаком, с которого ловко вертели русские самокрутки, ибо сигарет или папирос нельзя было найти давненько.

Вот только не славянская речь звучала вокруг – воздух был наполнен баварскими, саксонскими, венскими, прусскими и другими германскими диалектами, которые всякий немец различит на слух сразу же, как любой русский почти мгновенно определит по речи украинца, поляка, серба или болгарина.

Взгляд опытного военного опознал в этих уверенных в себе солдатах, двигавшихся с нарочитой небрежностью, умелых кавалеристов, достойных преемников своих доблестных предков, тем самых, что принесли славу рейху в рядах бессмертной конницы Зейдлица, или полвека назад опрокинувших французов под Седаном.

И сейчас эти бывшие драгуны, конные егеря, гусары и уланы, цвет сгинувшей в небытие имперской армии, шли в бой уже под красными знаменами, неся на кровавых полотнищах победу. Шли вперед, за Рейн, на Париж, туда, куда и он стремился шесть лет тому назад.

– Проклятие, какой же я глупец!

Гудериан тихо выругался, только сейчас осознав, какую ошибку он совершил. Последние дни перевернули все мировоззрение, опрокинули прежние взгляды и устои.

Хайнц искренне надеялся на помощь французов, что вместе с немцами встанут плечом к плечу супротив, как писалось поначалу во многих европейских газетах, «диких азиатских полчищ, затмевающих своими зверствами все жестокости Аттилы».

Помогли?! Как бы не так!

Рейхсвер не имел запасов вооружения и боеприпасов – союзники, стремясь поскорее избавиться от угрозы со стороны поверженного, но могущественного врага, выгребли все под метелку, уничтожив груды столь необходимого оружия и снаряжения.

В таком трагическом положении было трудно противостоять красным долгое время – отступивший к Страсбургу с остатками разбитой дивизии батальон Гудериана имел трофейных русских винтовок и патронов гораздо больше, чем германских. Если говорить честно, то «маузеров» почти не было, а к сотне трехлинеек полагалось всего по две обоймы на каждую – как раз на полчаса, и не боя, а стычки.

Помощь французов являлась воистину «щедрой» – десяток ручных пулеметов «Шош» оказались той еще дрянью, склонной ко всяким поломкам, а две сотни «Лебелей» лишь наполовину покрыли необходимое для поредевшего батальона число ружей. Патронов выдали самую малость, их хватило ровно на сутки боя.

– Мерзкие твари, швайнехунд...

Гудериана затрясло от бешенства и ненависти. Только сейчас он понял, что его солдат французский генерал оставил на закление, дабы те прикрыли отступление галльского воинства.

Майор хорошо запомнил те презрительные взгляды, что бросали победители на смертельно уставших фузилеров, и тот оскорбительный отказ вывезти хотя бы раненых в глубь Франции. Да еще презрительные словечки, что сыпались градом, в адрес «вечно грязных бошей» – их не рассматривали союзниками, а лишь одним пушечным мясом, что должны были именно их спасти, заплатив очередными сотнями немецких жизней.

– Нас опять предали!

– Верят, Владимир Ильич, не словам, а делам! Это только что полученная радиограмма. Черноморский флот под командованием бывшего «верховного правителя», того самого адмирала Колчака, высадил десант и захватил Трапезунд. Части 1-го армейского корпуса генерала Слащева уже перевозятся туда транспортом. Вместе с ними белогвардейцы небезызвестного генерала Юденича перешли в наступление на Эрзерум. Им в помощь направлены «цветные» дивизии, а одно это говорит о многом!

Лев Давыдович выдержал артистическую паузу, спрятав неуместную улыбку, и с прорвавшимся высокомерием во взгляде поглядел на донельзя удивленные, пока не верящие лица.

– Недобитым монархистам мало Румынии, на которую они набросились два месяца назад озверелой сворой с трех сторон, они снова алчут новых завоеваний. Теперь к ним примкнули новые империалисты, желающие растерзать революционную Турцию – болгары уже вступили в восточную Фракию и заняли Андрианополь, а греки оккупировали Константинополь и Смирну со всем вилайетом. Вот так-то!

Троцкий остановился и с улыбкой триумфатора посмотрел на морально раздавленных оппонентов, отчетливо понимая, что добился сокрушительной победы. Но требовалось окончательно подавить главного противника, и он нанес добивающий, безжалостный удар:

– Товарищ Фрунзе просто не понял, что главную роль играет не военная, а политическая составляющая. Все наши силы без остатка должны быть брошены на запад. Россия лишь средство в достижении успеха, охалка соломы, брошенная в костер мировой революции!

Лица Фрунзе и Сталина во время столь выразительного спича понемногу вытягивались, и Троцкий видел, что идея принесения в жертву России им явно не понравилась.

«Квасные патриоты, а не большевики, жаль им своего Отечества. Ничего, эта дурь у них из голов быстро выветрится!» – Этими мыслями Лев Давыдович словно подвел черту, понимая, что победил, ведь Дзержинский и Ленин были на его стороне полностью, им, настоящим коммунистам, были чужды подобные предрассудки.

Лицо вождя покраснело, глаза заискрились весельем, словно у наркомана, получившего спасительное зелье. И куда только боль с усталостью делись – Владимир Ильич вскочил из кресла, словно ощутив, что вернулась молодость, шустро пробежался по кабинету, делая правой рукою какие-то непонятные пассы.

– Какое замечательное известие! Империалисты передерутся между собою, и нам останется только их добить! У русских царей всегда текли слюни при одном упоминании Проливов, и вот они решили их захватить, воспользовавшись моментом! Архиглупость! Но нужная для нас, хихи... Все силы нужно бросить на запад, там наша победа! Вы хитрец, батенька, недаром я вас иудушкой иной раз называл. Такое придумать, хе-хе, чудненько, теперь они на Кавказе надолго застрянут. Ведь так, товарищи?! Что скажешь, Коба, ты же у нас человек из тех мест?

Ленин гоголем пробежался по кабинету, остановившись напротив Сталина, и задорно тому подмигнул. Он редко кого называл по партийным псевдонимам, и лишь тех, к кому был искренне расположен.

– У нас говорят, что выстрелить легко, но потом долго идет перестрелка... Очень долго...

Сталин, как всегда, говорил медленно и очень осторожно. Он не был искусным политическим оратором, опытным трибуном, как признанные вожди партии, а потому всегда старательно подбирал слова, тщательно обдумывая каждую мысль.

– Одной Турцией дело не ограничится, Владимир Ильич, белые попытаются взять и Грузию.

– Архизамечательно! Пусть Церетели со своими меньшевиками получит наглядный урок соглашательства! А мы обратимся с воззванием к народам Закавказья и Востока, поддержим их в справедливой борьбе за свободу и полностью сорвем агрессивные замыслы царизма! Но чуть позже, не стоит преждевременно дразнить гусей... Сейчас нужно бросить все силы на запад и к лету советизировать Францию. Мы успеем, Лев Давыдович?

– Думаю, да, Владимир Ильич! Месяца, в худшем случае двух, хватит на переброску всех семи стрелковых дивизий и кавалерии. Нужно еще не менее сорока тысяч красноармейцев маршевыми ротами для восполнения потерь. С таким подкреплением Париж может быть взят к июню!

– Великолепно!

Вождь сделал несколько быстрых шагов и остановился у стола, потирая широкий лоб, покрытый капельками пота. Лицо приняло сосредоточенное выражение, и Троцкий моментально подобрался.

«Рановато еще списывать «Старика» со счетов – гениальный ум, он себя покажет, хоть и болезнь скрутила. Но годик протянет, а я там бразды и перейму. Здорово я их уделал, сидят, глаза поднять боятся!»

– Архиважно, товарищи, добиться победы в самый короткий срок. Но не только на западе, но и на нашем юге. А потому нужно провести мобилизацию партии и отправить на фронт каждого пятого... Нет, каждого третьего партийца. Увеличить паек красноармейцам и совслужащим, пусть все видят нашу заботу, и в июле крепенько ударить, всеми силами и европейскими интернационалистами, чтоб разом покончить с контрреволюцией!

– Владимир Ильич, у нас хлеба на три месяца осталось... – Сталин внимательно посмотрел на вождя, словно напоминая ему о какой-то прежней договоренности. Лицо Ленина сразу прояснилось, в глазах снова запрыгали веселые искорки.

– Обложить деревни дополнительной разверсткой, расстрелами выбить у кулачья зерно! А там... Каждый красноармеец будет сражаться, чтобы спасти от голодной смерти своих родных! И мы возьмем хлеб у белых, что вознамерились костлявой рукою голода задушить молодую Советскую республику! А любые соглашения с такими извергами не более чем клочок бумажки для сортира!

– Вот офицер, товарищ комполка! Остальных побили в бою, а двое раненых сейчас в лазарете!

Громкие голоса вывели Гудериана из тягостных размышлений, и он медленно приподнял голову. Перед ним стоял молодой военный в длиннополой кавалерийской шинели, в лихо заломленной фуражке.

Отважный вояка – шашка, на эфес которой русский положил ладонь, имела красный темляк, да пламенел на ней узнаваемый знак. Два таких же ордена, только на круглых красных розетках, были прикреплены на груди с левой стороны шинели.

Взгляд командира полка волевой, цепкий, но вместе с тем удивительно честный, а глаза как у ребенка – такой воин может быть жестоким, но не бесчеловечным, нет в нем лютости.

Майору хватило секунды, чтобы понять, кто сейчас будет решать его затянувшуюся судьбу, и он поднялся на ноги, небрежным движением ладоней отряхнув шинель. Вытянулся, застыв по стойке «смирно», но без всякого раболепства, этого в нем не было ни на пфенниг – нужно уметь проигрывать достойно, не скуля и не выпрашивая пощады, умереть солдатом, а не трусливой шавкой.

– Командир 27-го кавалерийского полка Рокоссовский!

Русский четко, без небрежности к поверженному врагу, приложил ладонь к помятой фуражке. От сказанных слов внутри похолодело еще больше, казалось, что сердце превратилось в кусок льда.

Этой встречи Хайнц жаждал, вот только представлялась ему совсем иной – роли в ней они должны были играть противоположные. Но что случилось, то случилось, и он, терзаемый досадой, что остался без такого же головного убора, в одном лишь грязном подшлемнике, да еще со свисающим с плеча оторванным серебряным погоном, вытянулся в струну, крепко прижимая руки к телу.

– Командир 6-го егерского батальона майор Гудериан! – Четко представившись, с кривой улыбкой, не дрогнув ни единым мускулом на почерневшем лице, произнес: – Я готов, господин полковник!

– К чему вы готовы, майор?

Брови русского офицера удивленно выгнулись, и Хайнц тут же пояснил, не пряча ухмылки:

– Отправиться в расход, как вы говорите. Или поехать в «Могилевскую губернию, в штаб генерала Духонина»! Хотя не имею чести его знать, но надеюсь познакомиться...

– Не торопитесь на тот свет, майор, можно и опоздать – такая задержка оправданна!

Русский неуклюже пошутил, его лицо оставалось ясным, и Гудериан понял, что расстреливать его пока не собираются. Но облегчения не испытал, а одно лишь тягостное недоумение.

– Но почему, господин полковник?!

– За что нам вас казнить? Почему вы не ушли во Францию, бросив все, – ведь такая возможность у вас имелась?!

– Один из их революционеров перед казнью сказал, что отечество на подошвах ботинок не унесешь... – Гудериан в горькой усмешке скривил губы. – Идти к злейшим врагам и просить у них милости?! Ваши могли перебить вчерашних врагов, однако послали сюда эшелоны с хлебом для наших голодающих детей, а они только грабят! А их помощь?

Хайнц не выдержал и в презрении харкнул на землю. Он сказал все, что хотел, и этим плевком как бы подвел черту.

— За что вы дрались? Вы фон-барон, у вас поместье, заводы, фабрики и пароходы. Почему вы остались со своими солдатами, майор, хотя офицерам жизнь при сдаче не обещали?

— Не имею чести быть аристократом, хотя усадьба имелась — ее полякам по мирному договору отдали. Все мое имущество на мне, а марок не хватит на заплесневелый сухарь...

– Спустя четыре года мы снова здесь, Александр Васильевич! Я о таком прошлой зимой и помыслить не мог, когда от большевиков на Маныче и Дону с трудом отбивались!

Лицо старшего флагмана черноморской эскадры Михаила Александровича Кедрова дышало энергией, небольшие черные усики победно топорщились, глаза лучились знакомым восторженным огоньком, что так часто пылает в глазах молодых лейтенантов.

После успешной кампании против Румынии вице-адмирал впал в совершенно противоположную крайность и начал считать, что плохие времена для российской державы уже канули в прошлое и теперь везде и всюду будет ждать успех.

– Да и мне в Сибири о том не грезилось, не до того как-то было, другие заботы тогда одолевали...

Адмирал Колчак усмехнулся самыми краешками тонких губ, демонстрируя знаменитую британскую невозмутимость, свойственную одним только офицерам «Ройял Неви», хотя внутри ликовала и пела свою победную песнь русская душа. Усилием воли он взял ее в крепкие тиски, в чем несколько помог очередной приступ жуткой боли, что часто накатывала неумолимыми волнами, выворачивая суставы.

Ревматизм, это проклятие северных широт, уже долгие годы отравлял жизнь русского флотоводца. В давние времена он еще молодым лейтенантом участвовал в полярной экспедиции несчастного барона Толля, а потом вел долгие поиски своих пропавших без вести спутников среди безмолвного молчания ледяных равнин Арктики.

– Михаил Александрович, а ведь турки совершенно не укрепили береговую оборону, даже нашими брошенными батареями не воспользовались. Поразительное недомыслие!

– Просто у них, Александр Васильевич, простите меня, идет катавасия почище нашей, учитывая восточный темперамент. До укреплений ли им сейчас, когда с трех сторон страна подожжена революцией?!

Кедров скривился в нехорошей усмешке, что сделало его похожим на рассерженного шипящего кота, и флагман твердым голосом, но уже чуть тише, закончил:

– К нашему преимуществу, в конце концов, не смею отрицать очевидное, ваше высокопревосходительство! А то четыре года тому назад, я это хорошо помню, здесь изрядно провозились, пока портом овладели да окрестности взяли!

– Тогда туркам германцы помогали, да и «Гебен» с «Бреслау» порядком мешали. А сейчас османам войну на три фронта вести нужно, и последних стоящих кораблей у них уже не осталось.

Колчак с грустной задумчивостью во взоре посмотрел на далекий, но хорошо видимый пыльный серый берег, с торчащими шпилями минаретов, плоскими крышами домов да с зелеными островками рощ, в которых высились стройные кипарисы.

Казалось, что прошедшие века несколько не изменили древний византийский город, пять столетий бывший турецким и в нынешний день снова ставший греческим. Вернее, если говорить искренне, в первую очередь новым российским градом, но об этом следовало промолчать, дабы не вводить союзников по Антанте в изрядное смущение, особенно англичан, чьи линкоры дымили своими трубами в Золотом Роге.

– Михаил Александрович, думаю, пушкам нашего «Ушакова» здесь попросту нет достойных целей. Так что снаряды тратить не пришлось. Мы вроде на прогулку к южным берегам сходили, а не на войну...

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

Кедров вздохнул с тщательно скрываемым облегчением. Вице-адмирал не желал без нужды рисковать единственным боеспособным русским линкором, пока бывшие «англичане» в строй не вступили: это произойдет никак не раньше середины весны, а то и намного позже, ближе к лету.

И хоть на Черном море триста дней в году стоит прекрасная солнечная погода и штормы довольно редки в здешних водах, но иной раз в море лучше не задерживаться понапрасну, ведь тральные работы еще толком не велись, и есть немалый риск нарваться на какую-нибудь сорванную с якоря плавучую мину. Так что лучше немедленно идти в обратный путь, к родным берегам Крыма, к Севастополю, а не торчать у Трапезунда с ощущением полнейшей бесполезности на здешнем рейде.

Зачем искушать судьбу, так и до греха недолго!

– Так что же ты дрался, дурилка?!

Русский офицер в таком искреннем изумлении посмотрел на Гудериана, что немец растерялся. Спроси его неделю назад, Хайнц бы нашел, что ответить, но сейчас растерялся. За последние дни слишком многое изменилось в его жизни, и появились совсем иные вопросы, на которые он никак не мог найти пока ответа.

– Долг, присяга... Я должен был воевать с захватчиками... – Майор мучительно выдавил из себя слова, в которые раньше истово верил. Но сейчас почувствовал, что звучат они неубедительно даже для него.

– Какие мы захватчики?! Тут немцев больше, чем русских! – воскликнул Рокоссовский с побагровевшим лицом. – И сражаются твои соотечественники за лучший мир! Почему миллионы людей должны были проливать кровь и заживо гнить в окопах, а сотня-другая толстосумов набивать карманы золотом, наживаясь на чужом несчастье?! Почему, я тебя спрашиваю! Где ты здесь видишь врагов?! Посмотри вокруг и пойми, дурилка, что нас просто натравливают друг на друга капиталисты, что жаждут дальше вершить свои грязные и подлые дела, господствовать над миром, молясь «золотому тельцу» и проливая потоки невинной крови!

От яростного напора красного офицера Хайнц отвел взор в сторону и тут заметил, что к беседующим между собою немцам подошли русские и французские солдаты и не менее живо включились в разговор, обнимаясь и похлопывая собеседников по плечам. Беседа пошла на жуткой языковой смеси, которую, как ни странно, все понимали.

Впрочем, и Рокоссовский с Гудерианом изъяснялись на том же жаргоне – солдаты, долгое время воюющие между собою, рано или поздно начинают понимать друг друга.

– Видите, майор, это братание? – Рокоссовский перехватил взгляд германского офицера и улыбнулся в ответ прямо-таки по-детски. – На Восточном фронте такое часто происходило, ибо люди устали от долгой изнурительной бойни. Но сейчас они снова идут воевать, плечом к плечу встали вчерашние враги. Вперед, даешь Париж – никто здесь не будет драться за французских буржуев!

– Ни я, ни мои солдаты не станут воевать за интересы Ротшильда, «Лионского кредита» или парижских рантье. Скажу честно – я бы с удовольствием сразился с французами еще раз, как это ни странно звучит, ибо к старым давним счетам добавились новые!

– Мы не воюем с французским народом, – голос Рокоссовского построжал, – а только с помещиками и капиталистами. Рано или поздно мир станет другим, более лучшим, и никто не будет проливать кровь за чуждые интересы. Все люди – братья!

– Эгалите, либерте, фратерните...

Произнеся бессмертный лозунг французских революционеров, Гудериан улыбнулся и неожиданно осекся. словно вспышкой осветился его разум, мучившие сомнения моментально ушли из разума, озарение нахлынуло ослепляющим сгустком.

«Жестокость свойственна войнам, а гражданским в особенности. Так стоит ли упрекать большевиков в зверствах, если подобное творили якобинцы, Робеспьер и Марат. Ведь потом на смену им пришел генерал Бонапарт, ставший императором Наполеоном, история получила совсем иной ход. И если будет так, то это многое для меня меняет!»

Гудериан не замечал горячий пот, выступивший каплями на его лбу. Действительно, что мешает такому случиться и сейчас, а на роль «маленького корсиканца» вполне подойдет сам Троцкий, которого уже вслух везде стали называть «первым маршалом революции».

«А ведь Наполеон недаром говорил, что каждый его солдат таскает в своем ранце

маршалский жезл. Рокоссовский моложе меня, а уже полком командует, и очень грамотно, такие уроки мне выдавал. Действительно, революция ценит действительные, а не мнимые заслуги, и каждый получает то, что заслуживает!»

Гудериан тяжело вздохнул и прищурил глаза – нервы натянулись струнами, майор с пронзительной отчетливостью осознал, что стоит ему произнести слово, и обратного пути не будет...

– Майор, вы присягали немецкому народу! И этот народ, пусть и одетый в шинели, здесь. Он встал за новую Германию, за свое будущее, и следует уважать этот выбор!

– Даю слово, – глухо произнес Хайнц Гудериан, – и буду воевать за Рейном честно! Вот только я ведь не пролетарий...

– Происхождение не играет никакой роли, главное, это сам человек и его дела. У нас некоторые народные комиссары тоже из дворян. Да что далеко ходить – начальник штаба одной из армий Западного фронта вообще имеет графский титул. Да и 1-й дивизией германской Красной армии командует самый натуральный генерал, да еще из фонов.

Гудериан вздохнул с нескрываемым облегчением, с души словно упал тяжелый камень. Теперь он уже не сомневался, что сделал правильный выбор, ведь недаром считал, что слова «Дойчланд юбер аллес» – «Германия превыше всего» – и определяют судьбу каждого немца.

– Да и у меня прадед уланским офицером был, в корпусе маршала Понятовского на Москву ходил, а бабка примой-балериной в Варшавском театре танцевала. Да что я – и наш вождь Ленин, и Дзержинский из дворян, но стоят за угнетенных!

– Я слышал о том!

– Курите, майор!

Рокоссовский достал из кармана картонную коробку, чуть размалеванную красной краской, с изображением красной звезды, с молотом и плугом. Хайнц взял грязными пальцами папиросу, чиркнул спичкой из протянутого коробка. Затянулся, с наслаждением ощущая, что вернулся к жизни, ведь сегодня он готовился умирать несколько раз.

– Кухня уже поспела, сейчас ваших солдат покормят. В животе небось урчит, какой день без горячего?

– Простите, господин полковник...

– У нас говорят товарищ комполка, майор, по должности, чинов в Красной армии нет!

Рокоссовский отвел ладонь немца со спичками и сунул в руку Хайнца коробку папирос.

– Я должен сказать, что воевал против вашего полка четыре раза, начиная с Одера...

– Пять раз, майор, – на фабрике вас пленили как раз мои эскадронцы. Я про вас давно знаю, как и то, что вы приказали расстрелять моего ординарца, но потом передумали и отпустили. Почему вы так поступили?

– Будь он трус или мародер, его бы расстреляли без сомнений. Но я сам видел его заношенное, в заплатах, казенное белье. Да и храбрец, нужно отдать должное! А смерть или жизнь одного отважного воина не сыграет роли в баталии, где сражаются тысячи. Потому я и отпустил его!

– Вот и беседую с тобою, а иначе... У нас говорят, что долг платежом красен! Выбор за вами, майор, – вы можете уйти на все четыре стороны, если пожелаете!

– Спасибо. Но если позволите, то я хотел бы остаться со своими солдатами!

– Не за что благодарить, майор! Из пленных солдат, спешенных конармейцев, добровольческих немецкой и французской рот начдив Тимошенко приказал мне сформировать интернациональный батальон. Потому предлагаю вам принять над ним командование. Начдиву доложу, что под мое поручительство.

– Я вас не подведу... – глухо произнес Гудериан, перед глазами поползла предательская

пелена.

– Так действуйте, товарищ комбат, время дорого!

– Мы идем в Севастополь, Михаил Александрович!

Адмирал Колчак чуть улыбнулся, понимая сомнения флагмана эскадры. Рисковать линкором он тоже не хотел, ведь приход «Ушакова» в Трапезунд был чисто политическим предприятием, должным показать и врагам, и союзникам что российский Черноморский флот не следует списывать со счетов.

С уходом в главную базу относительно нового линкора и «новики» в гавани оставался достаточно сильный союзнический отряд, способный огнем своих орудий поддержать высаживающиеся с транспортов части 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Слащева, что должен был очистить от османов все побережье вплоть до Батума, а потом нависнуть с севера над турецкой крепостью Эрзерум.

Туда же продвигались победоносным маршем, преодолевая зимние бураны и метели в горах, доблестные и закаленные в боях кавказские стрелки генерала Юденича, еще раз проделывая тот самый трудный путь, который им уже доводилось проходить в ту войну.

Греки отправили для защиты новоявленного Понтийского государства броненосец «Лемнос», сбавленный им предприимчивыми американцами по сходной цене, как и «Киликис» – от таких кораблей ведущие морские державы избавлялись с превеликим удовольствием: вот только покупателей не было, кому нужна такая рухлядь, даже если старые 12-дюймовые линкоры уже не пользовались должным вниманием.

Вместе с русским «Адмиралом Корниловым» пришел маленький греческий крейсер «Хела», похожий на вооруженного шпагой мушкетера рядом с закованным в броню лат рыцарем.

Болгары прислали совсем дряхлую канонерку «Надежде», помнившую героев Шипки и Плевны, в сопровождении двух маленьких миноносцев – но это были самые сильные корабли, что имелись у их флота, сокращенного стараниями победителей до самого ничтожного состояния.

Зато Черноморский флот стремительно воспрянул, словно сказочный феникс, возрождаясь из пепла и пламени. И как нельзя лучше это виделось в Трапезунде, где, кроме устаревшего крейсера и угольных миноносцев, бросили свои якоря и новые корабли.

Большинство из них стояли недавно на достройке у стенок заводов или еще на стапелях в Николаеве. Их удалось ввести в строй в прошлом году, как раз перед началом войны с Румынией, – четыре «генерала», вооруженных парой 130-мм орудий каждый, три подводные лодки, две из которых принадлежали к новому типу «Американского Голланда», четыре больших тральщика, переоборудованных из английских китобоев, и недавно пришедших от берегов Туманного Альбиона.

Да еще на палубах обретенных в гавани трофеев живо и с огоньком суеились новонабранные команды из черноморских экипажей – пусть бывшие турецкие канонерские лодки уступали русским по водоизмещению и огневой мощи, но их пушки были отнюдь не лишними.

– Не ожидал, удивили... – пробормотал себе под нос адмирал Колчак, вспомнив, как беседовал с капитаном второго ранга Тирбахом – дерзость его небольшого отряда, взявшего, по сути, в ночном абордаже целый отряд боевых кораблей без единой потери, поразила флотоводца прямо в сердце. Даже заклятые друзья англичане, что в прошлую войну совершили не менее дерзкий набег на Остенде, не добились столь значимого результата, хотя и произвели на всех моряков определенное впечатление.

Сейчас Александр Васильевич напряженно размышлял над рассказом Арчегова об

авианосцах, массированных налетах аэропланов, морских диверсантах, радарх и о многом другом – вещах поразительных и неслыханных, но, тем не менее, весьма реальных.

Требовалось как можно скорее начать реорганизацию всего российского императорского флота, от полярных вод до Тихого океана и берегов Черного моря, успеть сделать главное, пока имеется значительная фора по времени перед другими, возможно, будущими врагами России, что ныне числятся ее союзниками.

Не имея возможности сравняться с ними по числу кораблей линии или боевых вымпелов, следовало сделать главную ставку на новые, а оттого неожиданные для противников средства.

И тут Колчак вспомнил стоящий в Кронштадте памятник погибшему на «Петропавловске» под Порт-Артуром адмиралу Макарову, выбитые там всего два слова, сказанные незабвенным Степаном Осиповичем, которые должен знать каждый русский офицер, выступающий под сенью Андреевского креста. Александр Васильевич их тихо прошептал, как бы давая клятву самому себе:

– «Помни войну!»

– Почему я еще жив... Воды!

Главстаршина Генрих Шульц с трудом приподнялся на койке – его сильно покачивало, будто монитор шел по большой для Амура волне. Вот только «Вьюга» стоял в затоне, скованный крепким льдом, а он сейчас находился у себя дома, истерзанный и больной.

– Вот, милый, испей!

Мягкая рука Эльзы подхватила несчастного моряка за спину, а прямо в губы уткнулась большая кружка, бог знает какая по счету, полная холодной воды.

Генрих осушил ее в три приема, и наступило облегчение – мучительная сухость исчезла, можно было говорить и дышать, вот только голову продолжало ломить, как от сильной контузии.

– Проклятое «пропивание»...

Шульц прекрасно понимал причину своей болезни, именуемой в Сибири «похмельем», зловредно поразившей его этим утром. И все испытанные на его родине средства – нюхательная соль, уксусная вода и обтирания – оказались бесполезными перед этой бедой.

Вечером Генрих чувствовал себя просто превосходно, будто перестал быть немцем, превратившись в русского, – радовался и веселился от души, обнимал за могучую шею своего нового родственника, поднимая стакан за стаканом и чокаясь на счастье.

Еще бы не ликовать – к сестре Гретхен посватался боцман его монитора Петр Ильич Пахомов, кряжистый служака сорока лет, заслуженный моряк еще с царских времен, обеспеченный, уважаемый соседями – добротный родительский дом остался без хозяйки, и вдовец решил обзавестись молодой супругой.

Трудный выбор будущей жены в конце концов пал на домовитую немку, и пусть у нее с приданным было не то чтобы худо, хотя одна швейная машинка «Зингер» недешево стоила, но то, что Шульц пользовался уважением будущего зятя, говорило о многом.

Генрих стал для русских моряков своим, потому отказ в сватовстве мог грозить большими неприятностями, ведь подобных обид не прощают. Тем более Пахомов имел весомый чин мичмана, который вообще-то раньше был офицерским, но сейчас стал взамен бывшего кондукторского звания, отмененного полгода тому назад.

Породниться пожелали обе стороны, только Шульц надеялся на немецкую скромность торжества и никак не ожидал русского размаха. Будущий зять попенял ему на какое-то «жлобство», и Генрих покорно, как говорят моряки, последовал в кильватере.

Но если с расходами скуповатый пруссак смирился, то непонятные и совершенно необъяснимые русские традиции привели его в шок, потребовав прямо-таки неумеренного потребления горячительных напитков. Три рюмки шнапса с бокалом пива Генрих раньше считал неумеренным пьянством, но на «сватовстве», которое с трудом пережил, понял, что немецкая традиция может считаться эталоном трезвости.

Но он тогда еще не ведал, каково будет «пропивание невесты», иначе бы категорически отказался выдавать сестру за русского, жизнь – она дороже любых осложнений по службе.

– Умираю...

Генрих склонился над тазиком, заботливо пододвинутым к кровати побледневшей матерью. Его снова вырвало желчью, промытый водою пустой желудок отзывался болью.

Он без сил рухнул на мокрую подушку, желая себе спасительной смерти, и ненадолго впал в забытие, придя в себя от громкого и почему-то веселого голоса зятя.

– Ну и вид у тебя, брат, краше в гроб кладут! Ты как лягушка, такой же зеленый и с пупырышками. Сейчас мы тебя лечить будем, первейшее средство есть, махом на ноги поставит!

Страдалец воспрянул духом, резонно посчитав, что русские давно знают чудодейственные рецепты от подобных напастей, ведь, находясь в сибирском плену, Генрих не раз видел, как совершенно преображаются мужики, страдавшие «похмельем».

Однако зять извлек бутылку казенной водки, привычно сорвав пробку крепкими белыми зубами, и налил половину граненого стакана, принесенного матерью, смотрящей на «лечение» с неприкрытым ужасом в широко открытых глазах.

Вот только слабый протест тещи был сурово прерван мичманом, пробурчавшим непонятные слова, которые Шульц перевел как категорическое требование не лезть в чисто мужские дела, высказанное такими мудреными словосочетаниями, которые чаще применяются по отношению к самым нерадивым матросам.

– Пить нужно уметь, зятек! Давай, прими микстуру!

От свирепого рыка боцмана Шульц впал в оцепенение и, машинально повинувшись, проглотил омерзительную жидкость, которая своим запахом чуть ли не вызвала тошноту.

Но чудо – лежа в кровати и слушая русско-немецкую речь своего нового родственника, он через полчаса почувствовал значительное облегчение и услышал слова Пахомова, уже проваливаясь в сон:

– Завтра к смотру как огурчик будет! Всему вас учить нужно, немчура бестолковая!

– Невероятно...

Фридрих-Вильгельм тяжело, будто за одну ночь постарел на десятки лет, встал с кресла. Рассказ Шмайсера потряс до глубины души – поверить в такое было невозможно, но внутри он чувствовал, что поведенное ему, пусть и не все, было правдой.

– Такое невозможно выдумать... А потому не может быть ложью!

Кронпринц прошелся по кабинету, продолжая рассматривать лежащие на ладони серебряные кругляшки, похожие на действительно настоящие, потертые, в царапинах, будто годы ходили на руках. Вот только отчеканенные изображения, надписи и даты были совершенно фантастическими, не укладывающимися в мозг.

Большая монета достоинством в 5 рейхсмарок несла на лицевой стороне германского орла с распростертыми крыльями, но сжимающего в когтях древнюю скандинавскую руну – изломанный крест, что именовался свастикой, помещенную в венке, на оборотной красовался известный каждому немцу собор. Вполне обычная монета, вот только год на ней выбит из далекого будущего – 1935.

Вторая монета, меньшего размера в 2 рейхсмарки, имела на аверсе изображение орла другой формы, но тоже со свастикой, а на реверсе отчеканен профиль фельдмаршала Гинденбурга с датами рождения и смерти – цифры 1937 ошеломили кронпринца.

– Долго еще проживет наш старый боров! Да еще рейхсканцлером станет... – пробормотал Фридрих-Вильгельм с нескрываемым отвращением, будто дохлую крысу, бросил монетку на стол.

Кругляшок живо покатился по нему до самого края и свалился, с мелодичным звоном ударившись о натертый до матового блеска пол.

Как и многие высокопоставленные генералы бывшей имперской армии, кронпринц сильно недолго любил прославленного в германских газетах победителя под Танненбергом, или Грюнвальдом, где были окружены и разгромлены в 1914 году два корпуса из русской армии генерала Самсонова.

Возмездие свершилось, ибо пять веков тому назад на этих полях славянским сборищем был вдребезги разбит Тевтонский орден, погиб великий магистр – обидно лишь то, что орудием вышней мести избран тот, кто меньше всего подходил для роли «спасителя Пруссии».

Фридрих-Вильгельм наклонился, поднял с пола закатившийся кругляш и, взяв со стола другой, положил монеты в шкатулку, не забыв запереть ее на ключ, который всегда носил в кармане. Слишком велика была тайна, чтобы допустить до нее постороннего.

– Ну что ж, «кузен» Мики, ты спасся от смерти, так и мне нужно вынырнуть из забвения как можно скорее, пока ее пучина окончательно не поглотила меня...

Кронпринц усмехнулся, потирая ладони. Выбор был им сделан еще утром, после долгих и мучительных часов ночных размышлений. Действительно, его отец, экс-кайзер Вильгельм, никогда уже не сможет вернуться на имперский престол, страна никогда не примет его обратно, народ любит только победителей.

Зато у него самого остался шанс, пусть и мизерный, чтобы переломить сложившееся положение в свою пользу. Сумел ведь Михаил воспользоваться моментом и не только сохранить себе жизнь, но и вернуться на престол самой большой в мире империи, территория которой раскинулась от Атлантики до просторов Тихого океана!

Да еще так провернул ситуацию в свою пользу, что остался в преобладающем выигрыше и вчерашних, преждевременно торжествовавших победителей чужими руками сделал

побежденными.

– Я принимаю твое предложение, герр гауптман!

Фридрих-Вильгельм скривил губы, негромко обращаясь к отсутствовавшему в комнате «гостю из будущего», которого он поначалу посчитал за искусителя, того самого, что явился когда-то к Фаусту.

– Да будь ты хоть трижды дьявол во плоти, но я не желаю, чтобы рейх потерпел еще горшее поражение!

Кронпринц выругался соленым словечком, которое было всегда в ходу среди померанских гренадер. Все правильно – у него нет выбора, нужно просить помощь вчерашнего врага, потихоньку превратив того в друга.

Русский император не может не понимать, что советизированная Германия будет вечной угрозой для его страны и, наоборот, спасенная от большевизма страна станет самым надежным союзником, ибо без взаимной поддержки невозможно будет противостоять англо-американскому блоку, что рвется к мировому господству.

– Ты спас Россию, «братец» Мики, за счет Германии. Но сейчас ход будет за мною – рейх должен возродиться!

Глава третья. Но цветет багульник... (2 апреля 1921 года)

– Ну и жара!

Подполковник Михаил Воцилло вытер сухим платком текущий со лба пот, казавшийся расплавленным сургучом. В таком натуральном пекле ему еще не приходилось бывать, хотя военная служба помотала его по свету изрядно, с одного края на другой.

Куда только не бросала судьба лихого авиатора за прошедший год – от заснеженной ледяной Сибири до берегов синей Вислы, покрытых осенним багрянцем, от выжженной степи Таврии, где бесчинствовали банды батьки Махно, до королевского дворца в Бухаресте, где на него заискивающе смотрели фрейлины румынской королевы.

И вот теперь он находится в занесенном песками каспийском порту, где на забытых воинскими эшелонами железнодорожных путях стоит поезд с аэропланами авиаотряда. Уже сегодня предстоит долгий путь на восток, через всю пустыню, а там ждет война со старыми врагами, но под новым знаменем, пусть и бутафорским.

– Быть тебе эмиром, друг мой Миша! Гарем себе заведешь знатный, из танцовщиц и одалисок, передвигаться будешь на верблюдах, жить в шатре, в холе и неге, – хмыкнул Воцилло и мысленно стал загибать пальцы, вспоминая свое недавнее прошлое.

Молодым юнкером с восторгом в честной юношеской душе присягнул государю-императору Николаю Александровичу, честно воевал за Россию с австрийцами и германцами.

Но грянул, не к ночи будь упомянут, красный семнадцатый год, и такое началось, хоть всех святых выноси!

Первой последовала присяга новорожденному Временному правительству – ее принимал сам Керенский, довелось посмотреть на этого свежеиспеченного «спасителя России».

Служить большевикам Михаил категорически отказался, зато вскоре пришлось через силу присягать «розовому» КОМУЧу, сборищу эсеров самых разнообразных окрасок, возомнивших себя главной силой не только в Поволжье, но и в России.

Директории, ставшей всероссийской коалиционной властью в Омске, пришлось послужить совсем недолго – эсеров пинком вышибли от кормила, которое перехватил Верховный правитель адмирал Колчак.

Прошел всего год, и в декабре 1919-го его чуть не заставили служить Политцентру, новой эсеровской власти, что устроила переворот в Иркутске. Хорошо, что этих мерзавцев и поддерживавших их чехов буквально размазали подошедшие от Байкала бронепоезда, утвердившие своими пушками власть нового «старого» правительства во главе с Вологодским.

«Независимой» Сибири Михаилу довелось служить каких-то полгода, но чрезвычайно успешно для карьеры. За столь короткий срок он из штабс-капитана стал майором, был награжден орденом святого Георгия и почетным бело-зеленым знаком «Освобождения» со скрещенными шашками – высшей боевой наградой ставшей уже «Автономной» Сибири. И присяга вернулась прежняя – государю-императору Михаилу Александровичу, снова вошедшему на престол возрожденной империи.

Вот только судьба в очередной раз сделала фортель – не думал и не гадал молодой майор, что станет воевать плечом к плечу со своими недавними врагами, большевиками, против ненавистного векового противника – панской Польши, что решила загрести себе русские земли.

Надавали полякам хорошо, помяли бока, как говорится, но Михаила до сих пор корежило при лицезрении ордена Красного Знамени, что вручил ему Тухачевский. Прицепить его на мундир было противно, словно наплевать на павших друзей, да и сродни безумию, а выкинуть рука не поднималась – хоть и дан знак большевиками, но ведь за войну с поляками, а потому

вроде как за правильное дело.

Сослуживцы не упрекали, насмешек, столь обычных в других случаях, не чинили, понимали, что пилоты выполняли приказ.

Вылеты на махновцев, а потом на румын Михаил делал так же охотно – казалось, что все вернулось на круги своя, и Россия заняла принадлежащее ей по праву место. И не придется больше менять форму и тем паче давать новую присягу – последнего он бы точно не вынес.

Вот только с первым вышло неладно – снова последовал приказ, и вот теперь он является командиром первого авиаотряда армии бухарского эмира. И не откажешься от такого назначения, раз присяга дана!

Халат цвета хаки, по местной колоритной моде пошитый, пришлось надевать на плечи, никому не оставили прежнюю форму. Воцлило даже не возмутился, вспомнив, что в Сибири казаки также носили монгольские синие таарлыки и ущемленными себя отнюдь не чувствовали.

Хорошо хоть погоны оставили, но вместо привычных кокард и нашивок зеленели круги с полумесяцем да скрещенными сабелями, да раскрасили такими же эмблемами плоскости аэропланов.

И кресты разрешили прицепить на грудь, но те, что по уставу никогда не снимались – Георгиевский и бело-зеленый Сибирский. Хотя на халате они смотрелись нелепо, но Михаил смирился, понимая, что здесь ничего не поделаешь – официально ведь объявлено, что между белыми и красными царит перемирие...

– Милый, да что с тобою? На тебе лица просто нет, да и трясет чего-то. Ты не заболел ли, часом?

Тонкие пальцы погладили тыльную сторону его правого запястья. Семен Федотович положил на них сверху свою широкую, с ввевшимися под кожу пятнами масла шуйцу, чуть придавил, задержав прикосновение, которое доставляло ему радость. Но не сейчас – у него возникло стойкое ощущение, что им обоим грозит беда, и хоть этим он как-то защищает жену, не зная, откуда придет внезапный удар.

– Потряхивает меня, Машенька, словно в бой сегодня идти. Маята на душе одна сплошная, чувствую какую-то пакость, близкую, грядущую, а что и где, не могу понять...

Жена посмотрела на него лучистыми глазами, ничего не сказала, но, на мгновение крепко сжав его запястье, убрала тонкую руку. Он только улыбнулся в ответ на эту мимолетную ласку, смотря на свою Машу влюбленными до безумия глазами.

– А что это вы на меня так игриво смотрите, господин полковник? – Ресницы кокетливо трепыхнулись, скрывая лукавый взгляд. – Я дама замужняя, да еще в положении... хм, интересном, скажем так – неужели могу быть настолько привлекательной?

– Ты сама не знаешь насколько! Для меня эти полгода, что с румынской кампании прошли, один сплошной медовый месяц. Ты понимаешь, родная, необычно все – привык к войне настолько, почти сросся с ней, что не думал о семье. И теперь отвыкаю – как с тобой мне хорошо!

Семен Федотович вздохнул – они с женою жили в Харькове вот уже два месяца, куда был переброшен танковый полк, числившийся лейб-гвардии Кирасирским его величества. Таковой была воля императора Михаила Александровича, пожелавшего сохранить доблестные старые части русской гвардии, только дав иное предназначение.

Все это время он был загружен службой по макушку, но в воскресный день вырывался из хлопот, давал себе отдых, уделяя все время молодой жене.

Жалованье своевременно выплачивалось, достаточно приличное по нынешним временам, так что можно было посетить местный ресторан «Централь», коих по обыкновению можно было найти в каждом российском городе, как и «Гранд-отели», а то и «Астории» – вековые традиции, господа, с намеком на столицу, ничего тут не попишешь.

Бородатый, словно отставной адмирал эпохи царя-«миротворца», метрдотель, выказывая должное почтение полковнику лейб-гвардии с императорскими вензелями на погонах, на четыре часа пополудни закрепил за ними отдельный кабинет – сидеть в общем зале жена категорически отказалась, чему Семен Федотович тихо обрадовался.

Он опасался за свои манеры, которые не прививались с детства, как прочим гвардейским офицерам, аристократам с длинной родословной, – в гимназии не учился, не говоря уже о привилегированном Пажеском корпусе. Хоть и натаскала жена в этикете за последнее время, но вот почтенная публика в подобных заведениях сплошь состояла из посетителей, принадлежащих высшим кругам, встречались даже министры. Так что все будут краем глаз постоянно наблюдать за ним, персоной известной, ибо командиров гвардейских полков знали наперечет, потому могли заметить любую оплошность, а это уже моветон, как любят говорить французы!

Такие воскресные семейные обеды они посещали только последние две недели – до этого Машу мучила тошнота. Семен Федотович сильно переживал за нее, не в силах чем-либо помочь. Зато теперь жена чувствовала себя великолепно, ела с хорошим аппетитом за двоих – за себя и за носимого в чреве ребенка, которому они обрадовались и принялись заранее подбирать имя.

Маша была твердо уверена, что должен обязательно родиться казак, не девка, и он ей сразу поверил – слишком уж обезлюдила война Тихий Дон, оставив его без чубатых женихов...

– Мне кажется, что я сейчас лопну!

Маша отодвинула от себя блюдо с остатками последнего пирожного, которое доедала уже через силу. Жена стала сладкоежкой, потому с нетерпением дожидалась каждого воскресенья – ресторан славился своими кондитерами и выпечкой.

– А ты без лишнего фанатизма! – усмехнулся Семен Федотович, глядя, как жена аккуратно вытирает салфеткой ставшие белыми от крема губы. – Ведь так твой внук иной раз выражается?

– Я сама знаю, сколько мне можно!

– Сдаюсь!

Семен Федотович шутливо поднял руки, показывая смирение перед нарочитым гневом супруги, а затем потянулся к портсигару, спросив взглядом разрешения.

– Да кури уж, табачник.

– Благодарствую, Мария Александровна...

Вот только чиркнуть спичкой Семен Федотович не успел – в дверь так осторожно постучали, как только может вышколенная прислуга. Беспокоить понапрасну его бы не стали, а потому полковник громким голосом предложил войти.

Крепкая дубовая дверь тихо, без скрипа открылась, и в кабинет проскользнул лакей с несколько туповатым, словно вырубленным топором лицом. Обычный деревенский парень из рязанской деревни, которому изрядно подфартило попасть в столь респектабельное заведение, держал перед собою маленький блестящий поднос с одной-единственной белой карточкой, судя по всему визитной.

– Ваше высокородие, простите великодушно-с! Английский репортер просит встречи с вами-с!

От услужливого голоса халдея Семен Федотович невольно поморщился – он презирал эту лакейскую породу, искусственно возвращенную некогда в кабаках, по барскому заказу. Да еще с этим режущим слух «ссыканьем», грассирующим, мерзким.

– Джеймс Кервуд, корреспондент «Таймс»! – по-русски прочитал полковник и хмыкнул, глядя на задумавшуюся Машу. – Идите, любезный, позовите сего иностранца.

– Джеймс Кервуд, Джеймс Кервуд... Что-то знакомое... – Жена наморщила лоб, пытаясь что-то вспомнить, но усилие оказалось напрасным, и Маша только огорченно вздохнула.

– Только мне вначале китель надеть нужно, не в сорочке же перед заморским гусем сидеть, а отказать нельзя! Политика-с...

Вид у Семена Федотовича был самый предосудительный с точки уставных требований. Черный танкистский китель с белым гвардейским ремнем и кобурою он повесил на плечики в специальном шкафчике, рядом с полочкой, на которую Маша поставила свой ридикюль.

– Сиди уж, ты не на службе. К тому же погоны на плечах обязывают, а так совсем неформальная обстановка! – как всегда резонно, заметила жена, и Семен Федотович кивнул в ответ, соглашаясь. – Наверное, опять будут у тебя допытываться по поводу службы в их танковых частях?!

Семен Федотович хмыкнул в ответ на усмешку жены. Месяц назад какой-то ушлый американский репортер докопался до его «героического прошлого», той самой новой биографии, сотворенной ему Арчевым. Откуда «уши» растут, так и осталось тайной за семью печатями – слишком много посвященных стало в эту «историю», от его танкистов до блестящих офицеров «Беспокойного».

Дверь в кабинет снова отворилась, на пороге застыл человек в приличной пиджачной паре модного французского покроя и застыл, словно окаменев. Взглянув в лицо посетителя, Семен

Федотович почувствовал, как стремительно нарастает холод в его теле, замораживая сердце и текущую в жилах горячую кровь.

На безобразном, в чудовищных шрамах лице, сошедшихся складками, укутавшими один глаз, с содранной кожей, горело невероятным огнем полное жгучей ненависти око. Знакомый до ледящего кровь ужаса скрипучий голос расплавленным металлом плеснулся на впавшего в ступор от неожиданной встречи танкиста:

– Как я жаждал снова встретиться с вами, господин Фомин! Вижу, и вы меня узнали...

– Скоро тронемся, господа!

Подполковник Воцилло обвел взглядом офицеров – те не скрывали радостных улыбок. Со станции один за другим уже ушли три эшелона – два с пехотой, по батальону в каждом, один с артиллерией.

И вот настала очередь грохотать по рельсам и платформам с его шестью «Де Хевилендами», причем в сопровождении бронепоезда и еще двух эшелонов с припасами, которых для снабжения полнокровных стрелковой и казачьей бригад было явно недостаточно.

– Красота какая!

Отпустив взмахом руки подчиненных, что живо разбежались по купе, Михаил вышел в тамбур, спрыгнул на заскрипевший под ногами песок и тут же окунулся в липкую тридцатиградусную жару, что показалась ему хорошо протопленной парилкой.

Спустя какую-то минуту он чуть поправился к непривычному пеклу, которое местные туркмены считали прохладой, и пошел вдоль эшелона, проходя мимо цистерн с бензином и водой, платформ с аэропланами, теплушек с припасами и трех классных, обшарпанных до неприличия вагонов для личного состава. Хозяйство авиаотряда было большое и разнообразное, а потому требовалось еще раз оглядеть его...

Громкий лязг на железной дороге заставил подполковника Воцилло живо отвернуться от манящей лазурной глади Каспийского моря – несмотря на жаркую весну, купание для пилотов Воцилло запретил – перспектива получить болезненного авиатора страшила. Машин и так было на одну больше, чем летчиков.

– Наконец-то чудо-юдо прибыло!

Подполковник вздохнул с нескрываемым облегчением – к нему, стоящему у паровоза, медленно подходил угловатый, с наклоненными стенками бронированный вагон, выкрашенный в песчаный цвет с ломаными серыми линиями по всему приземистому корпусу.

– Серьезное создание, с таким никакие басмачи не страшны!

Воцилло воевал пятый год, потому с первого взгляда оценил приставленную к его аэропланам охрану, невольно возгордившись тем вниманием, что оказали авиаторам.

В песках на тысячеверстном расстоянии, почти до самой Бухары, водились разбойники-басмачи прямо таки в невероятных для пустыни количествах. Эти вооруженные до зубов местные махновцы с восточным колоритом за три безумных года революции совсем распоясались – нападали на красных и белых, резали непокорных дехкан, грабили кого только возможно, совершенно наплевав на любую местную власть, в том числе и на собственных ханов, и тем паче на бухарского эмира.

Новенький «БМВ» вызывал почтительное уважение – оцетинился тремя орудийными башнями и доброй полудюжиной пулеметов, что служило надежной гарантией от нападения басмачей. Вот только глаза резали аляпистые бухарские эмблемы с арабской вязью названия, ниже которой шла радующая сердце надпись кириллицей – «Гнев Эмира».

Бронева дверь с грохотом лязгнула, и из бронированного чрева лихо выпрыгнул бородатый загорелый мужчина в таком же «полевом» халате и с русскими погонами подполковника.

У Воцилло бешено заколотилось сердце – встретить офицера с точно такими же боевыми наградами, как у него, было чрезвычайно невероятным событием. Таких кавалеров во всей многотысячной русской армии можно было пересчитать по пальцам одной руки, причем и запасец бы из одного, а то и двух, остался.

– Ба, тезка! И каким ветром тебя занесло?!

В бородатом «бухарце» Воцилло с великим изумлением узнал старого знакомого еще по боям с чехами на станции Иннокетьевской под Иркутском в декабре 1919 года – лихого есаула Гордеева, что командовал тогда «шпальным» бронепоездом.

– Вижу, и ты «коня» сменил, казак?! Да еще в халате...

Михаил на радостях сдавил в объятиях забайкальца, тот ответил ему тем же – так и стояли, пыхтели, словно два сцепившихся медведя. А когда, наконец, расцепили руки и отпрянули друг от друга, то летчик успел задать вопрос первым:

– Ты давно здесь, Миша?

– Полгода уже... – ответил казак с тяжелым вздохом. – Надоели эти пески до жути, хунхузов местных гоняем помаленьку. Сейчас они порядком присмирели, а раньше наглые были. Так что без опаски пойдем, лишь бы местные аборигены путь не испаковали. Взяли моду, понимаешь, шпалы таскать – дров им не хватает!

– А где в России не воруют? – голосом мудрого философа отозвался Воцилло, пожав плечами, с неудовольствием вспомнив, как лишился ящика с магнето, которые являлись в русской авиации жутким дефицитом.

– Пороть нужно, тогда и воровать не станут!

По лицу командира «БМВ» пробежала гримаса, и Михаил понял, что нечаянно наступил знакомому на больную мозоль. Но Гордеев мотнул головою, словно отгоняя одолевавшую его дурную мысль, и, склонившись, тихо заговорил:

– Ты своих погоняй, чтоб не расслаблялись. Наступление на Ташкент будет с ходу, тамошние красные нас не ждут, да и вояки из них еще те, на бандитов похожи больше, как в семнадцатом году. Но оно и понятно, в отрыве они от Москвы, партизаны, по сути, кровушкой тут все по колено залили. Ненавидят их местные жутко! Так что времени терять нельзя! От Арала тоже наши пойдут, они там «воины хана хивинского»...

– А мы «бухарцами» стали? – Воцилло усмехнулся. – А лица у всех русские, как и говор! К чему этот дурацкий маскарад?! Красные ведь не идиоты, сразу разберут, кто на них напал!

– То не для них, а для наших британских друзей! Ну и персидский шах с афганскими ханами поневоле задумается. Бухарский владыка, понимаешь ли, как увидит «свое» новое войско, еще большее уважение нашему государю-императору Михаилу Александровичу выкажет! Восток дело чересчур темное, в здешних краях только силу понимают – так что эмир среди местных князьков авторитет свой скоро поднимет! На высоту недосыгаемую, что твой аэроплан!

Офицеры переглянулись понимающими взглядами и дружно прыснули смехом...

– Проклятые русские!

Память страшная по себе вещь – никогда в жизни капитан Константин Григулеску не находился в столь жутком опустошении души, в которой даже не было ненависти к врагу, а одно лишь отчаяние.

Офицеру было очень больно видеть, как недавняя война страшно опустошила цветущий прежде край. Казаки и горцы прошлись словно метелкой, выгребая все ценное, начиная от вещей и заканчивая продовольствием с фуражом. Приготовленные на зиму кладовые и амбары остались у селян пустыми, и еще до января грянул страшный голод, не пощадивший ни старого, ни малого – первыми умирали слабые и больные.

Григулеску невероятно повезло – его назначили командиром роты, когда других офицеров безжалостно вышвыривали со службы, не давая даже мизерной пенсии.

Таковым оказался итог позорного Бухарестского мира, который навязали его несчастной стране наглые и алчные победители – отныне Румынии запрещалось иметь армию численностью свыше двадцати тысяч солдат при тысяче офицеров. Более того, страну полностью разоружили, отобрав пушки, пулеметы и винтовки, вывезли все запасы снаряжения и боеприпасы, что доставили транспортом из Марселя и Лондона.

Но этого врагам показалось мало, и все завоеванное миролюбивыми и добрыми румынами в честной войне отобрали обратно. Потеря Трансильвании, Северной Буковины, Южной Добруджи и Бессарабии сильно оглушила Григулеску, как и все румынское общество.

Но всеобщий ропот среди народа так и не поднялся, ибо торжествующие победители держали у границ вооруженные до зубов дивизии, а на помощь Франции, что столь подло предала верную союзническому долгу Валахию, рассчитывать не приходилось.

Стоило воевать и проливать кровь два года, чтобы, получив все в Версале, отдать соседям обратно за один месяц?! Да еще раньше потеряв золотой запас, оставшийся в большевистской Москве!

Особенно возмущало Григулеску обстоятельство, что болгары и венгры грабили своих соседей румын наиболее жестоко, да еще объявляя их изменниками.

Мерзавцы, прекрасно зная, что за ними стоит Россия, могли так говорить, не боясь расплаты за наглую ложь! Если кто изменник, так это они сами, но еще их покровители русские, не только предавшие Румынию, но и ограбившие ее до нитки!

– Как жить, как жить... – прошептал Григулеску, с тоскою глядя на зеленеющую степь и синюю ленту Прута, медленно катящего свои воды в голубой Дунай.

Весна пришла рано на его истерзанную землю, кое-где зацвели растения, полынно пахли травы, будоража душу. На той стороне реки слышались веселые песни да игриво скользил по струнам скрипки смычок.

– Зажрались, мерзавцы...

Григулеску сглотнул слюну, ненавидя всеми фибрами души молдаван, что продолжали веселиться под русским игом. Они сытно провели зиму и не помогли своим старшим братьям даже коркой хлеба, когда румыны сделали для них так много, приобщая к великим ценностям цивилизации и культуры, отрывая от московского азиатского варварства. Ведь его страна, населенная потомками доблестных легионеров, есть прямая наследница великого Рима, даже само название отсюда и происходит.

Капитану снова стало жалко себя, вынужденного считать каждый лей и вкушающего мясо лишь два раза в неделю, и обидно за своих полуголодных и завшивевших солдат, не видящих

жалованья уже полгода, живших на одной мамалыге, сваренной без капли жира. Хрюканье свиней и задорные петушинные крики стали редкими в румынских селениях...

– А может...

Григулеску рванул клапан и медленно достал из кобуры «браунинг», доставшийся ему трофеем от убитого французского майора. Ведь стоит дослать в ствол патрон, приставить дуло пистолета к виску, плавно потянув за крючок, и это безрадостное для него прозябание разом окончится. Не будет больше ни мамалыги, что ужасно пучит живот, ни опостылевшего местечка, где кроме нищих, непереносимой вони и грязи ничего нет, ни этих угрюмых русских стражников в фуражках с зеленой тульей, что вольготно стоят на том берегу реки.

– Нет!!!

Григулеску содрогнулся – видение собственных дымящихся мозгов настолько его потрясло, что он трясущейся рукою еле засунул «браунинг» в кобуру. Вытер выступивший на лбу пот и вспомнил французского офицера, что предлагал ему сдаться казакам.

– Голову потерять никогда не поздно! Как тот майор... хи-хи... А моя еще пригодится!

С истерикой, всхлипывая и размазывая по лицу слезы, засмеялся Григулеску, рухнув навзничь на молодую зеленую траву. Одурающим запахом его укутали первые цветы...

– Мойзес...

Семен Федотович кинул затравленный взгляд на кобуру, мысленно проклиная самого себя последними словами – отвык за эти месяцы от войны, расстался с оружием, расслабился, вот и поплатился. Хорошо бы сам, но ведь и беременную жену под пули подвел.

– Таки не добратся вам до «браунинга», господин Фомин, я выстрелить успею! – Чекист осклабился безобразной ухмылкой, заячья губа дернулась, обнажая металлические зубы.

Хотелось взвыть и броситься из-за стола, но Семен Федотович хорошо понимал, что добратся ни до горла своего заклятого врага, ни до оружия он не сможет.

Мойзес хоть и не держал в руке пистолета, но Фомин обострившимся зрением видел, что левая пола его пиджака заметно оттягивается книзу. В боковом кармане был наган, судя по складке, да и во внутреннем имелся «браунинг», пусть даже «дамский» – но при стрельбе в упор даже маленький калибр становился смертельно опасным.

– Гриша, отставь ридикюль дамы подальше от стола. Думаю, там лежит пистолет. Проверь!

За спиной Мойзеса появился лакей, но уже не услужливо-рабского вида, совершенно преобразившийся, с затвердевшими скулами идущего в штыковую атаку бойца, с горящими глазами, полными застарелой классовой ненависти. Чекист раскрыл сумочку и вытащил из нее «браунинг», молча посмотрел на своего начальника.

– Предусмотрительная у вас жена, Семен Федотович, с оружием ходит, надо же, с кинжалом и пистолетом, – усмехнулся Мойзес блеклыми губами, что делало кривую улыбку на красном лице еще более безобразной и страшной, и пристально посмотрел на побледневшую женщину, что крепко вцепилась пальцами в ткань салфетки.

– Мария Александровна, прошу вас не делать глупостей! Я пришел сюда не убивать вас и вашего мужа, а поговорить о серьезных вещах. Так что обойдемся без стрельбы, искренне надеюсь на это. Судя по вашим глазам, дражайший Семен Федотович рассказал вам о некой шахте под Пермью, и вы хорошо представляете, кто я такой?

– Колдун проклятый! – с нескрываемой ненавистью во взгляде выдохнула Маша. Фомину пришлось крепко схватить молодую женщину за локоть, стремясь удержать ее от намерения швырнуть кофейник в лицо Мойзеса.

– Вы не удивились моему лицу, а это говорит о том, что знали про мое уродство!

Мойзес улыбнулся так гнусно, что Семена Федотовича передернуло с нескрываемым отвращением.

– Вижу, что генерал Арчegov поделился с вами своими впечатлениями о наших с ним московских встречах. Это не вопрос, а утверждение, мои милые молодожены...

– Мойзес!

– Хорошо, хорошо, таки не нужно нервничать, это вредно для здоровья, особенно беременным женщинам! Пожалейте супругу, Семен Федотович, к чему страсти, мы с вами люди зрелые, можем обойтись без глупостей и криков. У меня к вам чисто деловое предложение...

Чекист чуть отступил от рыкнувшего на него Фомина и, взяв за спинку тяжелый стул, отодвинул его от стола на добрый метр. Уселся на него, бросил взгляд на стол, словно прикидывая, является ли он достаточной преградой для танкиста. Подумав, отодвинул стул еще на метр, снова взгромоздился на него и, вытащив из кармана белоснежный платок, медленно и тщательно отер тканью покрытое капельками пота лицо.

– Вы ведете себя хорошо, и мы спокойно беседуем. Повторю еще раз – я не хочу вас не то что убивать, но даже стрелять, ваше ранение мне ни к чему. Могу поклясться хоть Торой, хоть

партбилетом... хи-хи... Так что прошу успокоиться, особенно вас, Мария Александровна. Не нужно глупостей, мы с вашим мужем крепко связаны, намного крепче, чем вы думаете, и смерть одного потянет другого. К чему бы?

– Связаны одной нитью?!

– Семен Федотович рассказал вам даже это?!

Мойзес встал и очень медленно подошел к молодой женщине, не спуская с нее горящего пронзительным огнем ока. Вытянул из правого кармана пиджака какое-то черное кольцо и посмотрел через него, наткнувшись на ответный, преисполненный ненавистью взгляд.

– Так я и думал... – негромко произнес чекист с непонятной тоскою в голосе. – Нить связывает вас с мужем, крепко связывает, а еще один кончик блуждает. Вы же Ермакова в девичестве, а Семен Федотович взял эту фамилию прежде вашей женитьбы, присвоил ее, так сказать, в отместку их сибирскому превосходительству. А ведь...

Мойзес осекся, задумался, на лбу снова выступил пот, на который сейчас он уже не обратил внимания, забыв про платок. Тягостная пауза длилась долгие минуты, никто не говорил, в наступившей тишине слышалось только громкое сопение лакея, что продолжал стоять на страже у дубовой двери. Это и привлекло внимание его начальника, когда чекист все же пришел в себя от мучивших его мыслей.

– Выйди за дверь, Гриша, и стой там с Федором!

– А если золотопогонник на тебя кинется, Лев Маркович?

Парень посмотрел тяжелым, подозрительным взглядом на полковника Фомина. Было видно, что его душу раздирает желание пристрелить офицера, но сдерживает приказ.

– Не бросится, сейчас нет нужды! Но если крикну или услышите шум, врываются и стреляйте!

– Хорошо, товарищ Мойзес, так и будет!

Лакей бросил еще один ненавидящий взгляд на Фомина и неторопливо вышел из кабинета, тихо прикрыв за собою дверь.

– Все верно, и это не может быть совпадением! – Чекист бросил заинтересованный взгляд на женщину. – Вы, Мария Александровна, спасли своего внука, как это ни звучит дико. То-то «Беспокойный» рванул из Новороссийска в Одессу, и это чудесное исцеление Арчегова, а ведь такое ранение всегда смертельно. А-а, вот в чем дело... Камушек у вас есть интересный в ридикюле, спиной чувствую...

– Можете взять его в руки!

– Благодарю покорно, я не самоубийца! – Мойзес поморщился от такого предложения, наткнувшись на удивленный взгляд Фомина. После небольшой паузы чекист снова заговорил: – Я на тебя грешил, но, выходит, ошибка вышла. Все правильно, родная кровь всегда свое возьмет. То-то наш Константин Иванович постарел страшно, и глаза иными стали – видно, внутреннее содержимое на внешнюю сторону сильно влияет, душа на оболочку, так сказать. Свой истинный возраст принимать стал... Полный твой антипод, Семен Федотович, – ты помолодел, а он стареть начал!

Фомин молчал – такой разговор совсем перестал ему нравиться. Мойзес несколькими фразами подвел черту под тем, над чем он напряженно порою думал. А это уже не на шутку страшило, и полковник начал бояться своего заклятого врага.

Нет, свою собственную жизнь отдал бы не задумываясь, но вот что будет с Машей – наводило страх до дрожи! Изворотливый ум, коварство и запредельная жестокость чекиста не знали границ.

– Не нужно дергаться, Семен Федотович! – Мойзес словно прочитал его мысли. – Я не буду вас убивать, а тем более куда-то увозить, прятать, чтоб пытать в тайном месте.хлопотно это, да

и не нужно. А потому давайте лучше перейдем от «потусторонних дел», связывающих нас, к насущной реальности. У меня к вам есть пара невинных вопросов – ответьте на них, и мы закончим нашу встречу в тишине и согласии! И не без взаимной выгоды, смею вас заверить...

– Страшно представить, какие здесь бы-ли бои!

Константин Рокоссовский пристально, с содроганием в душе смотрел на изрытое огромными воронками помертвевшее поле, на одинокие черные стволы деревьев, торчащие обгорелыми спичками, а ведь раньше там рос густой лес.

Трех лет не хватило, чтобы земля залечила полученные раны – прокатившаяся по ней безжалостным огненным валом война навсегда изуродовала ее чудовищными шрамами.

– Здесь мы полностью обескровили нашу армию...

Гудериан с кривой улыбкою на бледном лице тоже рассматривал развернувшуюся перед ним картину бойни, уже знаменитой в истории «Верденской мясорубки».

– Генерал Фалькенгайм здесь допустил роковую ошибку, начав бои на истощение живой силы. Но это не выход из позиционного тупика, прах подери!

– Ты прав, Хайнц! Надеюсь, что мы завтра прорвем их позиции, благо окопы наспех отрыты...

Двумя колоннами, еле продвигаясь по февральской грязи, Красная армия продвинулась вперед через Эльзас и Лотарингию, буквально выдавливая на своем пути пытавшиеся сопротивляться французские войска. Именно пытавшиеся – бациллы коммунизма уже сделали свое дело, и «паулю» в своих голубоватых шинелях с касками Адриана на головах, прошедшие через горнило мировой бойни, через кровь, грязь и вонь, попросту отказывались сражаться за интересы парижских воротил.

Наступай одни только германцы, и тогда буржуазная агитация против ненавистных «бошей» сработала бы. Но все дело заключалось в том, что в авангарде войск мировой революции пошли русские, к которым в здешних краях относились с неприкрытой приязнью. А с ними маршировали и те пока немногие французские солдаты, что уже повернули кинжальные штыки против своих классовых врагов, нацепив на красные флаги лозунги еще не забытой людьми, всего каких-то полвека ведь прошло с тех самых дней и свидетели живы, Парижской Коммуны.

Фронт прогнулся до Эпиналя и Вердена, оставив в тылу прежнюю линию мощных укреплений, удержаться на которой так рассчитывали французские генералы.

Но что они могли сделать, если их армия начала расползаться, как сшитый гнилыми нитками кафтан!

Переход на сторону красноармейцев являлся обыденным делом, как и стрельба по собственным офицерам. Дезертирство ширилось, а вместе с ним расползались будоражащие всю страну слухи. Казалось, что еще немного, и революционный взрыв будет неизбежен и Францию зальет очищающее пламя гражданской войны...

– Надеюсь, твои танки завтра себя покажут?

Рокоссовский, ставший командиром бригады, в которой всадников было меньше, чем в его полку, с которым он перешел когда-то Вислу, надеялся только на удар этих стальных «коней». В феврале под Мецом кавалеристам его бригады удалось перехватить колонну пятитонных грузовиков, в кузовах которых перевозили малые танки «Рено».

Экипажи в большей части разбежались кто куда мог, но два десятка танкистов добровольцами перешли на сторону красноармейцев. Они и стали основой спешно формируемого интернационального танкового полка РККА, в который зачисляли всех служивших ранее в бронечастях русских. А также тех немцев, что знали автомобили, имели техническую подготовку или некоторый опыт службы в немногочисленных танковых отрядах бывшей кайзеровской армии.

Вот только с командирами была прямо беда, и Гудериан, вспомнив, как действовали на Одере красные броневые автомобили, вызвался добровольцем. И не пожалел – на подготовку был дан целый месяц, он стал командиром полка и завтра поведет машины в первый бой.

– Проломим фронт, куда они потом денутся?! – усмехнулся бывший майор рейхсвера.

Он считал, что не следует давать врагу ни малейшей передышки, нельзя позволить французам стабилизировать фронт – стоит им как следует укрепиться и стянуть окопы в одну линию, выставив сотни пулеметов, то такой фронт уже не прорвешь с наскока, как сейчас. Хорошо, что грязь подсохла, и теперь ничто не мешает бросить следом за танками посаженную на автомобили пехоту и уцелевшую кавалерию.

Константин Константинович Рокоссовский прекрасно понимал, что наступило время решительного сражения, и если удастся с ходу порвать тонкую линию французских дивизий, опрокинув инфантерию одним мощным ударом, то дорога на Париж будет открыта!

– У меня есть к тебе пара вопросов, Семен Федотович...

– Выпытываешь военные тайны?!

Фомин зло усмехнулся, глаза его стали подергиваться дымкой безысходности – полковник уже повел себя как человек, твердо решившийся умереть.

– Фи, какие тайны? – Мойзес пренебрежительно взмахнул рукою. – Скажите, но что может знать обычный полковник, пусть и с гвардейскими ремнями, да еще наброшенными на вешалку. Со своим императором ты с прошлой осени не общался, в тайны генштаба не посвящен. Ну что ты можешь знать, ваше высокоблагородие?! Не смешите Привоз, как говорят в Одессе, и продадите товар по хорошей цене!

– Будто ты знаешь много, чекистская морда? Ведь не в Полевом штабе служишь, людям по подвалам в затылки стреляешь! Или снова в мясо кромсаешь да в шахтах моришь?

– Не надо меня злить, Фомин! Вы тоже не в белых перчатках воевали и человеченки накромали не мало! Так что не надо грубить, прошу вас! Что касается неких военных тайн, то никакими секретами на самом деле они не являются!

Мойзес зло ощерился, уцелевшие зубы ослепительно сверкнули белым на багровом провале рта, окаймленного чудовищными бугорками изуродованных губ.

– Вы начнете войну скоро, и правильно сделаете, как говорят наши военспецы. Вы начали призывать потихоньку отслуживших солдат, якобы на учебные сборы, но это же смешно!

– Почему? Обычная практика во всех армиях... – пожал плечами Фомин, хотя ему стало нехорошо – распоряжение было секретным и отдано два дня тому назад.

Сам он получил его только вчера – полк нуждался в подготовленных технических специалистах, от механиков до водителей автомобилей и токарей с кузнецами, и соответствующий список был заблаговременно отправлен в военное министерство.

– Растопыренными пальцами бить не будете, удары нанесете одновременно, чтобы сковать наши резервы! – Мойзес на объяснения Фомина совершенно не обратил внимания. – У вас не так много войск, чтобы снова позволить нам встречать их поочередно, как в девятнадцатом году – вначале разбив Колчака, затем Юденича, а напоследок и самого Деникина. Нет, второй такой раз вы нам не предоставите, урок для себя извлекли!

Слова чекиста падали пудовыми камнями, а Семен Федотович только вздрагивал от них, пораженный дьявольской прозорливостью своего главного врага.

– Так что в начале июня, а это самый поздний срок, вы начнете свое наступление на юге и от Урала Сибирской армией. Еще перейдете в атаку из Карелии и Прибалтики, но то – отвлекающие удары. Земля к этому времени везде подсохнет, особенно на востоке и севере – как раз самое благоприятное время. Для ваших танков, кстати, тоже, уважаемый Семен Федотович. И не говорите мне, что это не так!

Мойзес злорадно усмехнулся, склонился, прижав ладони к коленям, и добавил торжествующим голосом:

– Мне известен также перечень дивизий, что будут переброшены в самое ближайшее время на север – сюда, под Камышин и Воронеж. Вы полностью сворачиваете войну в Турции и правильно, кстати, делаете – кусок пирога с Эрзерумом и Трапезундом и так достаточно велик, чтобы не подавиться. И еще нас при этом пытаетесь обмануть...

– Это в чем же?

– Не сегодня-завтра бухарский эмир начнет наступление на Ташкент. И не говорите мне, что вы тут ни при чем! У него в армии бронепоезда с аэропланами, а ваших вояк как ни переодевай в

дранные халаты и тюбетейки, так все равно узбеков с них не выйдет, хи-хи, глаза не узкие, лица не те, да и языка не знают!

Фомин молчал – крыть в ответ было нечем. Он уже не сомневался, что чекист знает ситуацию намного лучше – и прав совершенно. Действительно – ну что может знать такого обычный командир полка?! Лишь один кусочек из огромной мозаики, и не больше, той, огромной и страшной картины, которой является война.

– Вот только ваш успех, если он и будет, станет пирровой победой. Два года назад ваши разъезды были под Тулой, и что? Даже прорвись казаки в Москву, Деникину бы досталось пепелище. Открою небольшой секрет – один наш товарищ так и сказал – «Если мы уйдем, то напоследок так хлопнем дверью, что все вздрогнут!»

– К чему вы клоните? – звенящим, напряженным, как перетянутая струна, голосом тихо произнесла Маша. Семен Федотович осторожно взял жену за руку, стараясь хоть этим оказать ей моральную поддержку и молчаливо прося не вмешиваться в их с Мойзесом дальнейший разговор. Но в то же время он был благодарен за неожиданное вмешательство – так или иначе, но чекист будет вынужден распылять свое внимание.

– А к тому, Мария Александровна, что, имея Берлин и перспективу в скором времени войти в Париж, мы легко смиримся с потерей территории, пусть и такой огромной. А вот каково будет вам в следующем году воевать с армией объединенной коммунистической Европы?! Да еще с превращенными в пепелище городами, со всеми их памятниками, разрушенными заводами, сожженными фабриками, взорванными железными дорогами со всеми станциями и водокачками!

– И вам не жалко России, Мойзес?

– Совершенно, Мария Александровна. Однажды я присутствовал при одном разговоре, в котором Ленин, а вы знаете решительность нашего вождя, произнес: «Мне на Россию наплевать, я – большевик!» Скажу даже больше – на заседании ЦК партии товарищ Троцкий прямо заявил, не помню точно, но смысл его слов таков, что Россия – только охапка соломы, брошенная в костер мировой революции. Вот так-то!

– Это чудовищно...

– Нет, Мария Александровна, такое решение продиктовано одной железной целесообразностью!

– Заводы и фабрики – это я еще могу понять... Но разрушить Кремль, превратить в руины то, чем гордились веками...

– Это ваша история, а новое государство рабочих и крестьян не нуждается в пережитках прошлого – мы создаем не только совершенно новую страну, но и вырастим совсем других людей, для которых будут иные ценности в жизни и другие герои для подражания!

– Отсюда ваши памятники Иуде и Каину?!

– Не надо иронизировать, Мария Александровна, я не хочу с вами дискутировать, времени мало. А потому предлагаю сделку – ваш муж ответит на пару вопросов, нет, нет, я не будупытывать у него служебных тайн, они будут касаться его прежней жизни, мы поговорим только об орденах! А я со своей стороны обещаю, что «хлопанья дверью» не будет!

– Хм... Ваше влияние распространяется так далеко?

– Намного дальше, чем вы подумали, ведь я не один! Это предложение очень влиятельных людей, потому и вы с мужем до сих пор живы, а иначе бы с вами произошло то, что и с генералом Арчеговым в Одессе! Пуля в голову – и все!

– Ты приложил к этому покушению руку, Мойзес?!

– Нет, иначе бы добился успеха. Но не стану отрицать, что мы помогали, благо это не так и трудно. Вокруг вас, Фомин, тысячи людей, на которых вы смотрите свысока, считая грязным быдлом, но которые ненавидят вас, белых, всей душою и готовы нам помогать. Этот лакей – один

из них, как видите! Мои люди плотно опекали вас, прямо-таки не спускали глаз, Семен Федотович, все это время!

– Верю, – на губы полковника напозла кривая улыбка, – но скажу также, что и у вас много наших глаз!

– Ничего не поделаешь, идет гражданская война!

Чекист с самым безмятежным видом пожал плечами, вот только единственный глаз загорелся адским пламенем.

– Так вы ответите на мои вопросы, Семен Федотович, или как?

– Как я понимаю, вы захотите знать только правду и после соответствующего обряда?

Фомин улыбнулся, сохраняя спокойствие изо всех сил. Альтернативы не имелось – либо он ответит Мойзесу о прошлом, либо Машу и его самого пристрелят прямо за этим столом.

– Только так, не иначе. Но и вы можете произвести надо мной обряд, что-что, а волхвовать вы умеете. Так что каждая из сторон дает серьезные гарантии, это и есть основа нашей взаимной искренности. Ибо доверять и вашему, и моему слову можно. Вижу по вашим глазам, что вы согласны на мое предложение, Семен Федотович!

– Еще месяц, и страну ждет катастрофа намного ужасней, чем та, что разразилась после Седана полвека тому назад! Пикантность ситуации, граф, заключается в том, что французы, привыкшие выплескивать революционные волны на своих соседей, сами столкнулись с подобным делом!

– Тут с вами трудно спорить, Анатолий Анатольевич!

Военный атташе генерал-майор Игнатьев был в прескверном состоянии духа – известия с Восточного фронта были неутешительными.

Французская армия откровенно не желала драться с большевиками, и опытные солдаты, прошедшие через горнило позиционной войны, или отступали, или дезертировали, принося панику в тыл, и без того охваченный революционным брожением.

Драконовские меры, принятые главнокомандующим маршалом Фошем, напомнили графу печальные сентябрьские дни 1914 года, когда французы отступали под натиском германских войск.

Он тогда собственными глазами видел десятки трупов «паулю», бежавших с поля боя и безжалостно расстрелянных жандармами, которые прикалывали на груди казненных листок с надписью – «предатель». Но сейчас происходило воистину ужасное явление – с позиций удирали целыми полками, а отважные герои Вердена и Соммы стали завзятыми пацифистами.

Расстрельные команды трудились без отдыха, в ответ тоже звучали выстрелы, и, как подожженные стога сухой соломы, вспыхивали кровавые солдатские восстания, пламя которых перекинулось в тыл.

Две недели тому назад, в день Парижской Коммуны, со дня объявления которой прошло ровно пятьдесят лет, 18 марта в Париже тоже начался мятеж, поддержанный и в других французских городах, особенно в Лионе, где была объявлена народная власть.

Эту «пролетарскую весну» инспирировали коммунисты и левые социалисты, к которым охотно примкнули целые массы черни, люмпенизация населения стала ужасающим последствием мировой войны с тотальным обнищанием.

Выступления подавили с большим трудом, бросив против мятежников самые надежные части – «иностранский легион» и сенегальских стрелков, при поддержке танков. Но страну до сих пор лихорадило, в Лионе продолжались ожесточенные уличные бои.

– Граф, только что мне сообщили по телефону из военного министерства...

Вышедший на несколько минут в приемную, посол Нератов вернулся с бледным, вытянувшимся лицом. Таким взволнованным генерал его еще не видел.

– По приговору военно-полевого суда в форте Венсенн расстреляны сотни мятежников, среди которых наши эмигранты – видные русские социалисты, такие как лидер эсеров Чернов, многие члены ЦК этой партии, включая председателя Всероссийской Директории, что была в Сибири, Авксентьева, несколько десятков других социалистов...

– Что вы намерены предпринять, Анатолий Анатольевич?

– Немедленно поставить в известность председателей советов министров Кривошеина и Вологодского – ведь дело касается Сибири. В списке казненных лиц много высланных именно оттуда. Вместе с вами немедленно заявим категорический протест...

– Такой демарш усугубит ситуацию, Анатолий Анатольевич. – Голос генерала прозвучал глухо, но твердо. – Вы полностью уверены, что произведена казнь действительно невиновных?

– Нет, Алексей Алексеевич, такой уверенности у меня нет, а французы меня заверили, что именно наши русские социалисты профинансировали через свои тайные каналы мятежников. И

готовы немедленно предоставить материалы дознания!

– Вот видите... – с облегчением вздохнул генерал. – Мы добивались их выдачи полгода для производства суда, дабы отправить смутьянов на каторгу, но не смогли. Теперь сами французы вынесли им приговор, я уверен, что справедливый. Правда, столь ужасный...

Нератов с напряженным вниманием слушал военного атташе – Игнатьев долго жил во Франции, был членом привилегированного «Жокей-клуба», и к его мнению прислушивались власть предержащие, как в Париже, так и в Симферополе.

И хотя самоуправство маршала Фоша потрясло посла, он совершенно успокоился, когда расслышал в спокойном голосе русского аристократа в погонах хорошо скрытый смешок:

– Ведь, по сути, нам следует поблагодарить наших парижских друзей – они сделали за нас сие неблагодарное дело, так что в Иркутске и Харькове с резкими демаршами выступать не станут. Выразят протест, не больше, и то лишь потому, что не произошло экстрадиции. Но ничего не поделать – время военное, а лес рубят – щепки летят!

– В первую нашу встречу, Семен Федотович, я видел у вас на груди орден Боевого Красного Знамени. За какие заслуги вы его получили и когда? Вы ведь служили в Красной армии?

– А не много ли задаете вопросов, Лев Маркович?

Фомин попытался выиграть время для ответа. Врать Мойзесу было бессмысленно – глаз чекиста стал пронзительным, светился лихорадочным блеском. В руке он продолжал держать черный камень, тонкие пальцы играли с амулетом, поворачивая к полковнику то одной, то другой гранью, а то и пряча в ладони.

«Арчegov мне говорил о детекторах лжи, что изобрели в его время. Хм, знали бы иные вещи, и эти хитрые машинки бы не потребовались». Мысли текли медленно и отстраненно, в висках бешено стучали молоточки, в глазах расплывалось. Он ответил Мойзесу той же монетой и теперь сам испытывал схожие ощущения, ибо к тому, кто ведет, все может вернуться с утроенной силой.

– Это все один вопрос, Семен Федотович, и касается он вашего ордена, того самого, что вы нацепили сами. Как видите, я полностью соблюдаю наши договоренности!

– Орден этот я, тогда командир эскадрона, получил из рук командзapa Тухачевского в сентябре двадцатого года, за бои с поляками. Я ответил на твой первый вопрос, Мойзес?

– Полностью... И честно!

Чекист даже не улыбнулся, лицо продолжало быть напряженным, но никак не руки. В пальцах правой он продолжал вертеть камень, а левой рукою из кармана извлек блеснувший эмалью предмет. Держа его на раскрытой ладони, протянул вперед:

– Твой подарок, Фомин, узнаешь?

– Конечно, вот только не мой!

Семен Федотович пожал плечами. Этот орден Ленина имелся у мерзавца Шмайсера. И у кого тот раздобыл его, было тайной за семью печатями – верить на слово агенту Абвера было нельзя ни на йоту, имелся печальный урок.

– Он получен за войну в Испании, а потому я хочу спросить тебя о ней! Когда она была, чем закончилась?

– Началась в июле тридцать шестого года мятежом националистов генерала Франциско Франко, закончилась в марте тридцать девятого поражением республиканцев!

– Коммунистов – ты хотел сказать?

– Коммунисты составляли лишь часть красного лагеря, очень весомую, тут нечего скрывать, но всего лишь часть...

Фомин говорил очень медленно, выделяя каждое слово. Теперь он шел по лезвию острейшей бритвы – малейшее слово лжи губило их с Машей бесповоротно.

«Не лгать, только не лгать! Можно не говорить всей правды, но только не лгать!»

Словно заклинание говорил он в мозгу, отчетливо понимая, что каждое слово сейчас на вес золота. Об испанской войне чекисту рассказал Арчegov, больше просто некому, это Семен Федотович знал, когда генерал мимоходом обмолвился.

Пока стало ясным только одно – всей правды от него Мойзес не получил, лишь какую-то часть, и ту порядком искаженную. А иначе и быть не могло, не тот человек Константин Иванович.

«Их сибирское превосходительство жук порядочный, и стоит надеяться, может, кривая куда-нибудь и вывезет!»

– Националисты оказались так сильны, что заставили красноармейцев отступить восвояси?

– Частей Красной армии в Испании не было! На стороне республиканцев воевали лишь советники и специалисты – танкисты, летчики, саперы и прочие. Их всех было несколько тысяч человек, а такая численность в большой войне не играет роли. Это правда, Мойзес!

– Я вижу, Фомин, можешь не убеждать! Почему в Москве решили не перебрасывать войска?

– Франция не пропустила бы через свои границы...

– А на море Англия... – усмехнулся Мойзес, перебив полковника, и встал со стула, положив эмалированный орден в карман. – Ну что ж, про ордена ты ответил честно, как мы и договаривались!

«Хорошо, что ты меня про «звездочки» не спросил, тут бы вся наша с Арчegovым «новая история» гражданской войны мигом бы сгорела». Фомин чувствовал, как по лбу ручьем стекает горячий пот, но не мог вынуть из кармана брюк платок и стереть его.

– Да, вот еще что, Семен Федотович, а ведь ты мой должник, и давно...

Мойзес, собравшийся было уходить, неожиданно повернулся. И показал открытые ладони с пятнами ожогов.

– Я тебя собственными руками из огня вытащил, хотя мог и бросить сгорать дальше. Так что на один вопрос ты мне еще ответишь!

«Накаркал, старый дурак! С ним даже в мыслях нужно быть осторожнее!» – Фомин напрягся, чувствуя, как звенят натянутые нервы.

– В каких европейских столицах побывает Красная армия?

Вопрос застал Семена Федотовича врасплох, он ожидал самоубийственное для него упоминание об орденах Красной Звезды. Но тут полковник вспомнил, как Арчegov рассказывал ему о победном мае сорок пятого года, и решил рискнуть:

– Если говорить о наградах, то были отчеканены специальные медали за взятие Варшавы, Кенигсберга, Берлина, Праги и Вены...

– Ты не договорил, Фомин, ты мне всю правду скажи, без остатка, что ты упрятал!

Мойзес впервые усмехнулся, но глаза оставались в дымке, пронзительные и страшные. Семен Федотович поспешно добавил:

– Еще за Будапешт и Белград!

– Таки правду сказал, без утайки! – Чекист усмехнулся еще раз и, странно посмотрев на притихшую Машу, негромко произнес, выделяя каждое слово: – Мы не будем «хлопать дверью» и другим не дадим! Это уже не в наших интересах!

Мойзес еще раз злое усмехнулся, тихо открыл дверь и быстро вышел, плотно, но почти бесшумно прикрыв ее за собою. Фомин, как рыба, выброшенная на берег, только беззвучно разевал рот, не в силах понять последние слова чекиста.

Мойзес сказал ему правду, он это видел, но такую, в которую нельзя было поверить. Так полковник и сидел, мучительно размышляя, и пришел в себя лишь после слов жены:

– А ведь где-то он нас уел, Сеня, хорошо уел...

– Большевики сильны, Саша, очень сильны! Ты не представляешь, насколько они опасны для твоей страны!

Михаил Александрович говорил тихо, но именно такой тон, как он видел, и воздействовал на сербского короля Александра, которого он знал в давние времена в Петербурге еще мальчишкой. И вот теперь говорит с уверенным в себе монархом, вернее, слишком самоуверенным, вздумавшим диктовать России свои условия.

– Народ поддержит меня в войне с ними, Мики...

– Ты уверен?

Михаил громко хмыкнул, довольно невежливо перебив венценосного «кузена». Тот окаменел мышцами лица, не сводя с русского императора напряженного взгляда, но промолчал, дожидаясь, пока его «царственный брат» выложит имеющиеся у него доказательства. Император не торопился нанести удар, памятуя давние наставления Арчегова, который всегда говорил, что «клиента нужно довести до кондиции».

– Ленин, как никто из политиков, умеет применять римский постулат – «разделяй и властвуй». Твоя страна называется «Соединенным королевством сербов, хорватов и словенцев», вот только уже в одном этом названии кроется масса будущих бед, ибо никакого единения народов у тебя нет, да и вряд ли будет!

– Это почему же, позволь спросить?!

– Да потому что вместо действительного единства всей твоей державы есть одна только «Великая Сербия», и это при том, что сами сербы составляют меньше половины населения...

– Мы заслужили это право в долгой борьбе, пролив за то много крови! И ты не мож...

– Могу, Саша, могу, ты уж не серчай! – Михаил сверкнул глазами. – Мы пролили за твою Сербию намного больше русской крови, не отдав вас на растерзание австрийцам. И теперь только от нас зависит, утопнет в крови твоя страна в братоубийственной войне или нет. Никто не поможет, и ни от кого ты помощи не получишь! Ты понимаешь это?!

– Мы выстоим, Мики!

Король гордо вскинул подбородок, демонстрируя уверенность, вот только Михаил уже уловил тщательно скрываемое смятение в его глазах.

– Не думаю, что выстоите... Если будет внешняя агрессия, да такая, что получит внутреннюю помощь, то твоя держава развалится быстро, как карточный домик рухнет! Она ведь такая же многонациональная и межконфессиональная, как и моя несчастная Россия!

Император чуть усмехнулся, в уголках губ собрались горестные складки. Пройдя несколько шагов, Михаил расположился на лавочке, хлопнув ладонью по дубовой доске:

– Присаживайся, Саша, в ногах правды нет. Поговорим по душам, может, и будет толк...

Сербский король потоптался, показывая всем своим видом нарочитую обиду, но приглашение все же принял, присел рядом, обвел глазами цветущий сад. Беседа между монархами велась в небольшом дворцовом парке, где они медленно прогуливались по аллее, ведя между собою тихий, но пока еще не откровенный разговор.

В международной политике встречаются такие щекотливые вопросы, которые даже премьер-министры стран не могут решить при переговорах. И вот тогда наступает очередь монархов, если таковые, конечно, на своих престолах крепко сидят. Ведь как ни крути, но венценосные семьи в Европе настолько переплелись родственными связями, что это постоянно используется в межгосударственных отношениях для сглаживания острых углов, которые в любой другой ситуации могли бы пребольно уколоть до большой крови, какую и несут собою войны.

– Хорваты и словенцы сильно недовольны своим статусом, как ранее были ущемлены у меня казаки, сибиряки, армяне и прочие народы, коим ныне предоставлены права автономии и даже доминионов. И, как видишь, Россия не стала слабой, наоборот, федерализм и даже конфедерация сделали ее намного сильнее. Теперь мы можем надеяться, что рано или поздно освободим страну от большевиков...

Михаил Александрович взял паузу, достал из коробки папиросу и закурил, искоса смотря на своего венценосного коллегу. Тот молчал, хмуря брови, но было видно, что слова он принял к сведению. Вот только вряд ли правильно их осмыслил, а потому император решил усилить натиск, используя данные ему Арчеговым когда-то советы.

– Некоторые мои министры и генералы раздражены тем, что придется спасать сербов в очередной раз и платить за это Россией. Да-да, Саша, именно так дело и обстоит. Мы стоим перед выбором – или полностью освободить нашу страну за это лето, или потерять ее, оказав помощь вам. Ты не забывай, что вместе с болгарами и греками мы воюем сейчас еще с турками, а наши резервы незначительны!

– Ты оставишь нас на произвол судьбы, если красное нашествие будет иметь успех?

– Не обольщайся, кузен, оно обязательно будет иметь успех! – Император жестким голосом выделил последние слова. – Ведь сербам придется воевать с русскими, «братушками», что выручали их много раз! Станут ли твои воины это делать? Вот в чем вопрос! Ведь твои подданные обнищали за последние годы, страна обескровлена, и пропаганда Коминтерна востребована, как никогда. А она сильно бьет по умам! Сербия неизбежно развалится в революционном угаре, а ее кровоточащие куски приберут соседи, еще как приберут! И так оно и будет!

Михаил затянулся папиросой, на его дрожащие пальцы король Александр смотрел остекленевшим взглядом – сербский король размышлял над обрисованными перспективами и вряд ли находил их радужными.

– Неужели ты думаешь, что католики, хорваты со словенцами согласятся с такой долей и не поспешат перейти под протекторат Италии? И далеко ходить не нужно за примерами – что там у тебя с Триестом и Фиуме и другими городами Далмации? А если боснийские мусульмане возжелают получить статус Албании?! Как только все начнут играть в свои игры, сможешь ты их удержать силою да еще при этом отразить красное нашествие? А оно произойдет в ближайшие дни – ведь Австрия уже советизирована ими, и теперь очередь за твоей страной!!!

Михаил Александрович почти кричал – ему не требовалось входить в роль, он сейчас не играл, а жил. И в который раз убедился, что люди, не желающие видеть, слепы, хоть и зрячи. Но короли притом губят не только себя, но и свои страны. Он, зная по обстоятельному рассказу Арчегова, что случилось в той, его истории с Югославией, чуть ли не взбесился, разъяренный мыслью, что вся кровь, что пролили русские солдаты, спасая Сербию, оказалась напрасной.

– Ты же прямо на бочке с порохом сидишь, а красные со спичками рядышком играют! Жди непрощенных гостей, из Вены к тебе скоро припожалуют, свой Первомай отмечать в Белграде!

– Но ты сможешь помочь, если произойдет такое несчастье?

– Нет! – грубо отрезал Михаил Александрович, и сербский король разом отпрянул от него. Император усмехнулся, видя такую живую реакцию, тяжело вздохнул и пояснил совсем тихим голосом: – Будет уже поздно! Нам нужно не допустить подобного развития событий любой ценою, и тут все в твоих собственных руках...

Император горестно вздохнул еще раз и, чисто по-родственному наклонившись к плечу короля, горячо зашептал:

– Пойми, Саша, я ныне не самодержец всероссийский, а конституционный монарх с урезанными правами. Многие у нас списали твою Сербию со счетов, как вы списали Россию в

свое время! Вот и аукнулось, долг ведь платежом красен, как у нас говорят. Мне чуть ли не в уши каждый день шепчут, что своя рубашка должна быть ближе к телу, как союзники всегда поступали! Они мне говорят, что освобождение Москвы от большевиков намного значимей, чем потеря союзного Белграда со всей Сербией в придачу! Дороже Москва, понимаешь?!

Михаил Александрович посмотрел на убитого таким жестоким и циничным заявлением короля и совершенно по-братски, порывисто и совершенно искренне, крепко обнял того за плечи:

– Но я помню о вековой дружбе между нашими народами, не хочу оставлять твою страну на растерзание! Обещаю, что сделаю все возможное и невозможное, силою поддержу твое королевство и родственник по крови и вере народ. С займами помогу, попрошу у сибиряков. Генерал-адъютант Арчegov, военный министр Сибири, в прекрасных отношениях с Вологодским! Кстати, он завтра прилетит в Симферополь, так что к вечеру будет здесь. Мы сделаем все, что можно, чтобы оказать тебе помощь. Но и ты, Саша, должен и себе, и нам помочь...

Глава четвертая. Твоей грешной, Россия, души... (3 апреля 1921 года)

– Панцер, форвертс!

В узкую прорезь смотровой щели башни бывший майор рейхсвера, а ныне командир Интернационального бронетанкового полка РККА Хайнц Гудериан видел, как танки, дружно и громко взревев моторами и выпустив густые клубы выхлопных газов, тронулись с места.

Бронированная стена из полусотни машин грозно двинулась вперед, уходя в туманную утреннюю дымку, и дрогнула перепаханная взрывами земля от лязгающих по ней гусениц.

Командирский «Рено» тоже дернулся и медленно пошел вперед, взбираясь на пологий бугор, который скрывал бронированные машины от настороженных глаз французских артиллеристов, еще не привыкших к такому противнику.

И сразу стало не до наблюдения за полем боя – металлический корпус замотало из стороны в сторону, в прорези замелькала земля, перемешиваясь с серым туманом, да иногда прорывался край восходящего над горизонтом кровавого солнца.

Хайнц уже не любовался стальной лавиной рукотворных чудовищ – он принял плечом к прикладу пулемета, стараясь поймать в целик дергающиеся во все стороны живые мишени, шустро выпрыгивающие из окопов и резво устремляющиеся в бегство.

Место для танковой атаки было выбрано удачно, как раз на стыке двух дивизий противника, совершенно измотанных отчаянными атаками красной кавалерии.

Гудериан тщательно подбирал его несколько дней, проводя командирские рекогносцировки, благо времени имелось достаточно – наступавшим дивизиям 1-й Конной армии потребовалась короткая передышка, чтобы подтянуть отставшую пехоту и перебросить на транспортных машинах все четыре танковых эскадрона.

Теперь его полк наносил удар цельным бронированным кулаком – распылять свои «Рено» по стрелковым ротам, что должны были дружным броском пробить фронт, Хайнц категорически отказался, и сам командарм Буденный согласился с упрямым «фоном».

Дело заключалось в том, что майор месяц назад прочитал статью про танковое наступление англичан на Камбре и подивился той невероятной легкости, с которой британские ромбовидные монстры прорвали в 1917 году германские позиции, как гнилой картон.

Потому Гудериан сделал вывод, который посчитал абсолютно верным – «бить так бить», – а танки более всего подходили для этого правила. Да и время для начала наступления он подобрал с расчетом – утренняя дымка прикроет атакующие танки, а восходящее солнце будет если не слепить глаза, то отвлекать внимание и не давать точно прицелиться французским артиллеристам.

Бронированные машины сопровождал в эту первую атаку батальон испытанных штурмовиков, ветеранов Пикардии и «второй» Марны, умевших действовать в наступлении малыми группами. Майор был полностью уверен, что эти испытанные солдаты успели освоить новую тактику и, используя броню как прикрытие, не отстанут от его довольно тихих машин, ползущих на скорости шести километров в час.

– Танки, вперед...

Хайнц словно заклинание пробормотал понравившиеся ему слова и тут больно стукнулся плечом о башенную броню, не удержавшись на импровизированном сиденье, представлявшем собою обычную кожаную петлю, и зашипел от боли, словно кошка, стиснув зубы.

– Проклятие!

Теперь предстояло провести весь бой, стоя на ногах, – танк мотало так, что майор справедливо рассудил, что прицельной стрельбы не получится и больше придется уповать не на

умение, а на удачу да напор бронированных машин.

«Главное, прорвать линию французских окопов, у них всего одна позиция, другие отрыть они просто не успели. Это не тот Верден! А там усатый русский вахмистр, что стал генералом, введет в прорыв свою великолепную конницу с броневиками и пойдет до Парижа. Русские – отчаянные солдаты и рванутся вперед так, что автомобили не догонят!»

Гудериан зло усмехнулся, глядя на вытянувшуюся впереди еле видимую ниточку окопов – маскировка казалась никудышной, а потому среди позиций вздымались султаны взрывов.

«Огненный вал», изобретенный гением германских артиллеристов еще четыре года тому назад, накатывался неумолимо, взрыхляя вражеские позиции и хорошо прикрывая наступавших.

Снарядов не жалели – русские конные батареи и немецкие пушки, установленные на грузовиках, били сейчас просто отлично, молотили часто, не давая французам возможности высунуть нос из укрытий.

Только несколько трассирующих пулеметных пунктиров протянулись к идущим навстречу им танкам, и Гудериан презрительно наморщился – словно палкой часто-часто застучали по броне.

– Этим нас не возьмешь! Танки, вперед!

– Никогда не думал, что судьбу нашей страны предстоит решать двум полковникам!

Валериан Чума, бывший командующий польскими войсками в Сибири, закрипел зубами от едва сдерживаемой ярости и, не в силах одолеть свой гнев, выругался:

– Пся крев!

– К тому же москалям, – усмехнулся бывший командир 1-й польской дивизии Казимир Румша. – Однако я думаю, лучше говорить про сибиряков, что несколько приятнее звучит для наших с тобою соотечественников. Ненавистно для них стало имя русское!

Польские жолнежи выехали из Сибири вслед за ненавистными им чехами, в июне прошлого года. В отличие от «братушек» они сумели вывезти в утробах морских транспортов множество различного имущества, прихваченного у бывшей родины. Вот только воспользоваться «непосильно нажитым» у новоявленных поляков не получилось, ведь недаром говорят русские, что попасть можно «из огня да в полымя» – а пламя большевистского нашествия гуще поднималось по всей Висле, от низовий и до верховий.

Дивизия попыталась лихим ударом отбить Варшаву, выполняя приказ Пилсудского, но сама попала в окружение и была почти полностью истреблена. Румша был тяжело ранен, но отлежался на одном из хуторов, встав же на ноги, примкнул к одному из повстанческих отрядов, что активно действовали по всей стране, несмотря на жестокий красный террор.

Таковы уж старинные шляхетские традиции в этой стране – бесконечные восстания против царизма превратили большинство поляков в потенциальных инсургентов. И враг для них был привычный, вековой, несмотря на любую окраску – что красные, что белые, – один черт, москали, которых нужно бить изо всех сил, дабы не мешали «Великой Польше» раскинуть свои пределы «от можа до можа».

Однако на этот раз русские действовали совсем иначе, чем раньше, сумев расколоть польский народ, и начавшаяся гражданская война велась с неведомой ранее запредельной жестокостью и злобой. Горели создаваемые по всей стране совдепы, коммунистов жгли живьем, распарывали им животы, из-за угла стреляли по красноармейцам юные гимназисты.

В ответ большевики ответили беспощадным террором, уничтожая повстанцев целыми селениями, а бессудные расстрелы в тюрьмах стали обыденным делом.

Села обложили продразверсткой, и зерно с мазовецких крестьян вышибал «наганом» лодзинский ткач – уже поляк пошел на поляка, взаимное ожесточение еще крепче завязывало кровавый узел междоусобицы...

– Смотри, пан Казимир, какое багряное солнце!

Огненный диск медленно поднимался над горизонтом, но в отблесках света Румша увидел кровь и невольно поежился, но тут же взял себя в руки – негоже офицеру проявлять подобную слабость – и ответил бывшему командующему, гордо вскинув подбородок:

– Кровавое светило, пан Валериан, предвещает смерть тирану! И новый рассвет сегодня всходит над Польшей!

– Надеюсь на это, полковник, крепко надеюсь, всем сердцем! Дзержинский сегодня должен быть убит, тогда поднять на восстание наших же бывших солдат будет легко. Захватив Варшаву, мы дадим сигнал всей Польше, а пролитая в борьбе кровь еще больше скрепит наши ряды! И так будет, в этом наша сила!

Казимир Румша, бывший офицер Генерального штаба Российской императорской армии, а ныне полковник Войска Польского, взявший на себя убийство главы новоявленной ПСР, без иронической улыбки выслушал страстный призыв.

Раньше он бы не поверил ни на грош, но новые времена принесли совсем иное отношение к жизни и смерти – слишком много крови пролилось за такие слова. Что ж – погибнуть за историческую родину дело святое, даже долг солдата, а потому он ответил совершенно спокойно:

– Дзержинский будет убит, пан полковник, можете не беспокоиться! И не упустите момент, тогда наша гибель не станет напрасной...

– Хана!

Русское слово вырвалось у Гудериана непроизвольно, опережая мысли, которые неторопливо ползли в гудящей как набатный колокол голове, разрывающейся на части. Только сейчас Хайнц полностью осознал, какое жуткое значение скрывалось в этих четырех буквах.

Тут привычный «капут» или иное немецкое ругательство, даже поминающее свиную задницу, смотрелось блекло. И никак не могло выразить всю красочную палитру обуревавших его душу скорбных чувств. Действительно «хана», хотя есть еще более выразительное матерное словосочетание, которое он до сих пор не мог правильно произнести.

В корму маленького «Рено» попал снаряд полевой пушки, скорее всего болванка, ибо взрыва не было, хотя от удара пошел такой звон, что у Хайнца из ушей потекла кровь – контузило изрядно, до потери слуха.

Танк вздрогнул всем корпусом и, как показалось майору, подскочил на месте и чуть не перевернулся. Выскочившие языки пламени опалили пятую точку, промасленные брюки моментально загорелись – от жуткой боли офицер взвыл во весь голос и окончательно пришел в себя:

– Горим! Ганс, открывай люк!

Гудериан сильно толкнул в спину механика-водителя, молодого и вечно улыбчивого баварца, но тот от толчка сразу завалился на бок безвольной куклой. Слишком много за последние годы офицер видел смерть во всех ее страшных обликах, а потому мгновенно понял, что парень мертв и больше не услышит его голос.

«Сгорю ведь!!! – Мысль снова пришла с болью – Хайнц захлопал себя по заднице, ощущая жар на ладонях. – Хорошо, что сыновья есть! Если вылезу, то с запекшимися «висюльками». Для кухни каннибалов, может быть, и хорошо, для меня не очень!»

Задыхавшийся от едкого дыма майор, ничего не видевший в густой пелене, несмотря на весь трагизм ситуации, не удержался от нервного смеха. Но плоть его страстно желала жить, а пальцы сами по себе, не ощущая сильнейшего жара и боли, откинули защелку и толкнули толстые, в два сантиметра, стальные створки.

Хайнц рванулся вперед, протиснувшись над телом убитого камерада, туда, где был живительный воздух и жизнь, не обращая внимания на громкий перестук пуль, жалящих танковую броню.

– А-а!!!

Гудериан высунул наружу тело по грудь, глотнул всем ртом, будто вытащенная на берег рыба. Одного вдоха хватило, чтобы майор пришел в себя. Сзади сильно припекало, и, рыча от жара, Хайнц попытался одним рывком вырваться из пылающей машины.

Но не тут-то было – ноги за что-то уцепились, их сильно сдавило, словно стальная гробница не желала расстаться с ним и отпустить вторую жертву, что прежде мнила себя хозяином.

– Спасите!

Пламя уже облизывало живую человеческую плоть, и майор обезумел от боли, срывая горло отчаянным криком, почти ничего не видя выпученными глазами. Он взывал всем своим естеством к всевышнему, ибо на людскую помощь уже не надеялся.

– Майн готт!!!

– Пся крев!

Дзержинский смотрел ненавидящим взглядом на пустынные улицы города, ежась от утренней прохлады. За прошедшие два месяца глава Польской советской республики и начальник ВЧК совершенно измотался. Дела нарастали лавинообразно, времени на отдых совершенно не оставалось, а главное, Феликс Эдмундович уже не знал, как повернуть ситуацию в свою пользу: привычные методы не срабатывали, а прибегнуть к чему-либо другому не было ни желания, ни сил. Оставалось только ругаться, ощущая в своем всеисилии полную слабость.

– Черт бы вас всех побрал!

С такой стойкой ненавистью Дзержинский еще не встречался и порой с тоскою вспоминал Москву, где спокойно и без всякой охраны мог ездить по городу, не боясь покушений на свою жизнь. В Первопрестольной к нему относились с животным, нескрываемым страхом. Русские белогвардейцы и эсеровская сволочь сразу же прочувствовали на своей шкуре, что с ними миндальничать не будут.

Особенно после покушения на Ленина – красный террор прошелся по всем российским городам и весям, уничтожая всякую заразу, и уцелевшие боевики забыли про бомбы и пистолеты, прекрасно понимая, что за убийство одного наркома в ответ перестреляют без всякой жалости многие тысячи заложников.

Поняли, что большевики не страдают слюнявым либерализмом, и притихли, боясь не то чтобы выстрелить, слово сказать открыто. Вот потому-то он спокойно ездил по Москве, а на предложения брать с собою охрану уверенно отвечал: «Пся крев! Не посмеют!»

Но здесь, в Польше, он уже, как один русский царь, пережил семь покушений. И кто только в него не стрелял – от безусого гимназиста до истеричной барышни, а один старый офицер даже бросил гранату. Хорошо, что силенок не хватило, мощным взрывом раскромсало подвернувшихся на мостовой случайных обывателей.

Ответные меры не уstraшили безумцев, казнь сотен заложников не остановила покушения – аресты террористов шли постоянно, а в крепости все камеры были битком набиты, несмотря на то что ревтрибуналы работали без сна и отдыха и регулярно проводили «чистку».

– Гидра! Нужно не просто рубить ей головы, но и прижигать их огнем, каленым железом!

Дзержинский скривил губы, чувствуя, как опалает душу стойкая и непримиримая ненависть. Теперь Феликс Эдмундович знал, что только пролетарский интернационализм может покончить с панским национализмом. Неделю назад он отдал нужные распоряжения – скоро поляков начнут изгонять с бывших немецких территорий, за них примутся с превеликой охотой другие соседи, испытывавшие на своей шкуре гнет шляхты, – пробуждение белорусов, украинцев, словаков и чехов уже началось, и ничто не остановит их праведную месть.

Лишь после беспощадного и поголовного истребления панства можно будет строить «из оставшегося прежнего человеческого материала», как любит говорить Бухарин, новую жизнь...

– Ще Польша не згинела!

Громкий яростный крик вывел Дзержинского из размышлений по поводу ускоренного строительства социализма. И тут же грохнул взрыв, за ним другой – идущая впереди машина с охраной скрылась в густом клубе дыма и пламени, из которого вылетело горящее человеческое тело и какие-то непонятные ошметки.

Автомобиль подбросило, начальника ВЧК сильно потрянуло – Феликс Эдмундович остановившимся зрением видел, как к нему бросились какие-то люди, в руках запылали огоньки выстрелов. Тело во многих местах пронзила боль, мгновенно заполонившая все его

естество, и в яркой вспышке нахлынуло черное забвение...

– Майн готт!!!

Отчаянный выкрик Гудериана словно услышали на небесах – сильные руки, подобно щупальцам осьминога, обхватили майора за плечи и грудь и мощным рывком выдернули из пылающего стального гроба.

– Держись, камерад!

Офицер почувствовал, как его тело закрутили по земле, хлопая по нему крепкими ладонями, словно лопатами. «Они с меня пламя сбили!» – Догадка пронзила его мозг, но глаза он так и продолжал держать закрытыми – еще в танке он сделал это, боясь, что пламя выест очи. И сейчас, дрожа от пережитого ужаса, майор приоткрыл веки и испытал невыразимое облегчение.

– Я вижу...

– Конечно, видишь, камерад! У тебя ноги и руки чуток обожгло, а вот жо... кх, кх... Заднице твоей много хуже, как у обезьяны стала – красная до безобразия! Совсем как на рисунке, что в книге видел. Но ничего – доктор у нас хороший, мазью тебе помажет, здоров будешь, через неделю-другую в седле сидеть сможешь!

Плавная и ободряющая русская речь ласкала слух – никогда еще Гудериан так не радовался жизни, готовый возлюбить весь мир. Выбраться живым из такой передрыги многого стоило, тут всю жизнь то ли всевышнему молиться, то ли этому русскому парню поклоны бить и водкой поить, как это принято у них. А то и все вместе делать...

– И чего тебя в танк понесло, служивый, какого хрена?! Поджариваться в этой консервной банке?! Помилуй боже от такой напасти! К земле хоть прижаться можно, она завсегда спасет. Воронка та же, как эта, укроет – пули поверху свистят, нас минуют. А тут... Недаром говорят, только на свою задницу приключения искать! Вот, испей – кисленькое винцо, дюже полезное. В нутрах-то все иссохло, пожалуй.

В потрескавшиеся губы уткнулось горлышко жестяной фляги, и кислая живительная струя принесла невероятное облегчение – Гудериан жадно глотал вино, чувствуя, как все его изможденное тело возрождается к жизни. Будто в русской сказке о «живой воде».

– Спасибо, товарищ...

Майор с трудом оторвался от горлышка и взглянул на своего спасителя – обычный славянин, с пронзительно голубыми глазами, в которых отражалось лазурное русское небо, с русыми, слипшимися от пота волосами на грязном лбу. Улыбка этого солдата была такой же доброй, почти отцовской – понимающей и одобрительной.

– Эй, камерад! Ком цурюк! Помоги товарища командира в лазарет дотащить!

На громкие крики русского в воронку вскоре скатился щуплый немец в изорванном мундире цвета «фельдграу» и без каски. Косая черная челка прикрывала узкий лоб, заляпанный грязью, под острым, как у голодного галчонка, носом топорщились щеточкой черные квадратные усики, безобразные до омерзения в сочетании с бегающими горящими глазами.

– Кто такой, товарищ?

Гудериан удивился своему голосу – слабому, слова еле выдавливались из горла, и куда подевалось знаменитое рычание, которое прекрасно ставили в имперской армии. Солдатик сразу опознал в нем бывшего офицера и четко ответил, даже дернулся встать, но живо сообразил, что делать это в воронке под пулеметным огнем сродни безумию.

– Посыльный от командира штурмового батальона товарища Кригера ефрейтор Адольф Гитлер.

– Судя по говору, ты австриец?! Кем был до службы? Воевал?

Вопросы из майора посыпались градом. По мягким интонациям в голосе Гудериан сразу же опознал уроженца бывшей «двуединой» монархии, а из них, в отличие от урожденных пруссаков, таких, как он, солдаты плохие. Не воины они, мало злости, да и бездельники поголовно – то скрипки мучают, то стишата сочиняют, то вообще дурью маются.

– Проживал в Вене, художник. Здесь и воевал, награжден «Железным крестом», герр офицер!

– Господ нет, я товарищ...

Гудериан поморщился, скривив губы. Так и есть – бездельник, картинки мазал, наверное, такие же пошлые, как и его мерзкие усики. Потому в посыльные попал, ибо из него настоящего штурмовика, что с «колотушками» и кинжалами в руках ужас на французов наводят, никогда не выйдет. Плохие солдаты из бывших подданных Франца-Иосифа, хуже их только итальянцы. Недаром говорят, что последние существуют лишь для того, чтобы было, кого бить австрийцам.

– Камерады, я не понимаю, о чем вы говорите! И зря языками треплетесь! Тебя, командир, в лазарет нужно не мешкая доставить. Поможешь товарища нести? Хотя нет, слабоват ты, парень!

Русский прервал разговор немцев совершенно бестактно, но Гудериан не обратил на такое нарушение субординации внимания – он считал себя обязанным ему за спасение. И тут земля под ним ощутимо задрожала, но нет, не от взрывов, тут было другое. Майор приподнял голову и окаменел от восхищения перед развернувшейся картиной.

По изрытому воронками полю лавиной шла кавалерия большой массой, невиданной им прежде. В прорыв, сделанный его танками, русский усатый командарм бросил всю свою армию – всадники скакали тысячными массами, плотно друг к другу.

Разделяя колонны, неслись пулеметные эскадроны – тачанки немилосердно трясло, но они лихо шли вперед вместе с орудийными запряжками конно-артиллерийских батарей.

По паре уцелевших дорог, которые специально не обстреливали, урча моторами, пылила длинная колонна грузовиков, над бортами которых возвышались солдаты в касках. То тут, то там виднелись угловатые бронеавтомобили – из их круглых башенок угрожающе топорщились орудийные и пулеметные стволы.

Вот только небо было хмурым, с придавленными облаками, и то было хорошо – слишком велико было преимущество французов в аэропланах. Хотя ситуация уже стала меняться в лучшую сторону – германские заводы снова развернули военное производство, и пусть самолетов и бронемашин было пока еще очень мало, но ведь русские недаром постоянно говорят, что «лиха беда начало».

«Все правильно – танки должны быть очень хорошо бронированы, чтобы с ходу рвать любые позиции. А за ними, уже в «чистый» прорыв, устремляются подвижные войска со своими средствами усиления и саперами. И с воздуха должна быть постоянная поддержка, а не как сейчас. Вот тогда будет настоящий блицкриг!»

– Дыхание войны и здесь ощутимо...

Адмирал Колчак прошелся по мостику флагманского крейсера «Олег», задумчиво поглядел на вечерний Копенгаген – сумерки уже укутали старинные дома под черепичными крышами, прикрыли торчащие остроконечные шпили и вычурные жестяные флюгера.

Серенький такой город, невзрачный, как одеяние скупого бюргера. А ведь всего две недели назад столица Датского королевства была украшена флагами, в ней царило неприкрытое веселье. Еще бы, вдовствующая российская императрица Мария Федоровна, супруга «миротворца» Александра III и мать замученного большевиками Николая II, в девичестве датская принцесса Дагмар, отплыла на английском линкоре «Эрин», что ушел в сопровождении двух маленьких крейсеров в далекий Севастополь.

Вот такой прихотливый зигзаг вычертила в очередной раз судьба! Два года тому назад императрица покинула берега Крыма на борту линкора «Император Индии», а возвращалась домой, да-да, именно домой, уже на русском корабле. Ведь сразу по приходу в Ахтиарскую бухту «Эрин» сменит свое имя на «Синоп» – именно в гавани этого черноморского порта в Крымскую войну русская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова одержала блестящую победу над турецким флотом, обратив вражеские корабли в пылающие развалины.

Этот британский линкор строился по заказу Османской Порты как «Решадие». Однако началась война, англичане конфисковали корабль и теперь не знали, что с ним делать. «Эрин» хотели было пустить на слом, но тут подвернулся покупатель в лице России.

Конечно, линкор бы не продали, если бы не ряд обстоятельств – экстренная нужда в помощи белых, ведь фронт на западе трещал по швам под натиском красных, и главным образом весьма настоятельное ходатайство заокеанских заимодавцев, стремящихся урезонить нарастающий аппетит японцев. Но, как всегда, чужими руками, которыми легче всего таскать каштаны из огня, – на этот раз русскими.

Сыграло свою роль и то, что греческий флот, воюющий супротив турок за английские интересы, понес просто катастрофические потери. Колчак знал из рассказа Арчегова, что в той войне жуткое поражение потерпела как раз армия эллинов, но здесь все произошло с точностью до наоборот. Сухопутные войска королевства быстро заняли территории с греческим населением в Смирненском округе, а также оккупировали зону проливов Босфор и Дарданеллы и продолжали торопливо укрепляться на новых позициях, успешно отбивая редкие и спонтанные турецкие атаки.

Флот за один роковой день марта потерял сразу два бывших американских броненосца, купленных по дешевке у вовремя подсуетившихся янки (ибо приобретать устаревшие корабли никто в мире сейчас не желал), – «Киликис» подорвался на mine и перевернулся, разделив судьбу флагмана адмирала Макарова под Порт-Артуром.

Его собрат «Лемнос» наварлся на подводную скалу и пропорол днище, что в штормовом море стало фатальным. Третий, и последний, крупный корабль, оставшийся у греков, броненосный крейсер «Георгий Аверов», погиб еще в феврале, так же как любимый линкор самого Колчака, – по неизвестной причине взорвался носовой погреб, и в огненной вспышке греческий корабль разделил судьбу несчастной «Императрицы Марии».

– Черт бы их побрал вместе с их островом!

Колчак выругался, поминая британцев самыми нехорошими словами в русском военном лексиконе, не запечатленными словами в уставе. Те поступили как прожженные дельцы – продали за хорошие деньги предназначенные к слому линкор и парочку относительно новых

быстроходных крейсеров типа «Аретуза».

В то же время категорически не желали усиливать русских, считавшихся в Сити вековыми врагами, и потребовали надежных гарантий, что корабельный состав русского Черноморского флота не увеличится – и это имея в Мраморном море эскадру из пяти мощных линейных кораблей, способных играючи разгромить любого гипотетического противника.

Так что пришлось, скрипя зубами от негодования и злости, согласиться на это предложение, хотя все естество противилось такой сделке...

– Ничего, мы люди не злопамятные, но память у нас хорошая! – Александр Васильевич чуть скривил губы, повторив присказку Арчегова, когда тот убедил его принять навязанные в декабре условия, и почувствовал облегчение. Он верил в изворотливый ум своего молодого друга, которому удавались самые авантюрные предприятия. – Может, и на этот раз кривая вывезет! Не стоит списывать удачливость со счетов... Пока...

Адмирал обвел строгим начальственным взглядом маленькую эскадру, куда, кроме флагмана, старого английского «города», входили два монитора, однотипных черноморским, но с 12-дюймовыми орудиями, эсминец и пара шлюпов, плохо вооруженных и совершенно бесполезных. Это была последняя выплата Великобритании за уведенные и подорванные англичанами русские корабли.

По приходу в Ревель, ставший ныне Таллином, его отряд должен был усиливаться двумя эсминцами и канонерской лодкой «Бобр», что возвращались эстонцами прежним владельцам.

Соваться с такой силой, вернее, немощью, в Кронштадт, главную базу Балтийского флота, было сродни безумию – ведь кроме артиллерии фортов белую эскадру встретят огнем и три линкора, не считая других кораблей. Это будет не бой, а изо щренное самоубийство – ведь даже англичане два года тому назад не рискнули на подобную операцию. Но то исключительно военный фактор, но он, как понимал Колчак, будет играть в будущих событиях последнюю роль...

– Ваше высокопревосходительство! Катер подан!

Громкий голос вахтенного офицера оторвал адмирала от невеселых размышлений. Нужно было съезжать на берег, опаздывать на торжественный ужин в узком кругу королевской семьи и приглашенных министров с послами никак нельзя – дело насквозь политическое.

Вот уже целый месяц датчане с подчеркнутым радушием обхаживали русских моряков, видя в них единственную защиту от царящих в Германии безобразий. Еще бы – потомки викингов, не участвуя в мировой бойне, остались в весьма весомом выигрыше – победители из Антанты резали карту, как хотели, и вернули часть герцогства Шлезвиг, потерянного полвека тому назад после неудачной для Дании войны с Пруссией.

Так что перспектива заново заполучить такого мощного союзника, как Россия, маленькому народу казалась весьма привлекательной, а потому подготовка к морскому походу на «северную Пальмиру» велась при их полной поддержке.

Сильная империя могла послужить самым надежным щитом от любых притязаний южного соседа, и не важно, кто там победит в Германии – белые или красные.

Правда, за помощь и заботу приходилось платить русским золотом, несмотря на кровные узы между монархами. Вернее, даже благодаря им, ведь у российских императоров в благополучные времена всегда находились на иждивении «бедные родственники»...

– Дороговато обходится нам твоя женитьба. – Несмотря на прозвучавшую жалобу, голос Арчегова звучал весело. – Ох, как дорого. Но оно того стоит, в ба-альшом выигрыше мы нынче останемся и с прибытком изрядным, грех жаловаться!

– Значит, результатами моей беседы с «братом» Сашей ты доволен? А то на тебя не угодишь! Михаил прищурился с хитрецей, с улыбкой глядя на довольного генерала, что уже гоголем расхаживал по ковру в помятом и пропыленном мундире. Дорога от Севастополя до Ялты была грунтовой и при жаре пылящей до безобразия, словно дымовая завеса.

Однако Константину Ивановичу не дали минуты для короткого отдыха – он был незамедлительно приглашен к императору в кабинет, сопровожден чуть ли не под конвоем, ибо время не терпело, а почиститься, помыться и поспать можно и позже.

– Ты его классно уломал, как гусар гимназистку... Хм... Сравнение неудачное, не хмурь брови. Скажем так – ты доходчиво предъявил аргументы в виде кнута, а потом скормил ему пряник!

– Да? А мне послышалось совсем иное. – Император рассмеялся, скрывая, что доволен похвалой. – Будто ты хотел сказать что-то про упрямого копытного и морковку?

– Можно и так, но это уже похабщиной отдает, с душком – все же не с врагами дело имеем, а с союзниками.

– Как раз по твоему принципу – или мы будем дружить, или тебя вдарю дубиной по неразумной голове!

– Фи, какой у вас грубый язык, ваше императорское величество! Здесь не подворотня, а мы не мелочь по карманам тырим...

– Играем по-крупному, ваше высокопревосходительство, тут я согласен полностью. Все же не верил, признаюсь честно, что вчерашних врагов, люто ненавидевших друг друга, мы если не друзьями, то союзниками сделали. Еще десять лет назад дипломаты моего брата на уговорах посидели, а они, обиды вспоминая, между собою все равно разодрались. Да еще как – в пух и перья! Кто мог подумать, что Болгария окажется в друзьях Турции?! Это же в голове не укладывается, чистое безумие!

Михаил Александрович зло ощерился, сжав кулаки. Веселье с его лица исчезло мгновенно, будто чья-то недобрая рука смахнула. Император вытащил из цветастой коробки длинную папиросу, но спичка сломалась в его дрожащих пальцах. Генерал предупредительно щелкнул зажигалкой и сам запустил пальцы в ту же коробку. Дымили молча, первым нарушил затянувшееся молчание Арчегов.

– Ничто так не сближает людей и не сглаживает неприязнь между ними, как общий враг! Отлупив Турцию в первую Балканскую, они сцепились между собою, деля плоды победы – обычное в принципе явление. Человеческая натура такова, мой друг, – недаром после удачных поисков все кладоискатели так и норовят вцепиться в глотку друг другу. Ведь целое всяко больше половины или, что еще хуже, четвертинки!

– А с нами такого же не будет со временем? Сомневаюсь я в длительности искренних отношений, крепко сомневаюсь!

– И зря – самый крепкий брак не на любви строится, а на расчете. Главное, чтобы последний был правильный! Ведь смотри, что прошлой осенью вышло, – мы, болгары и венгры с трех сторон обрушились на румын и вернулись к довоенным границам, к 1914 году. Ну, если кусок Южной Добруджи взять, что болгары себе вернули, то на год больше накинуть – как раз после второй Балканской междоусобицы они ее и потеряли. А каков «выход» – болгары и венгры

Версальский мир нарушили, причем грубо, наплевав на условия Парижа и Лондона. И защитить их в будущем можем только мы – так что союзники будут верные!

– А не взбрыкнут, когда все утрясется?

– Не думаю, ибо потеряют все, что приобрели с нашей помощью. Сам знаешь, что в секретном протоколе написано, который ты с царем Борисом и регентом Хорти завтра подпишешь!

Михаил Александрович кивнул, состроив на лице фальшивую гримасу неудовольствия. Кое-что из предварительно утвержденного, как говорится, между высокими договаривающимися сторонами, ему не очень понравилось. Но обсуждать сейчас эти статьи он не хотел, желая предварительно еще раз переговорить на данную тему с Кривошеиным.

– Хорошо, что Македония оказалась яблоком раздора, – усмехнулся Арчegov. – Совсем здорово то, что сербы, греки и болгары отказались ее делить. Она им требуется целиком, от частей отказываются. Афины полагают родину царя Александра Великого своим историческим наследием. В Софии считают, что там говорят на диалекте болгарского языка, а в Белграде уверены, что на испорченном сербском. Как тут не передрасться!

– Было бы смешно, если бы не грустно! – пожал плечами Михаил. – Я кое-как уговорил греческого короля Александра согласиться на этот обмен! Но уломал, как ты любишь выражаться...

– Так он с радостью на это пошел, глазенки небось засверкали? Еще бы – обменять голые претензии на нищую Македонию на Константинополь с богатой Смирной, а взамен гористой южной части Фракии получить почти половину восточной, да еще с Трапезундом и Понтийским царством в придачу. – Арчegov засмеялся, на этот раз вполне искренне.

– Это ты его так огорошил своим предложением, что он просто такому нежданному счастью не поверил, настоящему чуду. Наверное, до сих пор в шоке пребывает, как и его «Вазелин». Царь Борис, жаль, что не Годунов, тоже не внакладе остался – все свое вернул и Адрианополь с землями захапал. Взамен только отказался от притязаний на сербскую ныне Македонию. Сейчас они тебе руки целовать будут от умиления! И твой «кузен» Саша внакладе не остался, ты же сказал, что он прямо лучился от радости. Думаю, их министры сейчас ржут в душе, как довольные лошадки, считая, что тебя на кривой козе объехали, обмишулили. Но представляю, как вытянутся их лица после твоей помолвки, вот будет смеху-то!

– Ничего, пусть смеются, зато скоро узнают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вот только поздно будет – увяз коготок, всей птичке пропадать!

Михаил выдавил на лице улыбку – он сильно устал за эти дни. Помолвку между ним и греческой принцессой Ольгой было решено провести в Ливадии без всякой помпезности, пригласив на это мероприятие только близких родственников и королей Греции и Сербии, царя Болгарии, регента Венгрии Миклоша Хорти, также их министров, для подписания соглашения о новом Балканском союзе.

Из венценосных соседей не было лишь румынского короля и, понятное дело, турецкого султана. «Горе побежденным» – принцип этот давно придуман и будет существовать всегда!

– Ты как добрался, друг мой?

– Нормально, десять дней трясся на поезде от Иркутска до Оренбурга. Потому пришел к твердому убеждению, что нужно делать новые «Ильи Муромцы», строить аэропорты и заливать бетоном взлетно-посадочные полосы. Времени жалко. Думаю, через пару лет, если все нормально пойдет, можно будет добраться от Иркутска до Крыма за четыре дня!

– Не может быть!

Михаил Александрович ахнул от удивления – преодолеть более шести тысяч верст за столь короткий срок было совершенно нереальным делом, фантастическим, если не больше. Нет,

дальние перелеты возможны, англичане даже через Атлантику смогли перепрыгнуть, но срок?!

– Ты сам посуди – если погода будет летная да аэродромы хорошие, то за десять часов полета можно будет преодолеть на новых моторах две тысячи верст. Да и пассажиров можно будет перевозить по десятку за вылет, пусть с промежуточными посадками для дополнительной заправки. С контингентом проблем не будет – обязать офицеров все поездки на аэропланах совершать, пусть к воздушной стихии привыкают, полезно для военного дела. Для финансов убыточно, конечно, выйдет, но только в первое время – по мере становления и расширения прибыль понемногу начнет капать.

– И когда тебя такие мысли посетили?

– Когда из Оренбурга вылетели на «Вими», с трудом в воздух поднялись, хорошо, что морозцем землю прихватило. На пределе дальности полетели – заправили все баки до отказа, да еще канистры прихватили. Расслабился я, когда Волгу увидал, тут правый мотор и загорелся!

Михаил побледнел, видя, как дернулся Арчegov, как скривил губы и почернел лицом. Но генерал взял себя в руки и привычным, чуть глуховатым голосом продолжил повествование:

– Высоту стали быстро терять, пилоты на вынужденную посадку пошли, а я с ними остался. А потом поздно стало, внизу взлетка видна, но еще далековато. А там раз, и все – плоскости на уровне колокольни, парашют не раскроется! Думал все уже, разобьемся к бениной матери!

Арчegov выругался, лицо мгновенно осунулось, желваки заходили на скулах, и будто седины в волосах добавилось – воспоминание для Константина Ивановича было явно не самое приятное.

– Видно, Нина Юрьевна за тебя молится...

– А больше некому, Мики. Ее молитвами и жив до сих пор! Все вокруг размокло, грязь – и мы в нее ухнули, как камень в дерьмо, только брызги во все стороны. Крылья отлетели, хвостовое оперение в клочья – но кабина уцелела, «лыжа» помогла, не скапотировали. Со всех сторон казаки набежали, помогли, самогоном напоили. А потом шибко удивлялись нашему героизму, смотрели как на безумцев. Ничего, водки по бутылке выпили, закусили, понемногу успокоились, хоть трясти перестало. Пилоты у тебя молодцы, почернели парни от пережитого.

– К наградам представлю...

– Уже сделал, еще в Царицине написал – бумаги на военного министра перешлют. Вот так закончилась воздушная эпопея. А дальше просто – литерным поездом до самого Севастополя ночь и весь день везли. А оттуда я сюда на автомобиле рванул, пылища следом так и вилась, столбом стояла. Нужно дороги асфальтировать, а то по грунту или брусчатке ездить не комильфо. Ты над этим подумай, Мики, ибо в России две беды – дураки и дороги, – пора бы хоть одну проблему решить.

– Ну, ты даешь, дружище! – Михаил оторопело смотрел на пропыленный, в пятнах мундир. – Зачем так рисковать?! Больше я тебе летать не дам, пока свои аэропланы надежными не станут! Ты же мог погибнуть...

– Прошу меня простить, Мики, я думала, ты один!

В кабинет вихрем ворвалась черноволосая девушка в довольно простом летнем платье, но держащаяся с достоинством – аристократическая порода, право слово. Можно было даже не гадать, кто это прелестное создание – Арчegov видел ее фотографию не раз.

Генерал, немного стесняясь своего пропыленного мундира, живо встал из кресла, вытянулся, чуть наклонив начавшую сесть голову, – будущая императрица, так мило смутившаяся, пришла к нему по сердцу с первого взгляда.

– Хела, познакомься – это самый близкий мне друг! И по русскому обычаю родственник – я крестный отец его младшего сына, моего тезки, а Константин Иванович будет крестником нашего с тобой первенца! Надеюсь, ты не возражаешь?

От таких слов своего жениха девушка зарделась, как пион, и от смущения потупила глаза,

словно не знала, на кого смотреть. Михаил Александрович положил ладонь на плечо Арчегова.

– Хела, мы все обязаны этому человеку своим будущим, так что полюби его всей душой, как я! И он, и его жена Нина Юрьевна, которую я почитаю как родную сестру, не раз отводили от меня смерть!

Генерал с немым удивлением посмотрел на Михаила Александровича – впервые он видел его таким растроганным, со слезами на глазах, и немного растерялся от такого предельно искреннего отношения.

Только сейчас Константин Иванович окончательно уверился, что в их отношениях Мики навсегда останется другом, но для других только императором. И невольно посочувствовал – такую жизнь он себе не желал категорически, и грешно завидовать царской доле.

– Мики говорил о вас много лестного, мой генерал!

Ольга с недоумением посмотрела вслед стремительно вышедшему из кабинета жениху. Девушка хотела побежать за ним следом, но остановилась и протянула ладонь. Константин Иванович чуть прикоснулся потрескавшимися губами к нежной коже.

– Ваше высочество...

– Мики здесь единственный, кто зовет меня Хелой! Прошу и вас, генерал, так меня звать всегда!

Русские слова, несколько исковерканные, прозвучали немного смешно. Но когда девушка вскинула на него свои лучистые глаза, добрые и печальные, Константин Иванович смутился. Ему стало стыдно за тот цинизм, с которым он отнесся к будущей женитьбе императора. Только в эту минуту Арчегов осознал, что сделал правильный выбор – Михаил и Ольга явно прижились друг другу по сердцу.

«Дай бог им счастья – действительно, браки заключаются на небесах». – Он сам невольно растрогался, чему искренне удивился, но тут произошло совершенно неожиданное.

– Благодарю от всего сердца, мой генерал! Знайте – я обязана вам жизнью!

Ольга неожиданно схватила его грязноватую и пропыленную ладонь, прижалась к ней губами. И тут же выпорхнула из кабинета, оставив там застывшего на ковре генерала...

– Иржи, скоро полночь наступит, а тебя все нет. Я переживала, дочка давно уснула...

Настена бросилась к мужу, что застыл у вешалки, раскачиваясь, как маятник на старинных часах. Прежде аккуратный, бережливый, чех сейчас пачкал свежей побелкой свою шинель.

– Что с тобою, родной? Ты не заболел, часом?

Только сейчас женщина разглядела в полумраке прихожей, едва освещенной падающим из кухни светом от керосиновой лампы, как сильно дрожат руки мужа. Как его крепкие пальцы, сгибавшие крепкие гвозди, не могут расстегнуть на шинели крючки.

– Дзержинского утром в Варшаве убили... Бомбами охрану закидали, а самого из пистолетов изрешетили... – глухо, с прорвавшимся болезненным стоном произнес бывший капрал чешских легий в Сибири, а ныне ответственный работник исполкома совдепа Тешинского края.

– И что же?! – искренне изумилась жена, ее глаза недоуменно сверкнули. – Ты жалеешь этого упыря, что всю Россию кровью залил?! Да что с тобой случилось, родной?

– Да плевать я на него хотел!

Иржи почти кричал, но еле слышным шепотом, как делал всегда, боясь разбудить уснувшую в колыбели дочь.

– Вечером нас всех чекисты собрали, рассказали о покушении. Телеграмма им из Москвы пришла...

– И что?

Женщина пристально посмотрела на мужа, но тот впервые за год супружеской жизни отвел глаза в сторону. В этой немой виноватости она сразу почувствовала недоброе и крепко вцепилась двумя тонкими руками в шинель. Тряхнула мужа изо всех сил:

– Что ты молчишь?!

– Мы их всех расстреляли, всех, Настя... – тихо произнес муж, глотая потекшие из глаз слезы. – Приехали в тюрьму, там весь двор людьми забит. Поляков набрали, заложников. Там и пан Ярослав был, что нашу доньку лечил. Девчонки молоденькие, гимназисты, торговцы... Офицеров и жолнежов там не было, видно, их давно всех извели начисто. Люди, обычные люди... А мы по ним из трех пулеметов ударили... А они кричали, молили... Мы их убили, Настя, убили...

Иржи говорил со всхлипами, медленным тягучим голосом, совершенно не похожий на самого себя.

– Что?!

Женщина не поверила, да и как такое было возможно – чтобы ее добрый Иржи вот так запросто по克罗шил невинных людей пулями?! Но, внимательно взглянув в помертвевшее лицо мужа, в блестящие от застывших слез глаза, она поняла, что это не пустые слова, а самая доподлинная правда, кровавая и страшная.

– Как ты мог?!

В эту секунду Настена возненавидела мужа – редкая женщина не возмутится, когда узнает, что ее любимый муж стал палачом. И эти сильные, но нежные руки, что ласкали ее до умопомрачения, носили по комнате дочь, сегодня безжалостно нажимали на спусковой крючок «Льюиса», а пулемет, захлебываясь очередями, выплевывая струи смертоносного свинца, крошил мечущихся в ужасе людей.

– Как смог?! А вот так! – Муж истерично засмеялся, захлебываясь кашлем, будто старый ворон, без сил опустившись на пол. – Чекисты сказали, кто из нас не станет стрелять по врагам

революции, немедленно разделит их участь! Вместе с семьей!

– Боже мой...

Настену пробил холодный пот, липкий страх пополз змеей по душе, старые воспоминания обрушились в памяти лавиной, те самые, от которых она старалась убежать. И, не выдержав чудовищного напряжения, женщина засмеялась, вздохнул, с истеричными нотками.

– Стоило бежать от большевиков из Сибири, если они пришли за нами сюда... Зачем, я тебя спрашиваю?!

– Это наш крест! – глухо произнес капрал. – Со злом нужно сражаться до последнего патрона, а мы решили предательством устроить себе жизнь... как глупо!

– Это так!

Неожиданно Настена стала спокойной, утерев платком слезы. И нежно, чего Иржи никак не ожидал от нее, вытерла ему лицо и, прижавшись к мужу, крепко обняла его рукою, спросила твердым голосом, в котором чувствовалось скрытое напряжение:

– Кто проводил аресты и брал заложников? Русские?

– Нет, мы... Да еще были солдаты караульной роты, там много наших бывших легионеров служит. У чекистов были списки, видно, заранее подготовили...

– Ах, вон оно что выходит!

Женщина уже совершенно успокоилась – не время предаваться скорби, ведь у смерти две страшные чаши, спасая родных, ты должен понимать, что тем самым обрекаешь на смерть других. Иржи не мог поступить иначе. Она крепко-накрепко прижалась к мужу, лаская ладонями. Так прошло несколько минут, и капрал перестал всхлипывать.

– Я не виню тебя, родной, – выбора просто не было, ко многим смертям добавились бы еще три. Оно того стоило?! Мы расплачиваемся за собственную трусость – ты правильно сказал, но нужно думать о будущем. Ты понимаешь, чего добились чекисты?

– Еще бы не понимать! – Колер скривил губы. – Теперь в Тешине поляки будут мстить нам, чехам! Мы ответим – и узел взаимной вражды затянется еще туже...

На окраинах еще продолжалась перестрелка, но Фридриху-Вильгельму уже стало ясно, что ожесточенная борьба за значимый город Германии, центр северо-западных земель, окончена. Прорвавшиеся красные части отброшены, окруженные в городских кварталах «спартаковцы», поднявшие восстание, почти полностью уничтожены.

– Ваше высочество, эта первая победа над большевиками воодушевит наши войска!

– Я тоже так считаю, Андреас, но нам еще предстоит долго сражаться. Ты был прав – красные очень сильны, но не столько солдатами, а своими воистину разрушительными идеями. Под их знамена стекается масса наших соотечественников, мы деремся с такими же немцами, что тоже умеют воевать, и очень хорошо.

– А как иначе, ваше высочество, – среди них огромное множество солдат, что прошли мясорубку на Западе или подхватили революционную заразу на Востоке!

Шмайсер говорил абсолютно бесстрастным голосом, холодным и расчетливым, но тем не менее живым.

– Кстати, и вы уже являетесь тем победным знаменем, под которым собираются наши офицеры и солдаты. Теперь нужно правильно ими воспользоваться, и тогда ваши шансы вернуться на имперский престол значительно возрастут.

Кронпринц только пожал плечами – лести в этих словах не прозвучало. Эти два с половиной месяца он провел, не зная ни полноценного сна, ни отдыха. И было отчего так беспокоиться – рейхсвер, как организованная сила Веймарской республики, фактически перестал существовать, от семи пехотных и трех кавалерийских дивизий, столкнувшихся в сражениях с тридцатью красными, остались жалкие ошметки. Судьбу погибшей армии разделил и ее создатель генерал фон Сект, военный министр.

Под формальным контролем совершенно дезорганизованного и растерявшегося правительства остались только жалкие куски северо-западных земель вдоль границы с Голландией.

Это была национальная катастрофа, не сопоставимая даже близко с чудовищным разгромом, что потерпела Пруссия от Наполеона. Скорее вернулись времена Тридцатилетней войны трехвековой давности, когда Священная Римская империя представляла собой арену боев для иностранных армий и поле для бесчинств раздирающих страну в кровавые куски разбойничьих шаек ландскнехтов.

«Я успел вовремя вернуться! Но как он точно рассчитал момент и угадал, что командующий погибнет!»

Фридрих-Вильгельм поморщился – воистину невероятное предвидение Шмайсера рождало в нем все больше и больше сомнений в отношении своего «тайного советника».

Все происходило в точности – фельдмаршал Гинденбург признал кронпринца верховным главнокомандующим, став командующим новой белой армией, спешно формируемой на северо-западных землях из отрядов добровольцев и прибывающих отовсюду офицеров.

Начальником штаба у «толстяка Пауля» оказался тот же, что и был всю «Великую войну», бессменный и крайне честолубивый генерал Эрих фон Людендорф, один из тайных создателей «черного рейхсвера».

Плохо было только с вооружением – французы и англичане не просто запоздали с поставками, но еще отправили до прискорбности мало снаряжения, оружия и, самое главное, боеприпасов. Ввиду этого война приняла затяжной характер, и только последние дни вернули кронпринцу уверенность в будущий перелом.

И как ни странно, но на отправленное императору Михаилу письмо Фридрих-Вильгельм довольно быстро получил собственноручно написанный русским монархом ответ, выдержанный в самых сочувственных тонах.

Вот только обещанная помощь с востока запаздывала, но Шмайсер почему-то был твердо уверен, что русские белые не позднее мая начнут широкомасштабное наступление на всех фронтах и обязательно сокрушат красных в течение полугода, не больше.

– Смотри сюда, Шмайсер, – кронпринц небрежно провел карандашом по расстеленной на столе карте. Кончик грифеля уткнулся на Ганновер, – вот здесь ахиллесава пята красных – генерал Людендорф правильно выбрал направление. Если ударить сюда, полностью смять правый фланг красных, опрокинуть, а потом повернуть к Эльбе, пройдя дальше, взять Магдебург с перспективой дальнейшего наступления на Лейпциг, то мы выйдем в тыл сразу двум фронтам. Вот только стоит ли нам спасать Париж? Что скажешь на это, мой друг?

– Я думаю, стоит, ваше высочество! – ответил Шмайсер после небольшой паузы. – Но прорыв должен напугать, не больше. Углубиться и выжидать, шантажируя французов. Поверьте, политика Арчегова действенна, и ее опыт стоит перенять. Пусть красные хорошо пустят кровь галлам, это обеспечит вам, государь, надежное будущее... Если, конечно, с «кузеном» Мики вы договоритесь!

Короткая, заметная пауза, сделанная капитаном, Фридриху-Вильгельму не понравилась, как и последние слова. С Россией следовало считаться, именно в добрососедских отношениях с ней, если не в союзе, канцлер Бисмарк видел могущество рейха.

А потому следовало вернуться к политике умиротворения восточного соседа, тем более что тот не только укрепил политические позиции, но мог помочь в деле пересмотра условий Версальского мира, как произошло с Болгарией и Венгрией.

«Вот здесь ты мне и поможешь! А если не сможешь, то отдам «брату» на растерзание, он утешится таким подарком!» Фридрих-Вильгельм улыбнулся, не заметив, с каким все понимающим вниманием за ним смотрят горящие дьявольским огоньком глаза...

Боль терзала каждую клеточку прежде сильного тела. Надсадно ныли сломанные ребра, истерзанные руки и ноги словно облили кипятком – настолько их изувечили чекисты.

Но больше всего досталось его лицу, которым всегда восторгались любящие женщины, – левый глаз был затянут огромным багровым кровоподтеком, а правый еще видел – но плохо, предметы расплывались будто в тумане. Распухшим языком полковник провел по острым корешкам выбитых зубов, чуть прикоснулся к разбитым губам и застонал от всплеска мучительной боли, пронзившей мозг.

«Никак у меня еще и сотрясение?! Жаль, очень жаль, не успел!» – Мысль была одна и та же, мучившая Валериана Чуму уже несколько часов. Единственное, о чем он мог размышлять, так это о том, что не успел приставить ствол «нагана» к сердцу, дабы принять достойную для солдата смерть. Нужно было сделать это сразу же, как дверь в квартиру выбили чекисты, а он встретил их пулями, оставляя последний патрон себе.

Невероятный закон подлости сработал – латунный цилиндр, несущий для него спасение, оказался испорченным. Перезарядить оружие уже не успел – разъяренные чекисты выбили «наган» из рук и принялись избивать, да так, что офицер вскоре потерял сознание.

«Я выполнил свой долг перед Польшей и людьми – Дзержинский, этот большевистский палач и наш литвинский шляхтич, застрелен как собака, чего еще желать более?!»

Валериан усмехнулся, пошевелился, и тут свершилось невероятное чудо – боль отступила, и полковник рухнул в спасительную пучину забвения, потеряв сознание.

...Маленькие гусеничные машины медленно ползли по широкой улице, настороженно вращая небольшими башнями с торчащими из них двумя пулеметными стволами. Чем-то они походили на танки «Рено», но были гораздо совершенней и лучше сделаны. На бортах белели размашистые кресты, и гадать по этому поводу не приходилось – такие любят наносить только немцы. Но вот на башнях кресты были изломанные – «свастика» – так выглядели древние скандинавские руны.

Вдалеке гроыхнуло, потом еще. Но то вряд ли был гром, да и на небе туч не наблюдалось. Так может греметь только артиллерия, такие звуки ни один военный с природным явлением не спутает.

«Неужели это враг?! Они пришли с запада, значит, немцы... Два танка могут быть только разведкой, не иначе. А это значит, что главные силы уже на подходе. Война? Да, война, и предстоит штурм Варшавы!»

Валериан Чума огляделся – перед ним были знакомые до боли дома, тут ошибки быть не могло, в этом предместье Варшавы приходилось часто бывать. Опытным взглядом машинально отметил и те здания, которых просто не могло быть, они стояли на месте старых особняков. На деревьях листва начинала набирать желтизну – таковой она бывает в первой декаде сентября, не позже.

– Покончим с тевтонами, братья!

– Вперед!

– Польша не погибла!

Дикие яростные крики раздались повсеместно, отражаясь от стен зданий, – на две вражеские машины, невзирая на плюющиеся свинцом башенные пулеметы, скосившие очередями десятки безумцев, набросились со всех сторон многие сотни людей, буквально облепив их, погребя под живыми телами бронированные корпуса.

Чума видел здесь рабочих в блузах, женщин в передниках, гимназистов в курточках, солдат

в мундирах – все они копошились на танках, разбивая их башни кувалами и ломами. Люки были мгновенно выломаны, из стального нутра быстро извлекли орущих от ужаса танкистов в незнакомой черной униформе – живых врагов под восторженные вопли разорвали голыми руками в кровавые клочья.

Чума оторопел от увиденного, на минуту потерял дар речи, машинально вытерев вспотевший лоб рукавом мундира. И только сейчас заметил на ткани обильное золотое шитье.

«Так меня из полковников в генералы произвели?!»

Не успел он подумать над такой несообразностью, как пронзительный вой обрушился сверху. Подняв глаза, полковник увидел, как с голубого неба отвесно пикируют, словно орлы, три аэроплана с изломанными, как у чайки, но только в обратную сторону, крыльями.

Они абсолютно не походили на виденные им «этажерки» и казались самым совершенством, появившимся из совсем другого времени. Примерно такими же, как пулемет Максима рядом с древними фитильными аркебузами времен Потопа.

«Да откуда они такие взялись?»

От самолетов отделились черные капли, устремившиеся к земле и вырастающие прямо на глазах в размерах. Пронзительно ревя, металлические птицы взмыли к небу, избавившись от тяжелой ноши.

«Они нас бомбят!»

Только сейчас полковник осознал происходящее, и тут же чудовищные взрывы прямо на его глазах разметали толпу по улице, укутав место бойни черным дымом смерти.

«Это мое время?! Бабка Магда говорила, что человек может видеть сны из далекого будущего. Краешек всего малый господь показывает своим избранныкам, но такое никогда не случится, если меня убьют! Так это вещей сон или наваждение...»

– Эй, пан Чума, пора бы очнуться!

Сильный пинок в бок привел полковника в чувство – боль казалась нестерпимой. Морок схлынул, а в ноздри снова ворвался знакомый запах крови, царивший в тюремной камере крепости.

Он с трудом разомкнул глаз и увидел перед собой стоящего чекиста в черной, наводящей страх на людей кожанке. Вот только голос у того был до боли знакомый – Валериан похолодел, смертельный лед за одну секунду сковал его сердце.

Этого человека он знал с ноября 1919 года – бывший адъютант генерала Зиневича, что возглавил мятеж эсеров в Красноярске и был за это позже повешен, попросил тогда зачислить его в дивизию, упирая на то, что поляк по происхождению.

В бою с красными, уже здесь, под Варшавой, он попал в плен раненым, но через месяц сумел бежать, вступил в его подпольную группу и был среди тех отчаянных офицеров группы Румши, которые убили Дзержинского. И вот сейчас стоит перед ним в ненавистой тужурке!

«Змею пригрел на собственной груди!»

Чума хотел сплюнуть, показать презрение, не сумел – во рту пересохло, но губы смогли разомкнуться, выплюнув слова:

– Ты изменник, капитан Полонский... Ты всех нас выдал большевикам, песья кровь!

– Ах, какие гордые слова, полковник Чума! Вот только не нужно предателем меня называть, я вас, поляков, всегда ненавидел. Штаны драные, побираетесь как бродяги, а все равно – п-а-аны!

– Курва маць!

– Не лаяйся, Чума, сам такой же! Хотя тебя поблагодарить нужно, но, по большому счету незачем! – Улыбка на губах бывшего офицера стала воистину сатанинской. – Дзержинский мешал многим, вы его вовремя убили! Ты придурок, Чума, – не спаситель Польши, а ее

погубитель! Теперь у большевиков имеется повод обрушить красный террор, и они сделают это. Истребим офицеров, профессоров, врачей, учителей, всех тех, кто может идейно противостоять... А народ без мозгов подчинить легко, уже проверено! Ты здесь сдохнешь и сейчас – я и так тебе слишком много сказал!

Полонский наступил хорошо вычищенным сапогом на горло и навалился на ногу всем телом. Полковник захрипел, задержался, но вскоре испустил дух. Чекист ухмыльнулся, плюнув умершему офицеру в лицо:

– Мавр сделал свое дело!

Глава пятая. Будь же проклята эта война... (30 апреля – 3 мая 1921 года)

Всего за каких-то три с половиной года советской власти державная столица Санкт-Петербург, творение Петра Великого, олицетворявшая собой могущество Российской империи, превратилась в полное убожество. Только ветер гонял мусор на его широких проспектах, тускло грязнели вечность не мытые окна, подслеповато щурясь на яркое, почти уже летнее солнце, да с проплешинами давным-давно не крашенных фасадов, словно больные проказой на последней стадии, стояли мрачные шеренги зданий.

Напрочь пропал дух горделивой столицы, Северной Пальмиры, что нынче, как вороватая крыса, перебралась в прежде мещанскую Москву. Разом потускнели величественные золотые купола имперских соборов. Да и сам город, превратившийся в 1914 году на волне германофобии в Петроград, а теперь стараниями главного большевика Зиновьева, что на самом деле носил совсем иную фамилию, переименованный в Петрокоммуну, стал совсем иным по своему духу.

Огромные заводы, что служили раньше опорой экономики могущественной империи – Путиловский, Обуховский, Металлургический, – ныне еле коптели небо высокими трубами.

Закрыты были большие верфи, кроме одной, простаивали многочисленные мелкие предприятия и фабрики. Пролетариат на собственной шкуре познал прелести советской власти с ее пайком из ржавой селедки, надоевшей до смерти перловой кашей, с принудительной мобилизацией и внушавшими панический ужас ревтройками.

Четыре страшные зимы пережил город, население которого за это время сократилось чуть ли не вдвое. Голод и холод, тиф, холера и другие болезни выкашивали людей, как в чумной год.

Отсутствие нефти и угля парализовало всю городскую инфраструктуру, почти не работали электростанции, давая только самую малость тока, а значит, останавливались заводы и фабрики, не работал водопровод и канализация, не дребезжали по улицам знаменитые петербургские трамваи.

Правда, большевики пытались кое-что наладить из ими же порушенного. На принудительные заготовки дров и торфа выгоняли «бывших», в категорию которых попадали все, кто до революции имел хоть какой-то достаток, – интеллигенцию, буржуазию, мещан, торговцев, бывших чиновников и служащих. Те работали хоть и неумело, но старательно, ибо смерть от голода казалась им еще горше.

Именно за нищенский паек, дававший возможность хоть как-то выжить и накормить голодающих детишек, большевикам удалось заставить население признать их власть и работать на нее. Продовольственные карточки служили тем регулятором, что отделяли живых от мертвых. Совершенно прав был Владимир Ленин, когда говорил, что тот, кто контролирует и выделяет хлеб, тот и держит власть. Потому паек давался не всем – часть «бывших» обрекли на жуткую голодную смерть.

Даже престарелая дочь Пушкина, Мария Александровна, что пришла просить хлеб к нарком просвещения Луначарскому, не получила заветные карточки.

Нет, нарком-сибарит ее не выгнал, чай, не прежний режим, – лениво пожевывая осетрину, оставшуюся от плотного обеда, он, весело поблескивая стеклами очков, созвал всех ответственных работников, дабы они вживую полюбовались на уцелевшую картинку старого мира, легенду, так сказать. А потом выпроводили старуху на улицу, не дав куска хлеба, – та просто не пережила зиму...

Но принимаемые большевиками меры были паллиативом – торф и дрова плохая замена углю и нефти, а заморенные лошадки конки совсем не чета трамваю, что ходил на электричестве. А без последнего и заводы едва теплились, работая, в лучшем случае, на одну десятую часть своих

отнодъ не малыхъ мощностей.

Диктатура пролетариата, у большей части столичных рабочих сейчас вызывала резкое отторжение. Всеобщая уравниловка, когда чернорабочий и квалифицированный токарь получали один и тот же паек, вызывала ожесточенное неприятие у той части мастеровых, которую Ленин называл «рабочей аристократией» и «прислужниками буржуазии».

Маргиналы и люмпены, массово вброшенные в годы войны в ряды настоящих пролетариев, были полностью лояльны к большевистскому режиму, ибо тот осуществил их самые заветные чаяния – работать поменьше, а лучше совсем не трудиться, зато получать побольше.

И правильно – разница всегда есть, согласно диалектическому материализму: или быть в чистой одежде, с хлебушком ситным на обед, с «наганом» в кобуре, числясь в заводском комитете, или пахать у станка, на перловке, сваренной в воде, без капли жира...

– Салям алейкум, почтенный! Вот так встреча – два сибиряка и снова посредине жары, только не в пустыне, а в городе!

– И тебе не хворать! Надо же – не думал, что все дороги ведут в Ташкент! Гляжу, опять русским офицером стал, а не местным курбаши, как я. И куда теперь дальше пошлют, Миша?

Воцилло усмехнулся, крепко обнимая за плечи Гордеева, обмундированного уже не в халат, а в форму бронетанковых частей, в каковых числились и команды «БМВ» и бронепоездов.

– Прицеплю своего «Буйного» к паровозу, и потащит он нас до славного города Оренбурга!

– Так сгонял бы сам, твоя бронированная лохань по рельсам как птичка порхает! Намного быстрее бы дошел...

– Моторесурс и так не ахти, чего движки зазря гробить – в бою нужда часто припирает переменный ход применять. Ты же не будешь перелеты устраивать, свои «Либерти» напрасно гонять? На платформы «этажерки» потихоньку погрузишь и поедешь в классном вагоне, с комфортом, вино потягивая, любуясь местными окрестностями.

– С вином ты не ошибся, – засмеялся Воцилло, – с удовольствием напьемся, победа как-никак! А вот насчет аэропланов прогадал – последний исправный, как и всю матчасть, в другой авиаотряд передал. Так что налегке возвращаемся, три вагона завтра подадут. И любоваться пустынями не будем, обрыдло все, и жара, и аксакалы с саксаулами, и эти гребаные пески, век бы их не видеть!

– Вижу, достало тебя все! – Гордеев засмеялся, но, склонившись к плечу приятеля, заговорщицки зашептал: – Отдохнуть не надейся! Поступила радиограмма – идем бить большевиков... До самой Москвы!

– Да ты что?!

Воцилло выдохнул воздух, не в силах поверить услышанному – три года он не был на Волге и вот, наконец, сможет вернуться домой. Пролететь над маленьким волжским городком, разбудив его сон гулом мотора, к великой радости местной детворы.

– Ну дай бог, заждались!

– Да, время пришло, дружище! Надеюсь увидеть нашу Белокаменную без этих красных тряпок!

Командир бронемотовагона с неприкрытой ненавистью в глазах кивнул на обрывки кумачового транспаранта, свисающие с испещренной пулями водонапорной башни.

– Местных большевиков мы извели, а тех, кто разбежался, эмир передушит, как хорь курей, да на кольях рассадит и в кипятке сварит! Да и семиреченские казаки ему помогут, уж больно сильно им местный совдеп в Верном кровушку выцедил!

Воцилло скривил губы в злой гримасе. Подполковник только здесь, в Туркестане понял, насколько жестокой может быть гражданская война, когда все дерутся против всех без всякой жалости. Когда крестьяне-новоселы насмерть режутся со старожилами, избивая целыми аулами инородцев, сжигая казачьи станицы вместе с жителями. И в отместку им устраивают кровавую бойню – Восток не знает жалости, это не Россия, и жестокость в здешних местах обыденное явление.

Воспоминания нахлынули такой горькой и страшной волною, что перед глазами пошла мутная пелена. Из нее выныривали перед глазами ужасные сцены – много он здесь повидал казненных! Да еще так изуверски замученных людей, что нормальный человек чуть ли с ума не сходил. И летчик выругался, не в силах скинуть с души чудовищный груз:

– Пусть будет проклята эта война!

Политика советской власти с самых первых дней вызвала серьезное недовольство квалифицированных мастеровых, так называемой «рабочей аристократии», вот только за чернорабочими стояли большевики. И крови они не боялись, уже в ноябре 1917 года разогнав пулеметным огнем рабочие демонстрации в поддержку Учредительного Собрания.

Дальше – больше!

Рабочих, не желающих трудиться на диктатуру пролетариата бесплатно, в порядке революционной сознательности, в затянувшемся на годы «военного коммунизма» бесконечном субботнике, просто заставили встать к своим станкам открытым террором.

Ведь всякая революция – это война, которая ненасытно требует патронов и снарядов, винтовок и пулеметов, сапог, револьверов и орудийных лафетов!

А где их взять прикажете, если все царские склады за три года советской власти порядком опустошили?!

Потому большевики учредили революционные тройки из ответственного партийца, члена трибунала и чекиста, которые, не утруждаясь даже видимостью «социалистической законности», выносили расстрельные приговоры злостным «саботажникам и лодырям». Других же просто мобилизовали и приставили обратно к станкам, но уже под угрозой смертной казни за попытку побега с предприятия.

«Рабочей аристократии», столь ненавистной Ленину, хорошо пустили кровь осенью 1919 года, когда войска генерала Юденича шли на Петроград. А заодно «почистили» город от тех, кто, притаившись, ждал прихода белых.

Расстреливали по несколько сотен человек в день, кладя из пулеметов бывших офицеров, чиновников, профессоров и умелых мастеровых. Последних перебили бы всех – уж слишком «несознательные», но ведь кто-то должен трудиться в городе. Ведь слишком много в нем тех, кто не работает, но кушать хочет хорошо, – от партийных товарищей, совслужащих и «социально близких» до откровенной уголовщины, что все эти годы буквально процветала, как сорняк на куче навоза.

Перебить не перебили, но запугали всех изрядно, да так, что на полтора года все недовольные притаились. Но пересуды и контрреволюционные разговорчики никуда не делись, несмотря на все усилия коммунистической пропаганды.

Да и как бы они исчезли, если сама жизнь давала наглядные примеры совсем иной агитации?

Ведь как ни крути, но теперь петроградские мастеровые ни в грош не ставили все клятвенные обещания советской власти, на собственном печальном опыте убедившись, что они напоминают ледышку – сожмешь покрепче, и потечет меж пальцев грязная водица.

Вот и ходили по рукам многократно перечитываемые газеты, особенно «Беломорский вестник», благо до белой Карелии рукой было подать. Читали их рабочие и сравнивали, огорченно кряхтя. В Петрограде на двадцать миллионов рублей можно было купить на черном рынке несколько фунтов житного да с полфунта сала – но разве можно этим целый месяц кормить семью из пяти голодных ртов?! На неделю растягивали, не больше, и то по маленькому кусочку.

А в том же Петрозаводске умелые мастеровые по семьдесят целковых жалованья получали, и не бумажных, а золотом и серебром. И это при ценах 6 копеек фунт хлеба, 17 – мяса, а рыба так вообще идет задарма, благо озера и реки кругом.

Нет, отнюдь не бедствовали на белых территориях люди, всего было у них в достатке, и еды,

и одежды, только лишь у большевиков всегда и везде царил голод.

Верили «вражеской агитации» почти все пролетарии, несмотря на усилия Смольного, ибо пример наглядный был перед глазами. На Адмиралтейской верфи всю зиму ремонтировали крейсер «Адмирал Макаров», эсминец «Изяслав» и подводную лодку «Гепард», отбирая у города чуть ли не половину электричества и угля.

Корабли передавались белой флотилии на Мурмане, потому с питерскими рабочими рядом работали инженеры и мастера, прибывшие с Николаевских верфей.

Трудились вместе, несмотря на строгий пригляд чекистов, вели разговоры по душам. И хотя рабочим не перепало ни капли с того золота, что большевикам заплатили за корабли, но зато кормежка тех, кто ремонтировал их, была не просто знатной. С одного котла с белыми наделались, три раза в день, с мясом, макаронами и свежими овощами, что поставлялись поездом из Финляндии. Даже шоколад с настоящим чаем, фрукты и английские консервы давали, и пакеты для семьи раз в неделю собирали. Так какая тут нужна пропаганда?!

...И вот рабочие снова поднялись супротив большевиков, в третий раз, аккуратно в Первомай. Петроград забурлил от пролетарских окраин, готовясь по-своему встретить пролетарский праздник. Заводы, на ладан дышащие и без того работавшие чуть-чуть, окончательно встали, парализованные всеобщей стачкой.

В городе ощутимо запахло грозой...

– Полундра, мы за что боролись?!

Расхристаный матрос в стареньком, многократно чиненном бушлате напрасно задавал чисто риторический вопрос, поднявшись на газетную тумбу. Площадь, бурлящая тысячами голосов, заранее знала на него ответ, выразившийся во всеобщем вопле, потрясшем даже величественный купол Морского собора:

– Долой коммунистов!!!

Те из притаившихся и запуганных обывателей, что видели приснопамятный семнадцатый год, не могли поверить собственным глазам и ушам – «краса и гордость революции», а именно так называл председатель РВС товарищ Троцкий мятежных балтийских моряков, дружно поднялись против советской власти.

Кронштадт мая 1921 года разительно отличался от самого себя четырехлетней давности. В голодающем городе давно поели все запасы, заодно истребив ворон и кошек на предмет жаркого.

Матросы пережили зиму в холодных и нетопленых кубриках. Давились обычной пайковой перловкой с куском ржавой, без рассола селедки. Вприкуску с черным заплесневелым сухарем, размоченным в кипятке, ибо иначе в рот не лез. Чая, пусть даже морковного, нельзя было найти днем с огнем.

Масла в растущий огонь недовольства подливали рассказы старослужащих унтеров и кондукторов, которых на флоте раньше именовали «шкурами», но без служения которых любой корабль превращается в кучу дорогостоящего железа. Так что большевики, убедившись в 1919 году, когда на Балтике английские корабли и катера натворили балтийцам множество пакостей, в полезности и даже необходимости этого «пережитка» царского флота, оставили старослужащих на кораблях.

А зря!

Ибо матросы были совсем не те...

«Пассионарные» балтийцы еще в 1918 году убрались из кубриков, покинув корабли, как зачумленные дома. Их душу манил сухопутный фронт, возможность пограбить богатеньких буржуев в провинции, ибо столица давно была обчищена всеми желающими, начиная от чекистов и матросни и заканчивая безыдейным криминалом. Оставшихся «сознательных» списали на берег, дав в руки винтовки, в сентябре 1919 года, когда белые подошли чуть ли не к окраинам Петрограда.

Из многих десятков боевых кораблей царского флота едва наскребли дюжину тех, кто с разбитыми механизмами и машинами мог передвигаться по заливу между Кронштадтом и Петроградом, презрительно называемому «Маркизовой лужей».

Впрочем, действующий отряд кораблей Балтфлота повоевал недолго и неудачно. Два эсминца под командованием бывшего мичмана Ильина, взявшего «революционную» фамилию Раскольников (того самого героя Достоевского, что с помощью топора отправил в «расход» старуху и присвоил нажитые несправедливым путем богатства), спустили флаги, оказавшись в окружении англичан.

Еще три эсминца трагически погибли на собственном минном заграждении, а крейсер «Олег», переживший Цусиму, был утоплен торпедой, выпущенной английским катером.

Раздрай, царящий среди балтийцев, помог британцам напасть на сам Кронштадт – торпеды угодили в старый линкор «Андрей Первозванный» и в совсем ветхий крейсер «Память Азова».

Справедливости ради нужно отметить, что и наглым налетчикам досталось с брандвахтенного эсминца «Гавриил», уполовинившего огнем своих пушек английский отряд.

Ничем не проявил себя ДОТ и во время подавления мятежей на фортах «Серая лошадь» и «Красная горка» – линкоры несколько часов артподготовки стреляли из рук вон плохо.

С прошлого года на флот большевики стали направлять пополнения из мобилизованных крестьян, направляя новобранцев подальше от родных волостей, охваченных огнем восстаний против свирепствующей продразверстки.

Служить они толком не служили, ибо не было ни угля, ни нефти и котлы требовали капитального ремонта, а, забившись по холодным кубрикам, кое-как одетые, тихо злобствовались на советскую власть, что загнала их к морю да впроголодь держит, в холоде и голоде и без женской ласки, не то что при царе, ибо все проститутки давным-давно сбежали из Кронштадта. Это те, кто поумнее, почувствовав исчезновение платежеспособного элемента, ну а глупых расстреляли чекисты в профилактических целях ради сдерживания роста венерических заболеваний и «контрреволюционного разложения».

Вот тут разговоры «шкур» о тех временах, когда на столы ставили пламенеющий борщ, когда матросу полагалось три фунта ситного прибора, да фунт мяса, сахара, да прочего всякого, не перловки поганой, а макарон. А на обед и ужин выдавалось от царя-батюшки по целой чарке чистой как слеза, очищенной казенной водки.

И, словно в подтверждение, поздней осенью на «Гавриил», что на особицу в Минной гавани поставлен был для передачи на Мурман, как наиболее пригодный, команда черноморцев из Севастополя прибыла, с офицерами. И хотя им отдельный дом для проживания выделили и охрану из чекистов поставили, чтобы вредительские разговоры пресечь, но на что людям глаза даны?

Всю зиму «беляки» в тепле провели, целый транспорт уголь и нефть доставил, с припасами разными. Службу вели как по часам, каждое утро с торжественного развода, ибо Андреевский флаг большевики категорически запретили поднимать. И с мастеровыми рядом трудились, машины перебирая да ремонт производя, а потому разговоры по всему Кронштадту пошли, будто волны прибоя. Кормили «гостей» как на убой, запахи одуряющие разносились на всю округу, подтверждая этим рассказы «шкур».

И кто тут устоит перед таким соблазном, ведь недаром считают, что ностальгия, память короче, имеет сильнейшее воздействие на психику. Так что взрывоопасный материал на стоящих у стенок кораблях, ошестинившихся башнями с длинными орудиями, копился всю зиму.

И оказалось достаточно только одной искры, чтобы вспыхнуло восстание. А ею послужило сообщение о том, что в Петрограде началась всеобщая стачка и большевистские заправилы из Смольного отдали приказ подавить выступления рабочих свинцом и штыком...

– У меня такое ощущение, Глеб, что мы сидим на пороховой бочке, а фитиль уже догорает! И скоро рванет...

– Ты меня удивляешь, Лев! – Бокий чмокнул губами, демонстрируя недоверие, и с горячностью заговорил: – А по мне, дела идут не просто хорошо, отлично! О лучшем и мечтать нельзя!

– Ну-ну! – хмыкнул Мойзес, изуродованные губы открыли жуткий оскал, на который невозможно было смотреть без содрогания – Бокий снова не выдержал и отвел глаза в сторону, хотя уже по привычке за эти годы к облику и манерам своего подчиненного.

Но это официально – на самом деле начальник давно попал под влияние, и тут он нисколько не обольщался, страшного товарища, что играл в их тесном кругу первую скрипку. Связываться с ним, тем более попытаться открыто конфликтовать Бокий зарекся – колдун наводил на него тихий ужас до дрожи в коленях.

– Слушай, я тебя не узнаю! Ты объездил весь юг, привез точные сведения, в которых сам же начал теперь сомневаться. Да что с тобою?!

– Маята сплошная! – угрюмо произнес Мойзес. – Ныне четвертый Первомай уже встречаем, на улице тепло, солнце светит, транспаранты кумачовые везде... А вернулся в кабинет, словно в склепе оказался!

Бокий с интересом осмотрелся, будто увидел свое рабочее помещение в первый раз. Грязные, давно не мытые окна, прикрытые плотными шторами, забитыми пылью, добротная, но поцарапанная мебель, на столешнице бурые разводы, да еще покарябанный пол с разбросанными окурками – все это действительно наводило уныние. Да еще затхлость воздуха, что чувствовалась с порога – непередаваемая смесь табачного дыма, вони, крови и навечно слившегося со стенами животного страха.

– Да, помыть бы не помешало! – Бокий сморщился лицом от омерзения. – Нынче баб пришло, пусть моют и чистят наши Авгиевы конюшни. Весна пришла, пусть и здесь будет светло. Загадили мы с тобой помещение, смердит дрянью из всех углов...

– Ничего страшного! – усмехнулся Мойзес. – Еще один французский король однажды сказал, что ничто не пахнет так хорошо, как труп предателя и врага. Не обращай внимания, это все мелочи, а для буржуев безразлично, где их в расход выводить будут.

– Тебя не поймешь, Лев, – то одно не нравится, то другое! – Бокий резко наклонился над столом. – Я вчера был в Полевом штабе – там меня уверили, что никаких серьезных приготовлений к наступлению белые уже не ведут. И это согласуется с имеющимися у меня сведениями, как и данными агентурной разведки. Более того – стрелковые дивизии на юге и в Сибири едва укомплектованы на треть! А чтобы воевать с нами, нужно их вначале отмобилизовать. Ведь так?!

– Верно! – Мойзес весело оскалился. – Я и сам смогу тебе доказать, что наступления в мае или даже в начале июня не будет! Фомин не лгал, я бы это сразу заметил. Но тут дело в ином...

– Так в чем?! Что тебя беспокоит?!

– Когда все слишком хорошо, то это уже не хорошо! – жутко осклабился Мойзес, его единственный глаз сверкнул адским пламенем так, что Бокий отшатнулся на спинку стула и, скрывая страх, закурил папиросу.

– Смотри, что получается, – беляки корпуса к демаркационной линии пододвинули. Но назначенные на 5 мая сборы запасных, что само по себе является скрытой мобилизацией, не просто отменили, но еще объявили, что в этом году проводить не будут, дабы провести спокойно

и посевную, и уборочную. И вот это уже интересно...

– Еще как! – хмыкнул Бокий, весело глядя на нахмурившегося собеседника. – Это одно говорит о том, что воевать они не станут. Да, дивизии свои пододвинули, но так французскую помощь и отмененные займы отрабатывать надо. Вот и давят на нас угрозой нападения, видно, думают, что убоимся мы, с запада войска обратно перебрасывать начнем. А на самом деле выходит полный пшик!

– Ты дальше доводы свои приводи, а я подумаю над ними... – пробормотал Мойзес, задумчиво постукивая пальцами по столешнице.

Бокий воодушевился и заговорил напористо, для большей убедительности даже хлопая себя ладонью по груди:

– Если нападут, то сами сорвут свою же мобилизацию – их крестьяне и даже казаки воевать не станут, да и у царька репутация в их глазах станет изрядно подмоченной. Они верить Михаилу перестанут! И еще одно – свадьба императора назначена на август – так?! И что же будет с ней?! Далее – у нас два миллиона бойцов, у них всего двести тысяч, пусть и лучше вооруженных. И как они без мобилизации воевать с нами будут?

– Убедительно, ничего не скажешь. Помолвка была, теперь свадьба, после нее «медовый месяц» – когда воевать прикажете?! А Франция... Да черт с ней, как мне говорил Арчegov. Похоже на то, что они оставили ее на растерзание, как французы с англичанами не помогли царю Николаю в пятнадцатом году. Но если долг платежом красен, тогда зачем столь демонстративно перебрасывать на север неукomплектованные дивизии и при этом громогласно отказываться от мобилизации? Что, в Париже и Лондоне одни набитые дураки сидят и до сих пор не поймут, что их за нос водят, чиня разные отсрочки и пустые отговорки?

Мойзес прикусил нижнюю губу, зубы оскалились, как у вампира, но чекист замолчал, продолжая так же задумчиво барабанить по столу. Этот звук раздражал Бокия, но он решил не обращать внимания и стал так же напористо приводить другие аргументы:

– Да так оно и есть, Лев! Ты газеты иностранные читаешь, а там много чего интересного почерпнуть можно! Где их ударники и гвардия? В Молдавии, от румын ее прикрывают! Еще «цветные» на Кавказе против турок воюют! И за бухарского хана кто дерется, я тебя спрашиваю?! Жаль, телеграфной связи с Ташкентом нет, но в английских газетах написали, что бухарцы разбиты нашими под Самаркандом, а турки Кемаля хорошо потрепали кавказских стрелков Юденича и даже отбили Эрзерум. Так что насчет того, что белые стали сильны, сомнения большие имеются!

– Нет, что-то здесь не так...

– Согласен, но ведь странно как-то выходит насчет их будущего наступления на Москву! Вместо того чтобы силы в единый кулак собрать да по нашему южному фронту ударить, они, словно голодные собаки, куски рвут совсем в других местах, торопятся так, словно боятся, что потом им ничего не дадут сделать! Да что ты такой хмурый?

– Слишком все просто выходит! – пробормотал Мойзес, угрюмо зыркнув глазом. – Такое ощущение, что кругом тишь и благодать, угрозы нет ни малейшей, все кругом успокоились. Хорошо как – конармия Буденного ворота в Париж проломила, войска Егорова в Вене биваки разбили, скоро в Италию ворвутся да в Венгрию. У Фрунзе два миллиона бойцов под рукою, сила несметная, чтобы сломить ее, не меньше нужно штыков. А белые крохоборством занимаются, войска разбросали, границы империи расширяют... Слишком просто, а потому и тревожно!

– Чего нам тревожиться? – вскинулся Бокий. – Они нам даже не мешают восстание на Тамбовщине гасить, а кулацкие бунты мы, почитай, везде подавили. Мировая революция идет, Лев, не это ли энтузиазм пролетариев возбуждает постоянно. Боятся они нас, вот и не дергаются, ждут, когда силы растратим в походе на запад, и лишь после этого воевать начнут. Не раньше

осени, скорее под зиму! А до того даже не дернутся!

– Не дернутся... – Мойзес отозвался эхом, его взгляд растерянно блуждал по комнате, не останавливаясь ни на чем. Казалось, что своими мыслями чекист ушел далеко вглубь и не скоро вынырнет из размышлений.

Бокий успокоился, закурил и, развалившись в кресле, почувствовал приятную расслабленность. А потому разъяренное шипение Мойзеса буквально подбросило его из мягкого сиденья, и волосы тут же стали дыбом.

– Все правильно, все верно – тишь и благодать! Опасности ведь никакой, ведь так?! Все успокоились, расслабились... А ты знаешь, когда полное затишье наступает?

– Что ты хочешь сказать?

– Затишье бывает перед бурей! Белые уже нынче нападут, с Первомаем нас поздравят! Ну Арчegov, ну бестия, – несмотря на злобу, в голосе слышалось восхищение, причем искреннее, – обманул нас и все предусмотрел! В марте взвел нам нервы, в апреле отбой дал – провел за нос! Обманул их превосходительство, а я ему в последние дни поверил! Это – наш страшный враг, он генерал иного времени, потому воюет по-своему...

– Ты чудишь, Лев, какое нападение?! – Бокий оторопело взирал на побагровевшее лицо Мойзеса. – Ведь мобилизацию провести вначале нужно, и лишь потом...

– Потом суп с котом есть с тобой будем. – Глаз Мойзеса вспыхнул угрозой. – Белым не нужно проводить мобилизацию, ее провели за них! И знаешь кто? Да мы сами!

– Братишки, что же это мы?! Спокойно смотреть будем, как комиссары юшку рабочим пускают?!

Очередной выкрик лег на уже подготовленную почву, матросы замахали руками, а потом единодушно выкрикнули:

– Долой коммунию!!!

Стравив пар, площадь снова забурилась, как котел с варевом, поставленный на открытый огонь. Выкрики и предложения летели с разных сторон, сопровождаемые солеными словечками, до которых на флоте всегда находились мастера.

– Мы за советскую власть, мужики!

– Она ныне народная! Но без большевиков!

– К бисовой матери коммунистов!

– На клюз их надеть!

– Гы...

Залезший на тумбу степенный матрос имел бороду, которая говорила о том, что сей «пенитель морей» недавно пахал землю.

– Мы все за советскую власть, ибо она народная. Но без коммунистов, что присвоили себе все. За шкварку комиссаров да об пенек. Не нужны они нам, хватит, наслушались сладких песен! Мы гнилую солому с крыш скоро есть начнем!

– Правильно!

– Верно!

– Но буржуев нам не натъ!

– Коммунистам пряники, а нам сухари червивые?! Не надоть такой власти, против хлебобобов она!

– Без царя жить тяжело. – Степенный бородач старался перекрыть крики матросской массы. – Вона как на юге или в Сибири – они там все за царя и советскую власть. Хорошо зажили все, припеваючи! А буржуев там днем с огнем не сыщешь!

– Правильно!

– Мы за царя Миколу! Наш он, мужицкий!

– Не надо царя! Все они добрые, тока прижмет...

– Ты чего драться лезешь, морда!

Как всегда происходит, мнения разделились, а это предвестие доброго мордобоя. Страсти накалились, но тут с немалой сноровкой, что говорило о большой практике старослужащего, на тумбе появился матрос и, сжимая в крепкой ладони бескозырку, стал размахивать рукою, словно грозя засевшим в Смольном большевикам:

– Я с «Петропавловска» и так скажу, братишки! С царем будет советская власть либо без царя, потом посмотрим. Если Михаил оправдает надежды, то примем его. Вот только коммунисты ни царю, ни советской власти никак не нужны – вражины они, много народной кровушки пролили!

– Гады!

– Собрать в мешок да утопить!

– И Ленина их, картавого...

– Тихо вы, дайте досказать! – Матрос драл горло, как боцман к побудке в старое время. – Нечего нам болтать, дело нужно вершить! Власть выборным дадим, от каждого корабля, это раз!

– Верно! – поддержали многие голоса, а матрос продолжил, уверенно взмахнув рукою:

– Всех коммунистов, комиссаров, чекистов, трибунальцев и прочих судить нужно, а пока под стражу взять да посадить, да хоть в погреба «Павла», там все равно снарядов нет, или в форт. Пусть охолонятся да подумают, как грехи свои замолить! Это два! И незачем самосуд вершить, мы не комиссары, чтоб по оговору кровь лить...

– Верно!

– Гы...

– Да тихо вы!

– Правильно!

– В Питере народ наш стреляют всякие латыши и китайцы! А мы здесь сидим на что?!

Вывести корабли в Неву, те, кто ход дать сможет, да залупить из главного калибра по Смольному, чтоб по кирпичику распался! Нечего нам сидеть, к бою готовиться нужно, пока наших братьев не перебили!

Выкрикнув последние слова, матрос спрыгнул с тумбы, на которую тут же влез солдат в большой, не по росту, гимнастерке и помятой фуражке. По толпе тут же прошли смешки.

– Братцы! – громко крикнул солдат, и матросы засмеялись, посыпались комментарии – «пехтуру сразу видно, у них все братцы, это только матросы братишки», но перебивать оратора не стали.

– Я из форта «Серая лошадь». Мы давно готовы восстать, и другие форты ждут. Высаживайте десант немедленно, а то коммунисты опомнятся и нас всех перебьют.

Площадь снова взорвалась, забурлила, вот только уже явственно чувствовалась чья-то направляющая воля, ибо матросы стали организованно сбиваться и чего-то ожидать. Они хорошо знали, что смогут противопоставить петроградским большевикам, – два линкора, крейсер, несколько эсминцев и с десятков мелких кораблей представляли собою грозную силу.

– Матросы!

Площадь невольно ахнула, глядя, как на тумбе встал во весь рост моряк в черном кителе, но с золотыми погонами на плечах. И не простой офицер, целый адмирал с тремя черными орлами.

– Те, кто меня помнит по Минной дивизии, знают, что я ставил с вами банки у Мемеля, мы вместе ходили в торпедные атаки, глотали соленые воды Балтики! Вы мои боевые товарищи, много раз смотревшие в глаза смерти. Я адмирал Колчак...

– Кута итете?! Фы – фраги мирофой рефолуции! – с сильным акцентом произнес латышский командир в суконной гимнастерке, уверенно выйдя на брусчатку перед тысячной колонной рабочих Охтенской пороховой фабрики. Уверенно так вышел «интернационалист», чувствуя за собою немаленькую силу в виде броневедомобиля «Остин» с двумя пулеметными башнями и полуроты «латышей». В них стали зачислять уже всех иностранцев от венгров до китайцев, ибо настоящих ландскнехтов революции к этому времени сильно повыбили.

– Стоять, сукины тети!

Латыш выкрикнул, и тут же на пулеметном рыльце «максима» заплясал огонек, пули выбили брусчатку прямо перед ногами валящей вперед толпы – закричали раненые, на секунду воцарилась тишина. И неожиданно раздался глухой рык доведенных до отчаяния людей:

– Твари!

– Почто народ тираните?!

– Суки красные!

– Чтоб вам самим кровью умыться!

– Мы за советскую власть!

Но свист пуль сделал свое дело – толпа остановилась, да и задние ряды перестали напирать. Не стойкие духом рабочие по одному, потом и кучками стали разбегаться по подворотням, но оставшиеся, а их было во много раз больше, продолжали глухо роптать.

Но все прекрасно понимали, что ничего не выйдет. Коммунисты успели подготовиться – мосты или развели, или поставили на них пулеметы, все главные пути в центр города перекрыли надежными заслонами, кое-где уже была слышна стрельба, злая, но короткая. А это говорило о том, что в других местах уже силою разогнали бунтующий пролетариат.

Здесь будет то же самое – справа темная свинцовая гладь Невы, по которой белыми одинокими островками идут льдины, слева вытянулись дома с предупредительно запертыми дверями парадных. Если начнут палить из пулеметов, то выкосят всех разом.

Так что остается только возвращаться на завод, который моментально окружат преданные большевикам части, а затем проведут «филтрацию» на предмет выявления «контрреволюционеров» со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Злостных контрреволюционеров» поставят к стенке и выведут в расход, остальных мобилизуют, ибо Западный фронт, откатывавшийся под ударами рейхсвера к Эльбе, требовал боеприпасов в огромном количестве. А без пороха патронов не бывает...

– Пропускай к Смольному!

– Давай Зиновьева-жида, мы с ним по-рабочему говорить будем!

– Хватит коммунистам от лица советской власти говорить! Пусть народ сам свою волю вершит!

Пролетарии глухо роптали, уходить, как побитые собаки с поджатыми хвостами, мастеровые не желали из-за гордости и отчаяния перед неизбежной расправой. Все понимали, что вместе они сила, а поодиночке заводчан передушат, как курей.

– Всем неметленно ухотить! Или мы путем стрелять!

Комиссары уже давно не уговаривали рабочих не поддаваться на агитацию приспешников мирового империализма, кому ж охота вдругорядь битым быть. Потому говорил только латыш, с этими никак не поспоришь, лить кровь они мастера, причешут всех из пулемета и не поморщатся, даже улыбок не будет. Все прекрасно знали, что жалости никому не будет. Наемники относились к карательным акциям как к нужной и неизбежной работе, выполнил

которую и забыл.

– Считаю до трех, потом путем стрелять!

Голос латыша был полон спокойной и деловитой жестокости, угроза была настолько явственной, что рабочие попятнулись. Но задние ряды опять начали напирать на передних, а потому образовалась толчея. От «латышей» фабричных отделяло метров пятьдесят, вроде рядом почти, но не пройти их под стальным ливнем, даже если разом броситься.

– Раз!

Какие тут шутки – первые ряды охтенцев дружно попятнулись, только отступать было некуда. Навалившийся страх сковал мышцы, хриплая ругань сама вырывалась из глотки.

– Тва! – с той же холодной жестокостью произнес латыш и поднял руку, вот только отсчет доводить не стал, а с удивлением посмотрел на Неву. Там, вниз по течению, прямо к ним надвигался военный корабль, ловко обходя плывущие большие льдины и обгоняя их. Красный узкий флаг трепетал на стенге, у бакового орудия застыл расчет, пулеметы с мостика направлены на забитую людьми набережную.

– Это же «Украина»! – раздался удивленный голос рабочего, явно знакомого с флотом. – Откуда она здесь, она же на Каспий ушла?!

– Да и навигацию еще на Ладоге не открывали... А вон еще один минный крейсер идет! Тоже пушки на нас направил...

Не нужно было гадать, что сейчас произойдет, – «латыши» оживленно засуетились, предчувствуя зрелище расправы, в которой им предстоит стать зрителями. Их командир с радостью посмотрел на красный флаг и даже помахал рукою, приветствуя военморов.

Рабочие стали падать на мостовую или втискиваться в проулки – кому ж охота под убийственный огонь в упор попадать. Лишь немногие, знакомые с морской службой не понаслышке, с удивлением смотрели на два небольших угольных эсминца, трубы которых извергали густые клубы дыма. Что-то было в них насквозь неправильное, непривычное. Да и стенговые красные флаги означали скорее готовность к бою, а не символ революции. А вот на корме так вообще что-то белеет...

Латыш все держал поднятую вверх руку, когда на баке первого эсминца оглушительно рывкнула пушка. Снаряд пролетел почти над самыми головами людей, многие от страха даже упали на брусчатку, и, проломив борт броневика, будто гнилой картон, отбросил железную машину в сторону и тут же исчез в огненной вспышке.

Взрыв потряс набережную, повалив людей. Осколки и стальные обломки секанули по латышам, досталось и стоящим в отдалении рабочим. И тут же пулеметы эсминца открыли стрельбу по латышам, что пребывали в полном ошарашивании и от ран, и от удивления. Послышалась даже хриплая ругань на доброй дюжине языков.

Спасительный стальной смерч смахнул на мостовую «интернационалистов», открыв дорогу охтенцам. И только сейчас с их глаз словно пелена упала – они разглядели на матросских форменках и офицерских кителях давно забытые погоны. А на корме гордо реяло, забытое за годы советской власти, белое полотнище с косым синим крестом – Андреевский флаг...

– Ваше высочество, сейчас идет гражданское противостояние, а это совсем иное дело, чем обычная война. А потому обычные мерки здесь неприменимы!

Шмайсер снова улыбнулся, словно голодным волком оскалился, и кронпринц отвел взгляд. Фридрих-Вильгельм чувствовал искреннюю привязанность и одновременно странную зависимость от этого «гостя из будущего», как он мысленно называл.

Гауптман не спрашивал у него наград или денег, был совершенно равнодушен к чинам и должностям – а ведь это составляет основной поступательный момент в карьере любого военного и служит удовлетворению честолюбия.

Нет, Шмайсер довольствовался постом даже не адъютанта в небольшой свите при главнокомандующем и фактическом регенте, а самого обычного офицера для поручений, правда, будучи при этом непосредственным начальником для десятка офицеров и унтеров, прикрепленных к нему для отправления обязанностей по настойчивой просьбе.

Фридрих-Вильгельм удовлетворил это желание и с этого времени самым пристальным образом наблюдал за работой самого таинственного отдела в его личной канцелярии. И вскоре понял, что скрывается за изнанкой событий, для чего ему хватило лишь умения сопоставить детали и восстановить цепь событий.

Вначале кронпринц ужаснулся – в голове не укладывалось, как можно убивать тайком, руководствуясь некими соображениями. Но после откровенного разговора со Шмайсером он уже не мучился морально, полностью приняв железное правило политической целесообразности. И сам искренне восторгался деятельностью своего энергичного «тайного советника» – всего за каких-то девять месяцев своего пребывания в Германии, а именно такой срок отведен природой для вынашивания нового человека, гауптман создал целую тайную организацию, разветвленную, активно действующую и с серьезными источниками финансирования.

Таинственная «служба военного и политического контроля» выбрала своей целью физическое устранение всех противников восстановления рейха и возвращения кайзера на престол могущественной империи Европы, подло разрушенной ее врагами, тайными и явными, внешними, но главным образом внутренними, предательство которых, на взгляд кронпринца, погубило страну.

Против таких действий Фридрих-Вильгельм не возражал, прекрасно понимая, что, насильственно убрав оппонентов и противников, гибель которых он поначалу воспринимал какими-то нелепыми случайностями или счастливым стечением обстоятельств, Шмайсер расчистил перед ним дорогу к престолу.

Теперь его верховенство уже никто из политиков и генералов не оспаривал, признав за фюрера германского народа, борющегося против большевизма, разрушающего все устои традиционного общества.

Капитан оказался прав – он стал знаменем, под которое стекались тысячи людей, взявших в руки оружие. За само древко цепко ухватились крепкие руки промышленников и финансистов – в деньгах, и не в обесцененных марках, за баул которых можно было купить буханку хлеба, а в нормальных, с золотым обеспечением – фунтах стерлингов, долларов или франках – отказа уже не было.

Транспорты с вооружением и боеприпасами из Англии, Франции и далекой Америки за последние две недели пошли непрерывным конвейером, благо низовья Рейна и Эльбы, от Кельна до Гамбурга, находились под контролем рейхсвера. А потому сокрушение красных уже не казалось недостижимой задачей, и взятие Магдебурга позволяло надеяться на скорое

продвижение армии к Лейпцигу. Захват этого города приводил к разрыву живительной пуповины двух большевистских фронтов, наступавших на западе и юге, с советской Россией...

– Главный оппонент моего «брата» Мики, господин Ульянов-Ленин хорошо подметил, что социализм есть учет и контроль. Вот этим делом вы, Андреас, и займетесь. Я решил узаконить вашу деятельность при моей особе! – Фридрих-Вильгельм выделил голосом последнее слово и заметил, как радостно вспыхнули глаза «советника». – Негоже вам возглавлять «службу военного и политического контроля» в столь незначительном чине, бывшем у вас прежде, герр оберстлейтенант. И не нужно благодарить, я лишь в малой степени воздал должное вашей деятельности. Вводить в курс дела не стану, вы сами хорошо знаете свои обязанности.

– Яволь, мой кайзер, учет и контроль – самые важные функции для рейха... – Глаза новоиспеченного подполковника сверкнули, указательный палец правой руки демонстративно согнулся, будто нажал на спусковой крючок «парабеллума». – Особенно контроль...

– Проклятая река! Мы в третий раз приходим к ней и вновь наступаем на старые грабли!

Гудериан пылал самым праведным гневом, перемешивая корявые русские слова с отборной немецкой руганью. Он с ненавистью посмотрел на узкую синюю ленту речушки, что уже в который раз ломала даже самые верные планы германцев.

Впервые это произошло в сентябре 1914 года, когда заходящие севернее Парижа корпуса фон Клука напоролись на встречные контратаки французов, которые одновременно стали охватывать его правый заходящий флаг. Пришлось отступить, победа над противником до начала осеннего листопада, как обещал кайзер, превратилась в мираж – война стала позиционной, затяжной, совсем не такой, как раньше. Так случилось то, что французы назвали «Чудом до Марне».

Вторую попытку немцы предприняли весной 1918 года, перейдя в решительное наступление последними собранными для удара силами. До Марны армии кронпринца Фридриха-Вильгельма дошли на последних каплях воли и сил. Там они напоролись на мощные контрудары – «вторая Марна» окончательно развеяла иллюзии, и всем стало ясно, что Германия потерпит поражение в войне, вопрос только во времени.

И вот спустя три года Гудериан снова добрался до Марны, на этот раз с восточной стороны. Майор заранее предвкушал победу, прекрасно видя, что «паулю», те самые герои Вердена, ожесточенно сражавшиеся за каждый метр земли, теперь совершенно не желают сражаться против своих классовых братьев – русских, французов и немцев. На одном дыхании конница Буденного добралась до Марны...

И тут произошло невероятное – бегущее к Парижу воинство исчезло в одночасье, занявшие вместо них фронт солдаты начали сражаться с невиданным прежде ожесточением.

Лихой наскок красной кавалерии был отбит, начались тяжелые позиционные бои, которые могли закончиться только катастрофой для наступающих – подкрепления не поступали, а подача боеприпасов и снаряжения совершенно прекратилась.

Вчера удалось взять десяток пленных, и ситуация прояснилась окончательно – реакция во Франции победила, восстания пролетариата подавили, а Лионскую Коммуну утопили в крови. Всех солдат, что познали горечь окопной войны и массами дезертировали или переходили на сторону красных, объявили «плохими французами» и отвели в тыл. Маршал Фош без жалости начал укреплять дисциплину, всех ненадежных солдат либо отдавали под суд, либо демобилизовали.

Их место на фронте заняли самые надежные части, имевшиеся у буржуазии, – наемники Иностранного легиона и колониальные войска, переброшенные из Африки, – зуавы и сенегальские стрелки, на которых совершенно не действовала революционная пропаганда.

Вместе с ними бросали в атаки кадровые части из юных новобранцев, муштра которых велась самыми реакционными офицерами и сверхсрочнослужащими сержантами. Так что сопротивление французов резко возросло, вместе с тем среди красноармейцев поползли дурные слухи...

– Товарищ комполка! – Вместе с очередным разрывом снаряда в окоп на Гудериана свалился ординарец, тот самый австриец с отвратительной щеточкой усов под острым, как у грача, носом.

– Какие вести, Адольф?

– Комбриг получил приказ на немедленный отвод! – Бывший ефрейтор сплюнул, очищая рот от скопившейся пыли. – Наше место займет Пролетарская дивизия имени Парижской Коммуны.

– Долго не устоят... – меланхолически пробормотал майор, весьма невысоко оценивавший

боевые качества перебежчиков и дезертиров армии Третьей Республики, и спросил с едва сдерживаемой надеждой в голосе: – Нас на отдых отводят?

– Не знаю, товарищ командир! – Ординарец прикусил губу, в глазах плескалось смятение. – Бойцы говорят, что на Эльбу перебросят – якобы рейхсвер перешел в наступление, взяли Ганновер и подошли к Магдебургу. А еще судачат, что нашими белыми командует сам кронпринц Фридрих-Вильгельм, а с ним фельдмаршал Гинденбург.

– Дела... – протянул Гудериан, ошпаренный новостями, словно голым кипятком. Майор машинально отметил слово «наши», которое произнес венец, – весьма многозначительная оговорка в устах простого бойца. Да еще Гинденбург – старого вояку солдаты кайзеровской армии просто боготворили, как и многие немцы.

– Так что, значит, товарищ комполка, – до Парижа не дойдем?

– Если красные возьмут Магдебург, то одним ударом сразу же рассекут два фронта! Тут будет не до Парижа и Рима с Белградом! – бывший генштабист мгновенно оценил ситуацию на фронте.

– А еще говорят, что телеграмма из Москвы прошлым вечером пришла – русские монархисты войну позавчера начали, по всему фронту наступают, из Сибири также идут...

– Проклятие!

Ругательство сорвалось само собой, сердце чуть ли не замерло в груди, будто его сдавили крепкие и безжалостные пальцы. Гудериану стало тоскливо – сделав в Страсбурге выбор, он ошибся. И за это придется заплатить собственной жизнью...

– Твой «брат» Фридрих-Вильгельм очень хочет лишиться первой части имени, но добавить ко второй скромную цифру «три». Не ожидал от полумертвого рейхсвера такой прыти – немцы ухитрились выйти в тыл сразу двум группировкам красных. Все победоносное нашествие большевиков разом зависло – теперь ни на Париж, ни на Будапешт и Рим с Белградом дороги нет, пока Гинденбурга с Эльбы не вышибут и Магдебург с Лейпцигом обратно не возвратят! Просто великолепно! Я даже не мечтал о таком развитии событий – это настоящее чудо!

Михаил Александрович молчал, вслушиваясь в радостный голос генерала Арчегова, что колдовал над картой, делая на ней пометки красным карандашом, и с самым загадочным видом молчал. Император не верил этим громогласным ликованиям ни на грош, уж слишком они были искренни, что совсем не походило на его друга.

– Не завидую большевистским деятелям – теперь у них только два выбора, да два...

– И один не нужен им, а другой полезен только нам! Ведь так, ваше высокопревосходительство, – как видишь, я твою манеру хорошо изучил, благо времени много было! Все время норовишь противника не в лоб атаковать, а с бочка заходить, с бочка, да с подходцем. А еще лучше, чтобы чужими руками все дело совершить!

– Не все, твое императорское величество, кое-что в заглавнике имеется. А в лоб позиции атаковать – только кровь напрасно лить. Лучше уж фланг охватить, а то сразу два. В бою и политике это должно стать для нас аксиомой! Только в стратегии сие именуется непрямыми действиями, янкесы и англичане такие маневры очень любят, ибо не желают свою кровушку проливать! И правильно делают, собаки...

Арчегов усмехнулся, но так, что Михаил моментально подобрался и не был захвачен врасплох внезапным вопросом.

– Ну и как будут, на твой взгляд, действовать большевики, Мики? Ведь наступление нашего «друга», что метит на пост кайзера, сильно изменит планы Ленина и существенно подкорректирует наш. Вот и подумай над поправками в стратегию, а Антон Иванович внесет их уже в оперативные планы. Ты сейчас у нас Верховный главнокомандующий, за тобою и последнее слово и подпись под приказом!

– А выбора у них нет, вернее, один из двух вероятных. Или бросить поход на запад и все силы перебросить на восток, попытавшись удержать Москву, или поступить наоборот – оставить Первопрестольную, эвакуировать в Германию партийный аппарат, совнаркомы и наиболее боеспособные части Красной армии.

– Резонно, я тоже над этим думал. И как они поступят?

– Третий вариант, при котором будут гнаться за двумя зайцами, вряд ли возможен – не настолько они глупы...

– Почему ты так считаешь?

– Южный фронт прорван – посмотри на свою карту. Точно такая же обстановка, я уверен, нанесена и в Полевом штабе. За три дня конные группы Келлера и Врангеля углубились на сто верст, заняв Курск и Тамбов. Донцы уже в Камышине и продвигаются вверх по Волге, к Саратову. Оренбургские казаки идут еще легче, вступили в Уфу – две, максимум три недели, и конница Восточного фронта выйдет к Волге, от Саратова до Казани. И мои ижевцы с воткинцами рвутся к Перми – и нет такой силы у красных, что их остановит на пути к родным заводам!

– Ты прямо поэт, Мики! Шучу, понимаю, что с этими рабочими ты два года воевал. Да, картину ты обрисовал абсолютно верно, вот так и выглядит «молниеносная война», блицкриг, как ее называют немцы. За неимением танков и мотопехоты мы бросили крупные массы конницы,

каждая из которых по отдельности намного сильнее 1-й Конной армии красных. Прорыв увенчался успехом, что обусловлено сильной разреженностью фронта, растянутостью частей и малым числом пулеметов у противника.

Я думаю, в Москве находятся сейчас в полном шоке – конница глубоко в тылу, завязываются «котлы» один за другим, да и бьют их войска в полную силу со всех направлений. Мы достигли полной стратегической и тактической внезапности! Согласованные удары нанесены укомплектованной, хорошо обученной, отлично вооруженной и желающей воевать армией.

В то время как у противника наблюдается совершенно противоположная картина, их армия тает прямо на глазах. Психологическое преимущество полное – пропаганда хорошо разложила мобилизованных красноармейцев, и они, как докладывают со всех фронтов, не только сдаются, но и переходят на нашу сторону с оружием в руках. Про дезертирство говорить уже не приходится, оно массовое. Можно сказать твердо – продразверстка и голод отшатнули крестьянство от большевиков, и оно сейчас полностью на нашей стороне. Это конец для кремлевских владык, и в Москве очень хорошо понимают сложившуюся ситуацию!

Не стоит обольщаться и тем более уповать на скорую победу. Большевики как волки, которых обложили со всех сторон, так что на легкие успехи не стоит надеяться – как ни крути, но они под ружье поставили более трех миллионов, и не менее трети из бойцов все же станут драться за советскую власть. Хотя столько же красных начнут воевать против своих...

Арчegov говорил спокойно, от довольной улыбки на губах уже не осталось и следа – уверенный и спокойный голос человека, хорошо выполнившего свою работу.

– Я сделал все, что мог, Мики, теперь дело за твоими генералами. А они его знают хорошо, это с политикой у них наперекосяк идет. Ничего, я сейчас чувствую себя намного лучше Барклая...

– Ты имеешь в виду его фразу «Я воз втащил на гору, а с горы он и сам сойдет»?

– Да, друг мой! – глухо произнес Арчegov, и с лица будто стерли краски – перед императором сидел смертельно усталый человек с больными глазами и седой головой.

Михаил Александрович содрогнулся – молодость в его друге исчезла, и сейчас перед ним был если не пожилой, сломленный лишениями человек, то как минимум ровесник.

– Мне до смерти надоели интриги и завистники, сплетники с генеральскими погонами! Хочу заниматься своим делом, а не «разборками» постоянными заниматься. Обрыло первой персоной при тебе быть – со всех сторон камни бросают да брюзжат...

– Это ты брось! – Михаил чуть звякнул голосом. – Что за хандра?!

– Не знаю, первый раз в жизни такое! Три месяца с семьей жил, размяк, и все разом кончилось. Не могу я без семьи, жена ведь, сыновья, понимаешь... Бояться смерти стал – а это плохо...

– Все понимаю, Костя! Потерпи немного, победа ведь не за горами. Что я могу сказать – никто умирать не хочет, особенно когда Москва так близка! Насчет интриганов и завистников скажу одно – недругов у тебя много, это верно, но еще больше тех, кто воздаст тебе должное. Давай вместе подсчитаем? – Михаил Александрович начал демонстративно загибать пальцы. – Про себя, императрицу и невесту говорить не стану, как про Вологодского, Смирнова, Пепеляева и других «сибиряков». Не стану поминать казачество – в тебе видят своего и уже сейчас открыто поддерживают. Атаманов перечислить или не нужно?! Далее – из генералов, особенно молодых, назвать могу многих! Из значимых на твоей стороне оба командующих конными группами...

– Ладно, граф Келлер, мы еще в Сибири сошлись, но с бароном Врангелем я пару раз всего говорил!

– А он сильно недолгобливает генерала Деникина, следовательно...

– Враг моего врага мой друг! – засмеялся Арчegov и отер лицо ладонью. – Извини, просто

вспомнил, как Мишаню на руках качал, вот и психанул. Такого больше не будет, обещаю. Давай лучше вернемся к нашей коннице, раз ты старика Келлера с бароном упомянул. Скажу сразу – данное наступление есть лебединая песнь кавалерии, придется после войны ее спешивать и сажать на автомобили, ибо бронетранспортеров не предвидится в ближайшее десятилетие. Но не сразу, конечно, а постепенно, по мере насыщения техникой... Что-то меня понесло, и не в ту степь. Сейчас о другом подумать надо!

– О чем? – Михаил напрягся, увидев злой огонек в глазах своего друга, и тут же обрадовался – перед ним сидел решительный генерал, прежний.

– Не дать большевикам «хлопнуть дверью»!

Глава шестая. Сердце нараспашку, а душа в загуле...

(август – сентябрь 1921 года)

– Дважды предатель... И дважды дезертир!

Гудериан хрипло засмеялся старым вороном. Бывший командир Интернационального танкового полка нутужно закашлялся, вытер застиранным платком рот.

Жизнь в очередной раз вывернула замысловатый зигзаг – месяц назад Хайнц дезертировал из рядов 1-й Конной армии, спешно отводимой назад, к Рейну. Правда, собственно кавалерии в ней числилось немного, она едва составляла десятую часть – французская пехота, вооруженная большим числом пулеметов, нанесла большие потери в лошадях, и ее оборона оказалась непреодолимой для лихих всадников. Да и собственно русских в рядах конармейцев осталась едва половина, несмотря на прибывающие с востока пополнения.

Воевать с немцами, что охотно становились под старые кайзеровские знамена, чтобы драться с красными, Гудериан не желал категорически – одно дело довершить прежнюю войну, дойдя победным маршем до Парижа, и совсем другое – превратить свое собственное отечество в пепелище, на радость торжествующим революционерам.

Бывшему майору рейхсвера откровенно повезло – после неудачного мятежа он с несколькими десятками немцев, преследуемых по пятам всадниками Рокоссовского, жаждавших мести, сумел перейти Арденны и сдаться бельгийцам, которые встретили перебежчиков на удивление доброжелательно, будто и не было войны.

Вот только стоило прибыть к своим, как Гудериана немедленно арестовали и предали военно-полевому суду как изменника и дезертира. И вот сейчас, отсидев полмесяца в одной камере со своим ординарцем, бывшим ефрейтором и несостоявшимся художником, Хайнц со стоицизмом древнегреческого философа, выпившего чашу с цикутой, ждал исполнения приговора, уже посланного на утверждение кронпринцу Фридриху-Вильгельму, главнокомандующему рейхсвером.

Все же расстрел для военного, и тем более офицера, куда лучше позорной смерти на виселице, на которой должен закончить свою жизнь только что уведенный для экзекуции несчастный Адольф Гитлер. Для немедленной казни бедолаги с нелепыми усиками достаточно оказалось подписи военного коменданта.

Хорошо быть офицером в таком случае, если, конечно, выбирать между разными обличьями смерти...

– Я рад вас видеть, майор!

Молодой офицер в хорошо сшитом мундире, в серебре погон подполковника говорил настолько любезным голосом, что у Хайнца с яростной надеждой забилося сердце. Он замер, вытянувшись струной и стараясь не пропустить ни одного жеста или взгляда.

– Здравия желаю, герр оберст-лейтенант!

– Я к вам по делу, майор!

Такие слова пришлись Гудериану по душе – приятно чувствовать обращение по чину, без добавления слова «бывший».

– Вы командовали у большевиков танковым полком?

– Так точно, герр...

– Оставьте, Хайнц!

Подполковник так выразительно сморщил лицо, что стало ясно, какое обращение тот предпочитает в этой обстановке. Да к тому же этот пришедшийся по сердцу визитер сразу представился:

– Андреас фон Шмайсер, начальник «отдела военного и политического контроля» при

главнокомандующем рейхсвера, его императорском высочестве Вильгельме.

Гудериан только кивнул, размышляя над сказанным. Подумать стоило – реставрация монархии, судя по всему, дело решенное. Еще бы – если в руках кронпринца вся армия, а в стране идет ожесточенная гражданская война, то стоит сделать такой же шаг, как французы, наделившие своего маршала Фоша диктаторскими полномочиями.

Опираясь на верные штыки, Фридрих-Вильгельм легко станет третьим кайзером Германского рейха, как сделал это в России император Михаил. Да и оговорка Шмайсера, сократившего имя кронпринца наполовину, что является немыслимой дерзостью, вряд ли случайна. Чтобы так сделать, нужны веские причины.

– Из Англии поставлены десятки танков, Хайнц, и я считаю, что только вы подходите на должность командира полка. Имеете, так сказать, соответствующий опыт. Что вы ответите на это предложение?

– Готов служить кайзеру и рейху!

– Опережаете события, Хайнц, – Шмайсер улыбнулся, – немного, но вы торопитесь...

– Виноват, герр оберст-лейтенант!

Гудериан чувствовал себя совершенно счастливым, каким еще ни разу не был в жизни. Как не радоваться майору, которого еще утром считали предателем и дезертиром, – вместо расстрела получить должность полковника. Да тут любая сказка былью покажется!

– В переводах солдат и унтер-офицеров в полк я вас не ограничиваю. В других случаях подавайте рапорт мне лично!

– Так точно! – рявкнул Гудериан во все горло – Шмайсер пользовался немалым влиянием, раз так сказал, а потому иметь его в покровителях многого стоило. И потому сразу же воспользовался моментом, понимая, что каждая минута для спасшего его жизнь человека очень дорога. – Разрешите походатайствовать перед вами, герр оберст-лейтенант, за моего ординарца, ефрейтора Гитлера Адольфа – его приговорили к повешению и уже увели...

– Вéнец? Художник с вечно голодным видом? Жив, курилка, ну надо же! Не успел я его, того...

Шмайсер несколько оживился и, приоткрыв тяжелую дверь камеры, отдал негромкий приказ. Ему немедленно ответили, и подполковник помрачнел, повернувшись к Гудериану:

– От судьбы не уйдешь – вздернули его! Как русские говорят – что сову об пенек, что пеньком об сову, все равно сове помирать! Зато гарантия в будущем получена, можно не беспокоиться... Так что служите кайзеру, майор, и, может быть, вас позже назовут «отцом панцерваффе»!

– Это только наше временное отступление, не больше чем тактический ход! Выигрыш времени для собирания сил, а потом новый революционный натиск, товарищи...

Вождь мировой революции судорожно дернулся, лицо исказилось, борода вздернулась – болезнь продолжала оказывать на Ленина губительное воздействие, а горестные новости с фронтов еще более усугубили состояние его здоровья.

– Мы почти победили в Германии, но тамошняя контрреволюция поступила так же, как и здесь, – собралась под знаменем воинствующего монархизма, выбрав себе нового кайзера. Пока реакционеры слабы, но скоро станут намного сильнее, если мы не ударим по ним всеми нашими силами и не спасем немецких товарищей. Революция тогда чего-либо стоит, когда умеет защищаться...

При последних словах Ленина все собравшиеся в кабинете члены ЦК посмотрели на Фрунзе – землисто-серого от недосыпания, усталости и бесконечной нервозности. И было отчего – всего за три месяца белые вышли к Волге на всем ее протяжении, из трехмиллионной Красной армии осталась едва десятая часть – дезертирство и массовый переход на сторону белых стали обыденным явлением.

Сейчас все отчетливо понимали – катастрофа произошла на всех фронтах, но особенно на юге. Казачьи разъезды уже сновали у московских предместий, главная ударная сила белого движения – добровольческие корпуса и гвардия выступили из Тулы, единственного бывшего у большевиков арсенала с оружейными заводами.

Ситуация усугублялась отчаянным голодом – длившаяся три года «военного коммунизма» подразверстка окончательно подорвала крестьянские хозяйства, посевы стремительно сократились, хлеб взять неоткуда, несмотря на массовые расстрелы кулаков.

– Теперь Германия является главным центром мировой революции, наша задача всемерно усилить ее, направив туда все запасы и лучших товарищей! А Россия... Мы ее не удержим, да и нет смысла...

Ленин устало откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза веками. Члены ЦК дружно переглянулись с нескрываемым удовлетворением – главное прозвучало, хотя и не было произнесено – «эвакуация». Хорошо, что месяц тому назад были сделаны подготовительные мероприятия, собрано достаточное число паровозов и вагонов.

– Они нас душат, обвиняют смертным кольцом, как удав свою жертву... – Ленин неожиданно очнулся и заговорил пронзительным голосом, лихорадочным от внезапного возбуждения: – Но в этом их поражение! Мы уйдем из разоренной страны, и все недовольство голодных пролетариев и бедняков будет обращено на буржуазию и монархистов. А будущей весной мы вернемся и ударим так, что все их воинство разлетится. Германия – передовая страна, и она вооружит победоносную Красную армию, вольет в ее ряды новых бойцов, что будут яростно сражаться за советскую власть.

– Владимир Ильич, нам нужно хлопнуть дверью так, чтобы весь мир содрогнулся от ужаса! Оставить им от всей Москвы пепелище, разрушить заводы, взорвать мосты...

– Да вы балаболка, товарищ Бухарин!!! – Ленин взвился с места, брызжа слюной от ярости. – Нам же их восстанавливать придется в следующем году! Пусть берут все, даже мой ГОЭЛРО себе присвоят... хи-хи... А мы все отберем обратно – уже восстановленное и пригодное! Я прошу проследить, Иосиф Виссарионович, – никакого «хлопанья дверью»! Таких ретивых товарищей нужно приструнить!

– Я понял, Владимир Ильич! – коротко отозвался секретарь ЦК Сталин, чуть наклонив

голову, и что-то быстро написал карандашом на лежащем перед ним листком бумаги.

А Ленин уже покинул кресло и тяжело прошелся по мягкому ковру, взмахнув рукой:

– Вывозим только ценности, оружие и тех соавработников, кому угрожают казни. Все остальные, в ком нет надобности, должны остаться – будет кому поручить организацию восстаний и установление советской власти, когда мы вернемся обратно!

– Мы с вами еще совсем недавно были противниками, уважаемый Шариф-паша!

Наместник императора на присоединенной территории турецкой Армении и командующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал Николай Николаевич Юденич улыбнулся в густые фельдфебельские усы, не сводя глаз с сидевшего перед ним собеседника.

– Но мы никогда не были врагами! Русские солдаты и казаки искренне уважают ваших одноплеменников, ценят их беспримерную доблесть и отвагу. И даже в эти нелегкие времена наш император Михаил Александрович нашел возможность ответить на ваше послание, генерал.

– Да хранит Аллах его императорское высочество!

Шариф-паша сложил ладони на груди и низко поклонился в знак уважения перед прозвучавшим именем. Лидер трехмиллионного курдского населения бывшей турецкой империи долго пытался в Версале найти у победителей Антанты признание независимости его народа, но в Париже предпочли забыть данные когда-то «дикарям» обещания и буквально разорвали народ на три части, жадно деля наследие Оттоманской Порты.

Грабеж обставили решением Лиги Наций, которая, понятное дело, отдала Месопотамию под управление британцам, а Сирию французам. Большая часть курдов проживала именно там, остальных союзники «благородно» оставили туркам и покладистым перед ними персам, где под властью шахиншаха проживало несколько десятков тысяч представителей этого разорванного на куски народа.

Такое решение победителей курды встретили с негодованием, но массовое восстание в Ираке было жестоко подавлено английскими войсками всего два года тому назад.

Однако сейчас Шариф-паша впервые почувствовал, что создание Курдистана более чем возможно и вековое желание курдов может быть удовлетворено только одним человеком на свете – императором далекой северной страны.

Россия возвратила свое могущество, ее войска снова вернулись в эти земли, взяли штурмом Эрзерум, вышли к истокам священной для курдов реки и нанесли ряд тяжелых поражений османам, против которых его соотечественники много раз поднимали восстания.

– Если вы предпримете наступление супротив турок и станете нашими верными друзьями, – Юденич заговорил напористо, по делу, ибо все остальные вопросы уже были обговорены в течение прошлого вечера, – то поддержим ваше ополчение, «Пешмергу», вооруженной силой. Мы готовы передать вам все взятые нами турецкие трофеи – полсотни пушек, пятьсот пулеметов, сорок тысяч винтовок и многое другое, в чем вы испытываете крайнюю нужду, – снаряжение, амуницию и боеприпасы. Поможем вашему народу медикаментами и продовольствием.

– Мы будем воевать с турками, сиятельный мушир! – Шариф-паша сверкнул глазами и склонился, именуя русского наместника на турецкий лад. – И почтем за честь сражаться рядом с вашими доблестными аскерами и казаками. Несколько лет тому назад вы, победоносный воитель, объявили о создании Евфратского казачьего войска...

– По повелению злодейски убиенного большевиками благоверного императора Николая Александровича был издан этот высочайший манифест. – Наместник продолжал хранить невозмутимость, хотя давно понял, о чем хочет поведать ему Шариф-паша.

«Прав генерал Арчегов, когда сказал, что курдам деваться некуда и это обстоятельство нужно использовать в наших интересах. Все правильно – это будет шаг вперед, и большой!»

– Множество курдов-христиан пожелают вступить в казачество и дать присягу хранимому небесами «белому царю». Наши уважаемые старейшины желают перейти со всем народом под его высокое покровительство, как сделали ваши единоверцы армяне. С ними мы бы желали

установить самые добрососедские отношения и забыть то прошлое, которое принесло нашим народам много горького...

Николай Николаевич Юденич, получивший пока единственный фельдмаршальский жезл в императорской армии, который последний раз был дарован знаменитому сподвижнику Александра II, военному министру Милютину, задумался на минуту – предложение было сделано слишком откровенное, на такое он не рассчитывал.

Русская помощь курдам пойдет через Эривань!

Являясь формально независимым государством, Армения за последние полгода втрое увеличила территорию, вернув исторические земли, захваченные турками, и тем отомстившая за резню одноплеменников в 1915 году.

Так что желание курдов понятно – у них те же проблемы, что у армян. Да и Россия будет иметь полное право от «союзников» соблюсти прежние договоренности и выделить из Ирака и Сирии территории с курдским населением, а свое требование подкрепить выступлениями «Пешмерги», уже хорошо вооруженной, оснащенной и обученной русскими советниками.

На большую войну англичане с французами уже вряд ли пойдут – не те времена на дворе наступили, а с малым числом интервентов объединившиеся курды при поддержке России легко справятся.

А там и с Персией вопрос удастся решить – опять, где уговорами, а где и оружием. И станет вновь открытый Курдистан вечной головной болью как для «союзников», так и турок, что гораздо важнее.

«Это и есть асимметричный ответ, как сказал молодой генерал. Умен, даже чересчур – о таком иезуитском ходе я бы не подумал!» – Юденич мысленно усмехнулся, продолжая держать лицо каменным, и задал всего один вопрос, на который сейчас не имел ответа:

– Вы говорите от лица всех соотечественников? Но ведь у ваших людей совершенно разные взгляды...

– Это так, ваше высокопревосходительство. Большинство мусульмане, сунниты и шииты, но много христиан и езидов. Вера разная, так и есть, – но мы все вместе, а это главное – курды!

– Мы еще вернемся... – разъяренным мартовским котом прошипел Мойзес, хотя такой уверенности не чувствовал. Что-то внутри подсказывало, что белые пришли всерьез и надолго.

Москва словно вымерла – ярко освещенные летним солнцем улицы были пустынные, будто все население разом вымерло, но отовсюду доносились ружейные выстрелы, изредка стрекотали пулеметы, выплевывая убийственный свинец, да время от времени сотрясали воздух отдаленные взрывы – это грохотала артиллерия.

Автомобиль, натужно ревя изношенным двигателем, несясь вперед, дребезжа на брусчатке и грозя рассыпаться с каждой пройденной верстой.

Мойзес уцепился за сиденье, его иногда кидало на сидевшего рядом Бокия – чекисты уходили последними, не успев доделать дела, ибо время не просто поджимало, его уже не имелось.

Вчера сводки были успокаивающими, и все надеялись, что эвакуация пройдет успешно. Но кто мог предполагать, что на рассвете в город ворвутся неизвестно откуда взявшиеся казаки, устроив настоящую бойню!

Совработники побросали ценности и имущество и побежали на вокзал, торопясь попасть в спасительные эшелоны, направлявшиеся в Минск и далее, на Варшаву и Берлин.

Чекисты все же успели покинуть свое здание на Лубянке, отстреливаясь от донцов, что пошли на штурм при поддержке снятого с передка конного орудия.

Такого кошмара никто не мог представить, а потому сбежали все, побросав приготовленное к эвакуации имущество и документы. Даже арестованных не успели перестрелять в камерах и поджечь здание бывшего страхового общества – паника охватила сотрудников ВЧК почти мгновенно, страх перед озверелыми казаками пересилил чувство долга.

Хотя не все удирали сломя головы – вышколенная охрана из отборных и проверенных интернационалистов смогла прикрыть бегство, дав многим ту спасительную минутку, что порою важнее любого прожитого, особенно будущего, года, которого просто не могло быть.

– Казаки! – Бокий закричал во все горло, выхватив из деревянной кобуры маузер. Мойзес оглянулся назад – между домами, вслед за машиной, люто настигивая коней нагайками, бешено скакали несколько всадников. Волосы на голове мгновенно встали дыбом – верховые догоняли, живая лошадь оказалась быстрее мотора.

– Скорее!

Над ухом застучали выстрелы, раскаленная гильза обожгла щеку, но чекист не обратил на боль внимания – не до того было. Пригнувшись, Мойзес вырвал из кармана кожанки «наган», прижав ногою дергавшийся на ухабах туго набитый чемодан, что норовил выпасть из машины. В этой борьбе он не заметил, как за поворотом показалась спасительная железнодорожная станция, забитая уже тронувшимися в путь эшелонами.

– Не трать патр...

Над головой с чудовищным свистом пролетел снаряд, и тут же взрыв разнес каменный флигель перед преследователями. Две лошади свалились, придавив всадников, оставшиеся казаки стремительно шмыгнули в переулочек – дымящий бронепоезд, ошестинившийся орудийными башнями, был им явно не по зубам...

– Трогай, товарищ Марченко! Нам пора уходить, скоро тут будет жарко, как в пекле, – белые наверняка за пушками отправили!

Мойзес проследил взглядом последний эшелон, медленно ползущий к выходной стрелке. Но паровоз вскоре добавил хода, стараясь побыстрее покинуть цитадель большевизма.

Бронепоезд «Красный пролетарий» прикрывал отход и обеспечивал эвакуацию до конца – команда из проверенных балтийских матросов уже три раза пускала в ход артиллерию и пулеметы, отгоняя от станции лезущих со всех сторон казаков.

– Эх, сколько добра пропадет!

Командир бронепоезда огорченно взмахнул рукою, печальными глазами посмотрев на длинные вереницы нагруженных теплушек и платформ, что буквально забили запасные пути – именно они привлекали внимание охочих до трофеев станичников.

– Может быть, фугасными тут все в щепки размолотим, товарищ Мойзес? Десяток залпов всего...

– Не стоит, побереги снаряды! Беяки могут впереди на пути выйти, тогда каждый патрон на счету будет.

– То верно!

Матрос одобрительно кивнул и по железной лесенке полез в бронированное нутро вагона, увенчанного сверху двумя башнями с хищными орудийными хоботами.

Мойзес бросил взгляд на белую надпись – «Отомстим мировой буржуазии за гибель Парижской Коммуны», – хмыкнул, мысленно отметив полную нелепость, но именно на таких доходчивых лозунгах коммунистическая пропаганда находила себе новых приверженцев. И стал медленно подниматься по лесенке, словно не беглец, а победитель.

– Мы еще вернемся!

– Прокопий Петрович, мне совсем не улыбается под «навозными» снова быть. Чего им здесь делать? Да еще эти пришлые мешают, что Столыпин сюда эшелонами отправлял!

Атаман Забайкальского казачьего войска генерал-майор Семенов скривился так, будто лимон целиком зажевал, – как и большинство коренных сибиряков, он не жаловал пришлый элемент, который десятилетиями «навозили» за раскинувшиеся после Уральских гор просторы.

Но даже если сибирская элита – интеллигенция, офицерство и купечество не жаловали пришлых, что говорить о старожилах и казаках, чьи крепкие и зажиточные хозяйства за годы гражданской войны постоянно подвергались всяческому разорению со стороны бедных «новоселов».

Ненависть поселилась в сердцах, и только время могло ее утихомирить, смягчить сердца!

– Мы под ними походим, – атаман Иркутского казачества зловеще усмехнулся, стекла очков угрожающе сверкнули, – если позволим на шею есть. В первую очередь я казак, и лишь потом генерал и считаю, что нечего здесь всяким командовать! Так что нужно поддержать Вологодского всей конференцией, благо за нами сейчас сила. Немедленно! Потом будет поздно – как только Деникин в Москву войдет, то с нами будут другим языком говорить. Для них мы всегда останемся пренебрежительными «казачками», так что сибиряки – наша опора от р-а-сейского барства...

– Да не похоже что-то на нынешние власти! – Семенов задумчиво погладил густые усы. – Перед Вологодским заискивают, нашему Нарсобу, – тут атаман усмехнулся, выразив свое отношение к Народному собранию, – послания шлют. Да и генерал-инспектор наш брат казак – Арчegov им спуска не даст, и подкоп под него подвести не смогут.

– Да, за ним царь, потому и пытаться не станут. Но вот пулей убрать запросто. Забыл, как в прошлом октябре в Константина Ивановича гвардейский хлыщ всю обойму «браунинга» высадил?

– За такие шалости головы отрывать нужно! – пробурчал Григорий Михайлович с неприкрытой злобой в голосе. – Эта старая сволочь снова гнездо при царском дворе свивать будет. И после нашей победы над большевиками опять к власти прорвется, нутром чую.

– Вот-то, Гриша...

Оглоблин улыбнулся и обратился к Семенову так же, как и прежде на Кавказском фронте, где он командовал 3-м Верхнеудинским казачьим полком, в котором лихой подъесаул управлялся сотней.

– Но сейчас не те времена, Прокопий Петрович! Нас восемь атаманов, и если выступим заедино, да еще с Вологодским, правительством и командующими округами, свою автономию отстоим! Сами решать будем, как нам жить, сами!

– Будто и не было иной жизни...

Семен Федотович стоял посередине Красной площади, возле оставленных экипажами небольших танков «Русских Рено», носящих гордые названия «борцов за свободу» Троцкого и Каменева.

– Надо же, а ведь Сталин в мое время к стенке поставил бы любого, попробуй кто в тридцать седьмом году названия этих танков упомянуть. И чего их побросали, сломались, что ли?

Полковник наскоро осмотрел танки и присвистнул от удивления – это какими же трусами нужно быть, чтобы вполне исправные машины, с полным боекомплектom и с заправленными баками, бросить как ненужный хлам, абсолютно бесполезный.

– Князь, оформите все как надо – у нас всего три «борзых» на ходу осталось! – негромко приказал Фомин стоящему рядом с ним адъютанту капитану Микеладзе.

Пылкий грузин был тяжело ранен в победном, но злосчастном для него бою с румынами под Яссами, потеряв кисть руки, но остался в рядах лейб-кирасирского полка, который почти все офицеры считали и родным домом, и второй семьей.

В этот поход он отправился после долгих уговоров своего командира – для участия в войне были отобраны только быстроходные английские танки, которых хватило только на один эскадрон, да и тот потерял три четверти машин из-за поломок.

– Это же французские «Рено», Семен Федотович? Странные они какие-то, и ходовая часть иная!

Микеладзе удивленно выгнул брови, медленно обходя трофейные машины и бормоча себе под нос на родном языке, абсолютно непонятном для полковника, но с едва сдерживаемой экспрессией. Горский аристократ попинал начищенным ботинком ведущее колесо, зачем-то постучал кулаком по башне, не скрывая недоумения.

– Мистификация!

– Наша работа, русская. В Сормово «товарищи» в этом году изготовили два десятка машин! – с улыбкой пояснил Фомин, прекрасно знавший историю этих танков, являвшихся почти точной копией более ранних «Рено», но гораздо худшего качества постройки.

– Надо же, не знал... – теперь удивленно присвистнул грузин. – При большевиках, оказывается, заводы не просто работали, но и танки смогли изготовить. У нас в прошлую войну их на фронте никто не видел, патронов и винтовок – и тех не хватало, а тут... Дела!

– Ничего удивительного! – Фомин пожал плечами. – Зато мы несколько сотен броневигов изготовили, пусть и на шасси английских «Остинов». А танки не делали, это верно, так ведь о них в шестнадцатом году только узнали. Не успели просто, князь, но определенные работы велись. Тот же танк Гулькевича взять, что на шасси американского трактора бронировали, или «Остины-Кегрессы» с резиновыми гусеницами – их уже при большевиках, используя старые заделы, в Петербурге с десятков оснастили. Так что удивляться не стоит, нет тут особой сложности.

– Смешно! Русский танк, изготовленный большевиками, рядом с нами на Красной площади. Все время мечтал вступить в Москву после жестокого боя, в дыму и пожарах, но под колокольный звон. Даже песня такая есть, но не думал, что не выстрелю в нашей Белокаменной ни разу, но буду стоять перед Кремлем. Ведь там мой закадычный друг погиб – в ноябре семнадцатого, он юнкером был.

– Война, князь, дело страшное и грязное, а гражданская вдвойне, что особенно прискорбно!

Семен Федотович пожал плечами, окидывая взглядом известную каждому русскому

человеку площадь. Под красными стенами Кремля, испещренными пулями с тех осенних боев, лежали кучи мусора, ветер гонял обрывки бумаги.

У Лобного места застыл грузовик, кузов которого был набит ящиками, а рядом с ним лежали несколько тел в гимнастерках с зелеными «разговорами» – такие Фомин впервые увидел, никак не думал, что в Москве могут быть пограничники.

– Везде разруха и запустение, грязь и мусор – все это верная примета власти «товарищей»!

– Авгиевы конюшни, право слово, князь! И нам их чистить придется, ибо больше некому...

Фомин еще раз огляделся, разглядывая плоды революционного лихолетья. Такой он Москву видел в свое время только в двадцатом году, когда вернулся с польского фронта. Но тогда на улицах было чуть-чуть попригляднее, сейчас все выглядело действительно ужасно. Но зато из души ушла тоска, сердце радостно стучало в груди.

– Это победа, наша победа!

Только сейчас Семен Федотович окончательно уверился в происходящем – ведь скоро наступит мир, он, как и множество других людей, будет жить, любить, растить детей, их всех ждет совершенно другое будущее, намного лучшее – тут он верил истово, – чем то, что было уготовано в совсем другой истории. И не в силах сдержать обуревавшие его эмоции, он, как заведенный, повторил:

– Это победа, князь! Наша победа!

– Победить лихим наскоком не вышло, и теперь нас ждет долгая изнурительная война!

Несмотря на неприкрытый пессимизм, прозвучавший в словах, Шмайсер улыбался, чем вызвал недоуменный взгляд кронпринца. И на то были причины – Фридрих-Вильгельм хорошо понимал, что просчитался в своем желании покончить с красными одним ударом. Однако взять Берлин не удалось – малочисленный рейхсвер увяз в боях уже на западных окраинах столицы.

– Ваше высочество, нужно отступать за Эльбу, иначе мы погубим то немного, что имеем! – Подполковник виновато улыбнулся и чуть тише произнес, буквально выдавливая из себя слова: – Без помощи русских мы потеряем Германию...

– Ты так считаешь, Андреас?

– Да, ваше высочество. За последний год большевики привезли для советизации западных стран сюда, в Польшу, Чехию и Францию, свыше миллиона своих партийцев, главным образом евреев. Тех самых, что в пятнадцатом году эвакуировали русские из местечек, под напором нашей армии. Есть одна русская поговорка – как аукнется, так и откликнется. Этот гонимый народ устроил у нашего соседа такое, что хоть святых выноси, а сейчас принялся и за нас, благо многие из них хорошо говорят по-немецки и на польском. Настоящие «интернационалисты» и на все готовы...

– Перспектива удручающая...

Кронпринц мотнул головою, словно отгоняя плохие мысли, но его «тайный советник» снова вернулся к болезненному вопросу, причем не скрывая опасений.

– И это еще не все – скоро сюда припожалуют еще полмиллиона русских коммунистов, половина из которых опытные и умелые солдаты. Ведь у их Фрунзе остались самые надежные и отборные части, что прикрывают эвакуацию из Москвы.

– Надеюсь, что белые их хорошо потрепят...

– Не обольщайтесь напрасно, ваше высочество, они их не гонят, не преследуют с целью истребить без остатка. Русские скорее выдавливают большевиков, стараясь перехватить только увозимые ценности. Зачем всерьез воевать с большевиками и нести напрасные потери, если гораздо лучше переложить на вас, ваше высочество, эту непосильную задачу.

– Но это же...

– Политика чужда сантиментов – это возврат вам старого должка в виде заплombированных вагонов в семнадцатом году да золотых марок, что пролились дождем на русскую революцию. Так что Эккезиаст был прав, когда сказал, что есть время разбрасывать камни и есть время их потом собирать. Недальновидная политика, ваше высочество, всегда приводит к таким результатам...

Шмайсер ухмыльнулся, а Фридрих-Вильгельм засопел – перспектива драться с прибывающими русскими большевиками, озлобленными изгнанием из страны, становилась не просто удручающей, а смертельно опасной для возрождения рейха.

– Великий канцлер Бисмарк был прав, когда советовал, даже настаивал, дружить с Россией. Мы все, я имею в виду европейцев, желали уничтожить восточного соседа, раздробить его на куски или, по меньшей мере, значительно ослабить, спровоцировав неурядицы и внутреннее беспокойство. Теперь все вернулось, как говорят русские, в обратку. Арчegov – гениальный хитрец, хотя и плохой генерал – но среди них хорошего политика сыскать трудно. Он спас Россию, заплатив Европой! Потому, по большому счету, оно нам было надо?

– Андреас, когда я говорю с вами, то чувствую, что беседую с русским. Вы все время задаете вопросы и тут же ищите на них ответы. Вся их литература просто полна поиском истины, и

особенно там, где ее просто не может быть!

– Обрусел я, ваше высочество, прикипел душою, как они говорят. Знаете что – желания опасны тем, что они могут исполниться. Вот только разбитая и униженная Россия вдвойне опасна, чем сильная и богатая. Сытый русский добр и преисполнен любви ко всему, но поставленный на грань смерти опасен, ибо будет сражаться до последней капли крови. И это не пустые слова, ваше высочество, за ними стоит многовековой опыт! Вспомните историю – любого захватчика русские всегда изгоняли, так что не стоит вступать на эту землю с оружием в руках. Хлопотное это дело!

– Вы говорите вещи, Андреас, которые и сам хорошо понимаю. Ну раз вы ответили на сакраментальный русский вопрос – кто виноват, то невольно возникает другой, не менее важный – что делать?

– Пилите, Шура, пилите – они золотые...

– Что вы сказали, мой друг? Я еще плохо знаю русский язык, чтобы понимать речь!

– Это слова из одной книги, ваше высочество, той, которая никогда не будет написана. Но отвечу – Ленин сравнил свое учение с чумой, и он прав. Русские переболели, но еще выработали к ней не только иммунитет, но и лекарство. Так что только в их руках наше спасение! Если Михаил захочет, то мы вернем свое, нет – Германия снова станет раздробленной, где баварцы и австрийцы перестанут считать себя немцами.

– При чем здесь австрийцы...

Фридрих-Вильгельм осекся и задумался, тяжело прошелся по комнате, что когда-то была его в этом большом отцовском дворце, но когда поднял голову, Шмайсер заметил в его глазах огонек понимания.

– Канцлер Отто фон Бисмарк умный человек, а заветы такого мудрого политика нужно чтить! Но, как я понимаю, в дружбе с Михаилом я буду вторым, а не первым?!

– За все нужно платить, ваше величество!

– Ты впервые назвал меня кайзером! Почему?

– Потому что именно сейчас вы им стали! Хотя это будет стоить мне головы – на память и Арчegov, и ваш «брат» никогда не жаловались. Но если таковой будет цена спасения фатерланда, то я согласен!

– Не торопись умирать, мой друг, я слишком ценю тебя, чтобы принести на заклание. Они же политики, могут смирить чувство мести, пусть и справедливое... – Кронпринц усмехнулся и, подойдя к подполковнику, взял того за рукав мундира. – Как я понимаю, платить по Версальским обязательствам Россия нас не заставит?

– Так точно, не заставит...

– Потому что установит свою цену? Ведь так?! И какова она?

– Славяне принадлежат им, а немцы вам – на такое соглашение император Михаил пойдет. И спасет нас – страна на грани голода, нужен хлеб, а он у русских. Да и большевики, которых они выдавливают, чрезвычайно активный, но совершенно чуждый их народу элемент. Пришлый, я бы так сказал! Ослабить Германию царь желает, но ее уничтожение окажется не в его интересах – ведь вы главная надежда в его планах!

– Даже так?! Россия всегда стремилась построить у себя заводы, что станут конкурентами для наших, ведь сырье для них имеется в изобилии, не то что у нас. Не велика ли цена за такое будущее, когда надобность в наших поставках и помощи перестанет быть нужной?

– В роли «младшего брата» вы недолго пробудете – как только мы оправимся, то сможем отстаивать свои желания. Что касается русских заводов, то поверьте знанию – как наши соседи ни старались, но и в конце века изобилие у них не наступило, да и никогда его не будет!

– Вот это меня и утешает! Ну что ж... Я напишу Михаилу...

— Зачем быть просителем, государь? Сами дадут, да еще довольны будут. Тут нужно действовать иначе...

– Люблю тебя, Петра творенье... – нараспев произнес Арчegov, с жадностью вдыхая солоноватый неvский воздух. За широкой свинцовой гладью реки возвышались одетые камнем бастионы Петропавловской крепости, сверкал в тусклых солнечных лучах золоченый шпиль да желтели осенним листом немногие уцелевшие деревья.

Вообще в большинстве городских парков и скверов торчали пеньки. Деревья, вкyпе со скамейками и лавками, были пущены предприимчивыми жителями на дрова, дабы согреться в морозы, так как обеспечить огромный город углем или торфом председатель Петрокоммуны Зиновьев оказался не в состоянии.

Зато, к великому негодованию рабочих, данная особь оказалась шустрой, как знаменитая ингерманландская минога, сумев скрыться из Смольного, бывшего института благородных девиц, когда тот негодующие рабочие уже взяли штурмом, сводя накопившиеся счета с «выразителями» их интересов.

– Это за четыре месяца немного прибрались, а до того тут такое творилось безобразие, что сразу не опишешь! – Воспитанный на любви к флотскому порядку адмирал Колчак чуть ли не сплюнул, настолько выразительным стало его чисто выбритое лицо.

– В Сибири тоже бардак был, как и на юге, но года хватило, чтоб элементарный порядок навести! – Арчegov пожал плечами, как бы закончив – «на все есть свое время».

– Да, революция умеет только разрушать, к созиданию она не способна, Константин Иванович...

– Извини, но не соглашусь с тобою! Разруха, конечно, отчаянная, и потребуется лет пять для того, чтобы жизнь стала прежней. А то и все десять лет, чтобы экономике, особенно промышленности, на нормальный уровень страну вывести. Революция смела все отжившее, и будет великой ошибкой пытаться реставрировать старые порядки! Их просто не будет – сам народ не воспримет. Так что сейчас простор для творчества, хотя контроль государства должен быть жестким, тут я всецело поддерживаю и Кривошеина, и Вологодского. Главное, не будет тотального обнищания народа в коллективизацию, хотя индустриализацию проводить нужно – война необходимость такого хорошо показала. Но постепенно, лет на двадцать, выработав пятилетние планы развития всей страны – я тебе говорил об их пользе.

– Хотелось бы увидеть...

Колчак вздохнул с таким желанием, что генерал по-доброму усмехнулся – адмирал подошел к пятидесятилетнему рубежу и был еще полон физических и духовных сил, самый расцвет любого военачальника и государственного деятеля, когда еще имеется хорошее здоровье, получен большой жизненный опыт и накоплены знания.

– Сам примешь в этом участие, я в твоих флотских заботах до сих пор ни ухом, ни рылом! Как и во многих других делах...

– Не приbedняйся, всем известно, в каком у нас тандеме главнокомандование осуществлялось. Ты мне только скажи одно – с каких это пор Россия свои территории запросто раздает?!

– Намекаешь на Прибалтику?

– Не только – есть странности с Венгрией – Хорти же дал обязательство отдать Закарпатскую Русь и Северную Буковину, где православного населения, русинов и малороссов, большинство. Да еще с Грецией мне непонятно – зачем им Трапезунд, что флот взял, в их руки отдавать?

– Ты же моряк, Александр Васильевич?

– Не смею отрицать... – осторожно произнес Колчак, поняв по интонации генерала, что опять угодил в ловушку.

– Значит, рыбу ловил или видел, как ловят! Китов гарпуном бьют, но вот как здоровущую акулу вытащить?

– У нас на крюк наживку делали – шмат испорченной солонины. Десяток матросов на трос, чтобы ее на палубу вытащить, вот и вся ловля.

– Вот так все наши соседи и друзья наживку заглотили, а мы ее подсекли! – засмеялся Арчegov, но тут же стал серьезным. – Они с нами союзный договор подписали, в котором уступаемые территории имеют особый автономный статус, и это при лояльном к нам отношении. В случае отказа в будущем от соглашения они обязаны все вернуть обратно, так же как вложенные в их страны деньги.

– Надо же, не знал...

– Так об этом не пишется открыто. Можно, конечно, гарпуном ударить, но зачем нам войной «Единую и Неделимую Россию» возрождать, если то же самое мирно можно сделать и при самом доброжелательном отношении населения. Такова природа человеческая, государства этим тоже грешат – проглотить, не подумав, что скрывается под наживкой. Только финны сообразили и решили остаться с Выборгом, чем по глупости вернуть себе в будущем прежний статус.

Арчegov замолчал, посмотрел на медленно текущие воды Невы, на покрытые осенним багрянцем деревья, начавшие скидывать листву, и, повернувшись к адмиралу, негромко заговорил:

– Я собственными глазами видел распад Советского Союза и то несчастье, что случилось с народами, которых с кровью разорвали. Здесь то же самое, но большевики, пусть кровью, пусть жестокостью, должны были объединить страну, но... Проиграли, стоило погнаться за миражом! Видишь ли, любая революционная армия, оторвавшаяся от взрастившей ее почвы, рано или поздно гибнет. Так произошло с французами, так было в той войне против поляков, где случилось «чудо на Висле», и Эрнесто Че Гевара, которого искренне уважаю, кубинский коменданте, напрасно поехал в Боливию. Да что далеко ходить – бросок Красной армии на запад перед твоими глазами происходил. Вот такие у нас пироги с котятами!

Генерал задумчиво посмотрел на большой белый крест ордена Святого Георгия III класса, оранжево-черная лента обвивала шею адмирала, подчеркивая свою значимость.

Колчак в свою бытность Верховным Правителем разрешил награждение этим высшим боевым орденом в войсках Восточного фронта, чем вызвал резкие протесты среди офицерства на юге, в армии Деникина – там праведно считали, что такое награждение за отличие в междоусобной брани недопустимо.

Решение по этому раздражающему вопросу принял император – колчаковцы полученные Георгиевские кресты сняли, и пример подал сам адмирал, получивший третью степень по решению кавалерственной думы.

Сам Арчegov носил на груди только четвертую степень, ибо воевал с иноземным супостатом под Иркутском – с чехами, – за взятие «Блестящего» получил свою награду, столь почетную в русской армии.

Стоящий перед ним адмирал снова носил на шее знакомый по фотографиям крест – за победную войну с румынами награды посыпались ливнем. Михаил Александрович рассчитался с офицерством и генералитетом, учитывая их прежние заслуги, выдав четыре десятка заветных наград, среди которых были два больших креста второй степени со звездами, дарованные им генералу Деникину и графу Келлеру.

Но это никого не удивило – оба генерала имели меньшую степень в войне с германцами, а их части – «железные» стрелки и 3-й кавкорпус – покрыли себя неувядаемой славой.

Теперь число кавалеров этой высшей награды снова стало прежним, ибо генерал Иванов скончался от тифа, а генерала Рузского расстреляли большевики. Так что к великому князю Николаю Николаевичу и фельдмаршалу Юденичу добавились два новых кавалера, получивших одновременно с крестами и вожделенные скрещенные жезлы на погоны.

– Штыками народ покорить можно, но вот любить вряд ли заставишь, только бояться. А так все получилось как нельзя лучше – мы им территорию с русскими людьми, они нам лояльность. А за годы империя окрепнет, будет способна защитить всех – это вызовет тягу к ее культуре и языку у всех. Так что через полвека мы будем иметь в этих странах народы, переплетенные с нами родственными узами, культурными и экономическими связями. Появится огромный Русский Мир, от Тихого океана до берегов Адриатики и Северного моря. Да-да, не удивляйся – Дания и сейчас к нашему монарху неровно дышит, и будущий кайзер ему письма шлет. Германии деваться некуда – все ее надежды связаны с нами, без тесного союза справиться с победителями в одиночку она никогда не сможет.

Арчegov с улыбкой посмотрел на задумчивого друга и, положив ему руку на плечо, проникновенно произнес:

– Вот так, Александр Васильевич, англо-американскому миру, основанному на деньгах и идеологии «демократии», мы все должны противопоставить свой с совсем иными, чисто человеческими ценностями, где духовность, а не безрассудное потребление и свобода индивидуума, должна стать главным приоритетом. А такое может быть только у нас...

– Спаси и помилуй...

Стоять на посту в темном коридоре, освещенном лишь одной тусклой лампочкой, да еще за полночь, было жутковато. Бывший капрал чешских легий не боялся ночи, дело было в другом – непрерывный скулеж и тихий вой доносился из-за плотно закрытой двери почти непрерывно, бередя душу отравой сгустившегося ужаса и изматывая нервы.

Там, внутри комнаты, умирал привезенный из Москвы вождь мирового пролетариата, смерть к нему все не приходила, а он страшился ее принять достойно, постоянно скуля, думая, что тем отстрочит ее появление и выиграет дополнительные часы для жизни.

«Росчерком пера умертвил сотни тысяч душ, а свою дьяволу давно запродавал, вот и боится предстать перед судом небесным», – мысленно скривился Колер, расслышав очередной тягучий всхлип, полный безысходной муки и липкого животного страха. И в который раз проклял свою судьбу, заставившую ради спасения семьи сделать нелегкий выбор.

Иржи с женой и грудной дочерью пришлось бежать из Тешина, бросив дом и хозяйство, но зато спасая собственные жизни. Массовый террор, обрушившийся на поляков в ответ на убийство Дзержинского, не столько запугал, сколько озлобил, ожесточив сердца.

Выстрелы загрели повсеместно, и с особой яростью ляхи принялись убивать чехов, небезосновательно полагая, что те виновны в массовой гибели соотечественников намного больше русских большевиков.

Колеру пришлось принимать участие в ряде карательных операций, что окончательно отвратило капрала от служения советской власти, но укрепило его авторитет у чекистов настолько, что его перевели в Прагу, куда переехал Совет Народных Комиссаров из Москвы и где было торжественно объявлено о создании Чешской советской республики.

И вот теперь он стоит на посту перед дверью самого могущественного, как ему казалось раньше, человека на земле. Вот только реальность оказалась намного прозаичней, безжалостно рассеяв иллюзии.

Колеру выпало охранять того, кто уже в этом никак не нуждался. Да и сам стал ненужным – за исключением грузина с искалеченной рукою, но с цепким взглядом на изрытом оспой лице и полной, рано увядшей женщины, супруги, вождя никто не посещал.

Наркомы забыли о существовании своего председателя, уделяя все внимание курчавому истеричному «первому маршалу» – Троцкому, что купался в лучах эфемерной славы и своей безжалостностью к явным и мнимым «врагам революции» наводил жуткий страх.

– Сик транзит gloria мунди...

Строчки латыни, слышанные в гимназии, непроизвольно всплыли в его голове, вызвав на губах грустную улыбку. Действительно, древние римляне правы – именно так проходит слава земная...

– Ну надо же...

Генерал-адъютант Арчegov с шумом выдохнул, потрясенно всматриваясь в большой экран, на котором замерло черно-белое изображение кадра кинохроники. Фильм привез вчера прибывший из Германии военный представитель императора генерал-майор Петров.

Константин Иванович уже посмотрел его несколько раз, ощущая внутри смутное чувство беспокойства. Теперь все встало на свои места – в который раз интуиция не обманула.

– Ты это о чем, друг мой?

Император Михаил Александрович, расположившийся рядом в удобном мягком кресле, щелкнул зажигалкой, раскуривая папиросу, собственноручно набитую им душистым турецким табаком. Привычка – вторая натура, и монарх никак не мог отказаться от османского зелья и перейти, как говорилось в будущем времени, которого уже никогда не будет, на «товары отечественного производителя».

– Ты всмотришься в первого в шеренге офицера, того самого, которому твой «кузен» пожимает руку. Весьма примечательная личность, очень сильно походит на одного нашего общего знакомого, сгинувшего недавно, но перед тем изрядно напакостившего.

– Хм...

Последний российский самодержец, а ныне первый конституционный монарх внимательно просмотрел избитый сюжет, который он видел несколько раз. Кинохроника, как и другие подобные фильмы, снималась операторами в охваченной пламенем гражданской войны Германии и предназначалась для показа всему миру.

В центре событий, как всегда, красовался один-единственный персонаж – бывший кронпринц Фридрих-Вильгельм, радостный, счастливый, еще молодой, сорока лет от роду, ставший два месяца тому назад «де-факто» третьим кайзером возрожденного рейха, под второй частью своего сокращенного имени.

Его отец, прежний кайзер Вильгельм II, сбежавший в Голландию от вспыхнувшей в Берлине в ноябре 1918 года революции, вернуться на имперский престол не мог ни при каком из раскладов, даже самом удачном. Слишком дурная у папаши сложилась репутация в глазах не только союзных стран бывшей Антанты, но и по всему миру.

– Знакомые вроде черты, но вот кто это?

Михаил Александрович недоуменно пожал плечами, пристально всматриваясь в замерший перед ним кадр. Кайзер в сопровождении толстого, как боров, престарелого фельдмаршала Гинденбурга обходил ровную шеренгу офицеров, вручая им награды за бои с красными.

– Такие сюжеты всем давно оскомину набили – то заводы с пароходами, то казармы с окопами, то пленные большевики с лавочниками. «Отец народа» и благодетель, словно и не ходил в потертых брюках. Твой братец переживает сейчас триумф, настоящий звездный час. Пусть пока насладится минутой мировой славы, печалиться позже начнет, когда мы по счетам потребуем!

Михаил Александрович усмехнулся, выслушав ехидные слова друга, – вступивший на германский престол монарх сейчас пользовался поддержкой у большей части немцев, хлебнувших советизации полной ложкой. А потому ликованию бюргеров не было предела, словно вернулись позабытые славные времена «той старой и доброй Германии». Вот только цену этому народному обожанию русский император хорошо знал, как и его генерал-адъютант, которого тоже обуревали похожие мысли.

«Что бы ты делал, кайзер, если бы не наша тайная поддержка, без которой тебя бы Ленин с

компанией давно бы съел без соли и без лука. Я на вас ставку сделал и, чего скрывать, не прогадал. Да и раскосые друзья должны не Сибирь терзать, а свой кусок у Китая добывать. И ведь урвут да сжуют молча, не поперхнутся. И тогда будет новый «союз трех императоров», что станет сильным противовесом. Англичане с американцами в проигрыше останутся, если от них еще французов отшатнуть, то вообще выйдет здорово. А ведь деваться им некуда – если Германия с Россией объединятся, им конец – вот и хвост поджали, снова в добрые друзья набиваются – чует кошка, чье мясо съела!»

Арчegov усмехнулся, припомнив рассказ военного атташе графа Игнатьева о беседе с диктатором Фошем – старого маршала прямо затрясло при упоминании большевистского нашествия.

Выводы парижские заправила вынесли самые серьезные – теперь в любой монархии, даже самой консервативной и отсталой, имелось демократических свобод куда больше, чем в республиканской Франции, которой сейчас социалисты всех мастей сторонились, словно бесы ладана.

– Ты чего задумался, Мики? Узнал их германское благородие или еще размышляешь?!

Михаил очнулся от резкого голоса друга и взгляделся в лицо офицера – молодое, резкое, с угловатыми чертами. Под хищным носом красовались знаменитые на весь мир усы «а-ля кайзер Вильгельм II», вытянутые, с закрученными вверх кончиками. И подбородок волевой, вперед выдвинут – такие офицеры себе цену знают.

«Знакомо, и где-то я его видел?! Нет, такие усаые мне давно не попадались! Хотя если это вильгельмовское украшение с лица убрать, то... Не может быть! Боже мой!»

– Ох, как тебя перекорежило! Со старым дружкой нас – наконец то памятку о себе дал, сволота!

Арчegov рассмеялся наигранно, но многообещающе – такой смех сулил очень нехорошие последствия. К агенту Абвера генерал относился как к личному врагу и все время мечтал свести с ним старые счеты. Вот только тот канул без вести, как рыба в мутной воде, и, несмотря на все старания, поиски оказались безуспешными.

Хотя свою роль в неудачном розыске сыграл и тот бардак, что творился сейчас в разоренной Европе, пережившей четырехлетнюю мировую войну и долгое революционное лихолетье. Да и политическая полиция Российской империи, что опять именовалась жандармерией, вкупе с ГРУ и другими полезными для державы силовыми структурами еще были, откровенно говоря, слишком малосильными, проходя тяжкий для любых спецслужб период становления, потихоньку обрстая нужными связями и приращивая по мере финансирования возможности.

– С ним Семен Федотович прямо жаждет встретиться, да и я не прочь за прошлое рассчитаться!

Михаил Александрович закрипел зубами и машинально сжал кулаки, с надеждой во взгляде посмотрел на генерала:

– Ты же сможешь это дело немедленно повернуть?!

– Все это голые эмоции, Мики, идущие из души и сердца...

Голос Арчегова прозвучал глухо, надтреснуто, словно сожалея о прошлом, том самом, в котором не было преград, враг был врагом, а друг другом.

– Мы должны мыслить только одной практической пользой. Тут дело интересно поворачивается, право слово. Это ведь нам знак подает, мерзавец эдакий, могу свою голову на отсечение дать, что в одной шеренге с ним стоят офицеры, что при Гитлере вермахтом заправляли. Хоть фильм этот черно-белый, но цвет петлиц как раз Генерального штаба.

Михаил Александрович внимательно всмотрелся в изображение – несколько офицеров походили друг на друга, как цыплята из одного выводка, – в мундирах рейхсвера.

Шестой, полный и представительный, в форме созданных месяц назад германских ВВС, явно выделялся из общей картины, как и седьмой участник этого церемониального награждения – в черном мундире с армейскими погонами, но с петлицами с эмблемами черепа. Восьмой офицер был во флотском кителе, с рядом нашивок на обшлагах.

– Если не ошибаюсь, то летчик есть сам Герман Геринг, я тебе про него рассказывал. «Наци номер два» он уже не будет, ибо нет ни партии, ни фюрера. Сгинул где-то Адольф Гитлер, мать его за ногу да об печку, не быть ему фюрером! А вот мундир ему недавно пошили, и точь-в-точь как в кинофильмах на офицерах люфтваффе. Ты посмотри, Мики, на «черного» – тоже форма панцерваффе, каких сейчас не должно быть! Потому можно не гадать, кто это, – зуб даю, что Хайнц Гудериан, «отец блицкрига»!

Михаил всмотрелся в офицера – молодой, с решительно сжатыми губами, без особой радости на лице, он ждал награждения высшей боевой наградой рейха – голубым крестом «Пур ле мерите». Арчegov продолжал говорить, размышляя вслух:

– А вот второй похож на Манштейна – чем-то на актера в фильме «Освобождение» смахивает, только помоложе. Моряк может быть Деницем, что в кригсмарине всем подводным флотом командовал – опять же, если влияние Шмайсера на нового кайзера правильно оценено. Остальных я не знаю, но не думаю, что ошибся в предположении. Сегодня же приказ отдам, и скоро мы все имена знать будем.

– Ты прав, Костя... – после минутной паузы, взятой на размышления, отозвался император.

– Это приглашение нас всех к переговорам, пусть и переданное таким эксцентричным способом!

– Удавил бы подлеца собственными руками, да нельзя этого нам делать – переговорить вначале нужно. Сильно их красные поджали, раз уже не только тебе и мне письма пишут, но и Шмайсера «раскрыли». Интересно, кто это сделал? Либо кайзер свою игру ведет...

Арчegov потянулся к папиросной коробке, задержал над ней руку, но так ее и не раскрыл – сдержался, преодолевая пагубную привычку и как бы демонстрируя волю, медленно поднялся с кресла и прошелся по мягкому ковру, задумчиво хмуря брови. Приблизился к стене и, протянув руку, щелкнул выключателем – над потолком загорелась хрустальная люстра, изображение на белом экране исчезло, а яркий свет нескольких лампочек заставил императора на пару секунд прикрыть веки.

– Это приглашение не только к политическому союзу, но и к военному, с признанием твоего верховенства. Иначе просто быть не может! Потому послание такое отправлено. Да-да, это именно послание, так и следует понимать. А это значит...

Генерал осекся, лицо побледнело – казалось, что он превратился в соляной столп, застывший посередине кабинета. Михаил Александрович с растущим напряжением в душе смотрел на своего друга и, не в силах вынести затянувшуюся паузу, воскликнул:

– Что это значит, Константин Иванович?

– Но если мы пойдем на такой союз и поможем задавить в Германии большевиков, то еще одна мировая война неизбежна...

Постскриптум. На необъявленной войне... (29 августа 1923 года)

– Как все счастливо сложилось... – прошептал Колчак, подставляя лицо соленому прохладному ветру – в море средиземноморская жара практически не ощущалась, но находиться в бронированном коробе рубки адмирал сейчас не хотел и оставался на мостике, хотя скалистые берега далекого острова уже виднелись на горизонте.

Там сейчас кипел бой, как и 120 лет тому назад, когда эскадра Ушакова осадила в крепости французов, подойдя на пушечный выстрел к бастионам. Тогда после ожесточенной канонады русский десант взял штурмом неприступную доселе цитадель.

Сейчас все происходило наоборот – итальянская эскадра из 5 линкоров и 2 броненосцев вошла в пролив между островами Видо и Корфу и высаживает с кораблей морскую пехоту, а немногочисленный русско-греческий гарнизон отчаянно сражается с врагом, дожидаясь помощи, которая уже близка.

Адмирал оглянулся, внимательно разглядывая линкоры эскадры, что потянулись кильватером за его флагманским «Синопом», известным ранее совсем под другими именами – английским «Эрин» и турецким «Решадие».

Почти не отличавшиеся от него ни по силуэту, ни по своим боевым и техническим характеристикам, но более ранней постройки, густо дымя трубами, рассекая острыми форштевнями волны, ходко шли «Наварин» и «Чесма». Они раньше тоже были английскими – «Орионом» и «Монархом» – первыми в мире сверхдредноутами, вооруженными десятком мощных 13,5-дюймовых пушек каждый.

Новое приобретение русского флота оказалось неожиданным даже для самого адмирала, который имел к их покупке самое прямое отношение.

Как и говорил ему давно Арчегев, Вашингтонская конференция все же состоялась, пусть и годом позже – слишком серьезные произошли в Европе и мире изменения, чтобы их не зафиксировать на межгосударственном уровне. С вчерашними побежденными державами, неожиданно возродившимися подобно сказочному фениксу из пепла, недавним версальским «победителям» ныне пришлось считаться.

Самого адмирала Колчака заботили тогда только флотские дела – предложенное госсекретарем САСШ Хьюзом радикальное сокращение станового хребта военно-морских сил – линейных кораблей – вызвало шок у многих политиков и адмиралов, кроме него самого, заранее знавшего об этом, а потому подготовившегося.

Паритет с Францией, Италией и Германией в тоннаже новых линкоров Александра Васильевича не озаботил – строить новых морских исполинов Россия, истерзанная мировой и гражданскими войнами, не могла, впрочем, как и вышеперечисленные страны. Но вырвать у Англии парочку пусть не новых, устарелых, но сверхдредноутов, обреченных на разделку согласно утвержденному в Вашингтоне сокращению, русский адмирал яростно желал, а потому настаивал на соблюдении Англией ранних договоренностей.

Вот только все другие участники переговоров встретили его предложение о выполнении старого предварительного соглашения с Лондоном в штыки – перспектива усиления России никого не прельщала, и, главным образом, самих британцев.

Но зато когда речь зашла о предоставлении одним только англичанам права на строительство двух новейших линкоров с 16-дюймовой артиллерией, дабы те смогли соблюсти пресловутый паритет с японцами и американцами, имевшими подобных новейших исполинов, русская делегация уперлась в отказе. Однако стоило «островитянам» согласиться все же продать русским два линкора, ставших «яблоком раздора», адмирал сразу пошел на «мировую».

Так что от этой сделки выиграли все заинтересованные в ней стороны – британцы получили двадцать миллионов рублей золотом, что намного превышало стоимость будущего «лома».

Угрозы от переданных кораблей фактически не имелось – воевать с «владычицей морской» Петербург не желал даже в отдаленной перспективе. Благодаря этому русские в полстоимости заимели мощную эскадру из трех «побед», которая в будущей войне с Италией должна была сыграть главную роль.

Но, как говорится, за все нужно платить – паритет приходилось соблюдать. Лондон и Вашингтон в этой сделке сумели хоть ненамного, но ослабить Россию: пришлось отказаться от восстановления балтийского линкора «Полтава», на котором в 1919 году случился пожар, и согласиться на передачу грекам черноморского «Адмирала Ушакова». Корабль в очередной раз сменил имя, на этот раз знаменитого всем морякам острова, у которого триеры Фемистокла уничтожили персидскую армаду царя Ксеркса.

Подписав Вашингтонское соглашение, русский флот лишился и других линкоров. Пошли на слом затонувшая от взрыва в Ахтиарской бухте «Императрица Мария», поднятая и отбуксированная к берегу, и стоявший в Николаеве на стапеле «Император Николай I», на волне революционного угара переименованный в «Демократию».

В Петербурге в жертву была принесена пара недостроенных корпусов линейных крейсеров, стоящих на стапелях, а на два, уже спущенных на воду в ходе мировой войны, в Вашингтоне дали согласие на переделку их в авианосцы. Однако ввиду плачевного состояния страны в целом и ее финансов в частности достройка кораблей могла произойти лет через десять, не раньше, и то в лучшем случае.

Под «нож» также отправили все броненосцы, которые вообще потеряли мало-мальское боевое значение, к тому же ремонт этих абсолютно ненужных кораблей влетел бы российской казне в большую копеечку. Так что к настоящему времени на Балтике и Черном море имелось по одной линейной эскадре из трех единиц, плюс два быстроходных «великих самодержца», которые тоже пошли в общий счет тоннажа, утвержденный на конференции для русского флота.

Впрочем, имелась еще одна страна, что очень крупно выиграла на этой сделке, – Греция, усилившая свой флот двумя пусть и потрепанными в войне, но вполне полноценными линкорами.

Кроме «Саламиса», полностью компенсировавшего потерю купленных у САСШ и трагически погибших «Киликоса» и «Лемноса», греки с русской помощью заполучили бывший германо-турецкий «Гебен», ставший «Базилевсом», что тихо ржавел на приколе в Мраморном море, предназначенный к слому. А потому англичане не обратили на ненужный им трофей внимания.

И совершенно зря!

Вчера эти корабли, бывшие враги, спешно отремонтированные в прошлом году, у острова Родос потопили два старых итальянских броненосца, попытавшихся сорвать высадку союзного десанта.

«Наполи» и «Рома», имевшие всего четыре 12-дюймовые пушки на двоих, за какие-то считанные минуты были буквально истерзаны, превращены в горящие развалины новоявленными «греками», в бортовом залпе которых насчитывалось впятеро больше крупнокалиберных пушек.

– Ваше высокопревосходительство, радиограмма с Корфу! – Голос флаг-офицера ощутимо дрожал от едва сдерживаемой радости. – Наши аэропланы бомбардировали и серьезно повредили линкор противника, он выбросился на отмель. Второй корабль потерял ход, а крейсер потоплен выпущенной с берега торпедой!

– Теперь все дело за нами!

Глаза Колчака сверкнули. Что Тирбах свое дело знает, он был уверен, и крейсер тому

доказательство – сюрприз получился, как говорит Константин Иванович. Но адмирал сильно сомневался, что новым аэропланам конструкции Сикорского, первым русским морским торпедоносцам, удастся повернуть такое дело – атаковать целую эскадру и добиться столь впечатляющего успеха.

Ну что ж – представление на чин полковника этому улыбочивому летчику с редкой фамилией Воцилло, добровольно перешедшему на флот, подпишет с удовольствием и представит к Георгию 3-го класса – за первый в истории потопленный аэропланами линкор!

И авианосцы придется строить вместо линкоров, тут Константин Иванович прав – на море, как это ни грустно признать, появится в будущем новый властелин!

Адмирал огляделся еще раз – далеко мористее, круто забирая к весту, виднелись два силуэта «самодержцев» – «Император Петр Великий» и «Императрица Екатерина Великая», – бывшие большие «линейные легкие крейсера» британского флота «Корейджес» и «Глориес» должны были атаковать отряд транспортов с десантом из знаменитых берсальеров.

Тонкая броня бортов не позволяла их поставить в линию, зато большая скорость и чудовищные 15-дюймовые орудия не оставляли ни малейших шансов итальянским крейсерам для спасения – последние не могли ни удрать, ни драться против таких монстров.

За ними он еле разглядел легкие крейсера и эсминцы, предназначенные для захвата и конвоирования транспортов. Топить не следовало – столько добра пустить на дно было бы безумием, – богатые трофеи русскому флоту самому как нельзя кстати.

– Добрый почин! – пробормотал Колчак известную фразу Петра Великого, ощутив себя в этот момент молодым лейтенантом, что первым увидел в предрассветном тумане идущий к Порт-Артуру японский миноносец...

– Веселые ребята...

Генерал Арчевов задумчиво посмотрел на сидевших за соседним столиком итальянских офицеров, вольготно расположившихся на стульях и побросавших свои нелепые длиннополые шляпы, украшенные пестрыми петушиными перьями, на низенький шкафчик.

Всем чутьем много повидавшего и битого жизнью волка он не ощущал никакой угрозы от этих развеселых вояк. Не было в них настоящей воинской злости, той угрюмой жестокости, что появляется у того, что каждый час ходит под смертью.

И сразу вспомнилась одна прочитанная в той жизни книга. Автор сего почтенного труда, русский генерал, сейчас уже не эмигрант, а профессор академии генштаба, утверждал, что стойкость итальянцев равна всего 2 %. Достаточно потерять роте из двух сотен пылких современных потомков древних латинян четырех солдат убитыми или ранеными, как она немедленно либо впадает в панику, либо предается постыдному бегству. И это при германских 50 % или русских 40 %!

Незавидная участь для командира, которому попадет под начало такое доблестное воинство!

– Ведут себя как победители, Константин Иванович, хотя всю войну затравленными зайцами бегали!

Сидевший напротив него подполковник «Славянского легиона» Рокоссовский, словно прочитав затаенные мысли, скривил губы в выразительной ухмылке, но так, чтобы итальянские вояки не увидели искреннего презрения настоящего воина к ряженным в униформу актеришкам самого дешевого балагана с обезьянками и шарманками, какими всегда были полны Апеннины.

– Всю войну в окопах просидели, оборонялись, и то потому, что австрийцы не атаковали. А сами... Чего стоит их одно «12-е наступление на реке Инзоццо»! Мне майор Гудериан рассказывал один случай – молодой итальянский лейтенант, подав сигнал к атаке, выскочил из окопа, но солдаты за ним не последовали, продолжая сидеть в надежном укрытии!

– Такое иногда происходит, Константин Константинович, и с нашими солдатами, особенно с необстрелянными, сами знаете!

Пожал плечами Арчевов и произвольно повел шеей – непривычно тугой воротник, с трудом повязанный галстук, пиджак из дорогой ткани были ему совершенно непривычны. Он понимал, что выглядит в опытных полицейских глазах белой вороной, как и сидевший напротив него, но не в черном, а темно-синем костюме бывший красный комбриг.

Интересные выкрутасы дает жизнь – если бы кто сказал Косте Ермакову, что будет сидеть за одним столиком с легендарным «сталинским» маршалом, то он бы ни за что не поверил, сочтя за бред или просто сон. В последнем, как известно, все странные случаи и происходят.

Но не в этой истории – свыше миллиона русских красноармейцев ушло в «европейский поход», и пусть больше половины из них сгорело в жадном пламени «мировой революции», но значительная часть рассеялась по миру, став вынужденными эмигрантами и терпя чудовищные лишения.

Потому объявленную императором Михаилом амнистию для бойцов и командиров бывшей РККА большинство из них, страдая на чужбине, охотно приняли и вернулись на родину, дав подписку, что никогда не станут злоумышлять на существующую власть.

Понятное дело, что в новообразованную Российскую императорскую армию никого из них не взяли, особенно бывших генералов и офицеров, что преданно служили большевикам, – слишком хороша была у всех память о недавней гражданской войне.

Но и не мстили своим недавним врагам по братоубийственной войне. Хотя бывшим

карателям и чекистам, если их выявляли жандармы, приходилось очень несладко. Пусть не казнили, но десятилетние каторжные работы – не отдых на целительных водах Карлсбада.

Но то в России, а тут королевство Югославия – именно такое наименование появилось на десять лет раньше, да и конституционная реформа сделала его строй другим, в виде конфедерации. Теперь на будущее эта страна получила надежную гарантию от будущих национальных потрясений, а «маленькая победоносная война» с Италией, что кропотливо готовилась два года, должна была объединить накрепко родственные славянские народы.

Вот тут многим «бывшим» русским выпал совсем иной жребий – послужить несколько лет верой и правдой в «Славянском легионе» и вернуться на родину и с чином, и с полным прощением.

Так что пять стрелковых бригад король Александр укомплектовал быстро, но находились они в подчинении Арчегова, что являлся не просто генерал-адъютантом и инспектором вооруженных сил России, но и, о чем знали очень немногие, создателем и начальником тайной и могущественной службы разведки, именуемой коротко – ГРУ.

– Да нет, Константин Иванович, – усмехнулся Рокоссовский, – тут иное. Офицер принялся размахивать саблей и кричать «Аванти!», призывая идти вперед. Солдаты продолжали сидеть, но бурно зааплодировали, крича ему «Браво!» и «Брависсимо!». И эти трусы до сих пор кричат на каждом углу, что Россия их предала и никогда не выручала, хотя сколько раз наши солдаты их из дерьма за уши вытаскивали!

– Такова жизнь, Константин Константинович, – собаку кормят, но она кусает за руку. А потому такой псине нужно дать хороший пинок, чтоб не забывала, кто дома хозяин!

Арчегов усмехнулся и посмотрел на часы – до условленного времени оставалось чуть больше десяти минут. И тут к столику подошел ресторатор, седоусый полный мужчина с выразительно добрыми глазами – но этот хорват, как и многие другие, давно служил в югославской разведке, а потому его заведение генерал избрал для своего штаба.

– Вам просили передать, сеньор, – «бабушка приехала»!

– Я понял, благодарю! Будьте готовы!

– Мы ждем, сеньор!

Ресторатор склонил голову и отошел, а Константин Иванович потянулся всем телом, разминая мышцы. Новость была не просто хорошей, отличной, потому он и взял для нее фразу из популярной в его времени книги о работе контрразведки в годы войны.

Хотя тут речь шла не о взятых с личным агентом Абвера – это была закодированная радиограмма с флагманского линкора адмирала Колчака и означала она одно – итальянский флот, нагло попытавшийся урвать Корфу и повторить опыт подобных захватов на северной Адриатике, сам попался в подготовленную ловушку и наголову разгромлен. Будь иначе, то было бы сказано о других «родственниках» или, не дай бог, об их «отъезде».

Зато теперь все стало на свои места – захват итальянцами Триеста, Зары и Фиуме оказался мимолетным, как и южного Тироля Австрии. Подобное стало возможным из-за нежелания других великих держав надавать «макаронникам» по блудливым ручонкам. Вечно битые врагами, они воспользовались тем, что оказались в стане победителей, хотя их постоянные запросы вызвали однажды едкую реплику Клемансо: «Разве итальянцы потерпели очередное поражение, что снова требуют уступок?!»

Война с Италией была нужна ради одного – полностью взять под контроль Эгейское море, захватить в качестве опорной базы Родос и тем самым опосредованно установить надежную защиту проливов Босфор и Дарданеллы, уже ставших греческими.

Но не это было главным – теперь Греция станет вечным союзником, без русской помощи она, даже возросшая в размерах и претендующая на наследие Византийской империи, просто не

выстоит. Теперь у нее станет одним могущественным врагом больше – Италия никогда не простит унижения и будет стремиться к реваншу.

«Флаг им в руки – пусть попробуют, зубы обломают! Лишь бы британцы не вмешались сейчас, а через десять лет мы на их угрозы плевать будем с высокой колокольни! Вечером «брат» Саша въедет в Триест на белом коне, кайзер Федя-Виля наверняка уже отправил вперед своих егерей, и не сегодня-завтра его обступят ликующие тирольцы. Вот тебе и «статус-кво» – Италия останется при прежних границах, а Германия и Югославия получают то, что им никогда не принадлежало.

И много!

Но пусть – зато немцы нуждаются в связке с нами, а там подтянутся и японцы. С первыми проблемы в Европе уладили, зоны разграничили, вторым Китай – хорошо делиться тем, чего нет! Теперь это не наша головная боль, в любом случае мы в стороне и с нами будут считаться и янкесы с наглами, и тевтоны с раскосыми друзьями. Главное – «пятилетки» правильно организовать, давно пора показать, на кого куры записаны!»

Арчegov вздохнул – история стремительно изменилась за эти три с половиной года. Вместо СССР снова императорская Россия, не только не потерявшая в границах – если не считать Польши и Финляндии, но намного раздвинувшая свои пределы.

В основном опосредованно – за счет стран Балканского союза и Прибалтики, потихоньку попавших под имперское «покровительство» в результате принятия подарков «тройных коней». Также была оттяпана Турецкая Армения, а новообразованный Курдистан сам попросился под протекторат.

«Сбылась мечта Жириновского – мы в шаге от Индийского океана! И во многом усилили позиции, теперь уже никогда не будет владычества Америки, ее нужно загнать на континент, пусть сидит в своем «изоляционизме». А там посмотрим...» Генерал прикрыл глаза, как бы отдыхая, но на самом деле размышляя над недавними событиями.

«Маршал революции» Троцкий постыдно бросил Красную армию, бежал в Америку, где получил приют и тем самым показал, на кого он действительно «работал».

Ленин умер в Праге на два года раньше срока, а в Чехии сейчас у власти встали местные социалисты, оттеснив от кормила русских и еврейских коммунистов.

Сталин непонятно куда сгинул, как и Мойзес, Фрунзе погиб в Польше, многие наркомы там попали в плен, были убиты без суда или казнены по приговору трибуналов. И так было повсеместно – буржуазия сводила счеты за пережитый страх.

Большевизм стал жупелом, и вряд ли коммунистические идеи получат в ближайшие годы распространение – слишком уж кровавым оказалось их воплощение на практике!

Как ни странно, но последней страницей этой трагедии становилась нынешняя война. В той истории Муссолини в 1923 году решил воспользоваться ослаблением греков, потерпевших от турок жуткое поражение. В качестве предлога послужило убийство пяти итальянцев, проводивших демаркацию греко-албанской границы.

Теперь произошло то же самое, только преступление совершили «мафиози», завербованные Абвером от лица итальянской тайной полиции, – вот такую ненавязчивую услугу оказал Шмайсер, взяв на себя это грязное дело. Но не бесплатно, разумеется, – немцы жаждали вернуть себе силой южный Тироль.

Перед тем, как отправить к Корфу эскадру из четырех линкоров, Муссолини подстраховался, прозондировав отношение Петербурга к «демонстрации уважения итальянского флага».

Министр иностранных дел Милюков ответил, что если в убийстве виноваты греки, то итальянцы имеют полное право их наказать, но не договорил, что в противном случае вступают в действие тайные статьи «Балканского союза». Так что итальянцы сами попали в ловушку и

сейчас лишились главных сил своего флота...

– Вы русский?

Арчegov поднял глаза – у столика стоял, чуть покачиваясь, улыбающийся берсальер, задавший вопрос на немецком языке.

– Я, я, майн герр! – ответил на «дойче» генерал, приделав к своим губам искательную и пугливую улыбку.

– Ваши солдаты – трусишки, а потому вам нечего делать, сеньор, в нашем итальянском городе!

Генерал немного опешил от такого по-детски наивного хамства, но тут вспомнил, что именно только к русским итальянцы относились с высокомерием вечно битых подростков.

«Надо же – и город наш?! От скромности не умрут – в Триесте два десятка газет – почти все на югославянских наречиях, три на немецком языке и лишь одна на итальянском!»

Арчegov улыбнулся, вставая со стула, – не дело, конечно, генералу самому принимать участие в такой операции, но плох тот военный, что не желает карьерного роста.

Ставка в игре была высока – завтра его объявят в газетах Петербурга, Константинополя, Белграда, Софии, Будапешта главнокомандующим Балканского союза в конфликте с Италией – русскими, греческими и югославскими войсками и флотом, борющимися против агрессоров.

И он может получить фельдмаршальский чин и заветный большой белый крест, ведь Италия всяко-разно намного более значимый противник, чем измороженные союзниками Румыния и Турция.

Да и не затянется надолго эта необъявленная война, которая, по сути, уже выиграна, еще не начавшись. На море итальянцы уже потерпели поражение, а потому воевать на суше не будут.

Связываться в перспективе с русскими и немцами одновременно сейчас уже нет желающих, а значит, захваченные у южных славян и австрийцев территории будут уступлены, ибо вернуть их Рим не в состоянии.

Но главное – это Родос и острова Додеканез – Россия теперь не выпустит трофей из своих рук, ибо они наглухо запечатывают Эгейское море, превращая Черное во внутреннее озеро, равное Каспийскому, ибо и там и там южным берегом владеют либо турки, либо персы...

Кто ж из военных не мечтает о наградах и карьере?!

Но получать кресты и чины, не рискуя своей жизнью, Арчegov не мог, да и требовалось дать наглядный урок многим генералам новой тактики и способов ведения войны. Вот потому-то он и решил потряхнуть молодостью, взяв Триест с гарнизоном силами батальона спецназа и бригады «Славянского легиона». Вполне достаточно для столь одиозного противника, не зарекомендовавшего себя отчаянной храбростью.

«Время подошло, пора начинать! Да и повод к драке хороший, не убивать же этих дурачков в перьях!»

Арчegov поправил галстук, и ресторатор тут же принялся разговаривать по телефону, правильно поняв жест и подавая условный сигнал разбросанным по городу и порту группам.

Именно такая простота, царящая у «хозяев», умиляла – итальянцам в голову не пришло проверить пару тысяч головорезов, что явились сюда под видом туристов, рыбаков, крестьян на рынок и прочих тружеников.

Тощий зад берсальера попал под пристальный взгляд, и генерал немедленно угодил в него добрым пинком, отечески заботливым, скорее для воспитания, чем избиения.

Но слова, произвольно слетевшие с языка, были из любимого кинофильма, они сейчас как нельзя лучше подходили именно для этой ситуации:

– Деточка! А вам не кажется, что ваше место у парашаи!

Эпилог. Иркутск (23 декабря 1924 года)

– Капитан, будем подъезжать к Маритую, разбудите меня!

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

Вагон немного дернуло, мимо медленно проплыли перрон и освещенное здание вокзала – на круглых часах отстукивала последние полчаса наступающая полночь.

Арчegov откинулся на мягкую спинку дивана, расстегнул воротник кителя, небрежно отодвинув черно-оранжевую ленту с большим белым крестом. Вторую, а до того третью степень ордена Святого Георгия генерал получил за короткую, но победную войну против итальянцев и взятие Триеста.

Таким же большим крестом был награжден и ставший «флотским фельдмаршалом» генерал-адмирал Колчак за пленение эскадры «макаронников» у Корфу, что стало символом доблести русских моряков наряду с Синопом, Чесмой и Гангутом – долгожданным символом за прошедшие семьдесят лет со времен адмиралов Нахимова и Корнилова.

Правда, победа над потомками римлян чуть ли не оказалась пирровой – как всегда, вмешались англичане, внезапно осознавшие, как их жестоко провели. Взяв Родос и острова Додеканез, русские установили свой контроль над Эгейским морем, фактически надежно заперев проливы Босфор и Дарданеллы, не поднимая при том трехцветный флаг над Царьградом, да еще нависнув угрозой над Кипром, населенным потомками гордых эллинов, который британцы клятвенно обещали вернуть Греции и, как всегда, «забыли», когда нужда в союзнике отпала.

Может быть, война и разразилась, вот только итальянцы не горели желанием воевать за югославянские земли, прибранные к рукам по окончании мировой бойни. Не до того им стало, королевство опять затерзала анархия – новоявленный дуче Муссолини был вульгарно зарезан обычным кухонным ножом – под южным солнцем все люди импульсивны, нравы горячие, но нет ничего хуже однопартийца, ставшего рогоносцем.

И, кроме того, а это главное, политический расклад на континенте внезапно и кардинально изменился!

После дружеского свидания в 1922 году под жарким солнцем Крыма императора Михаила II с новым германским кайзером Вильгельмом III началось кропотливое воссоздание знаменитого «драйкайзербунда», но с некоторым весьма существенным изменением.

Другим участником старого альянса, вместо распавшейся на независимые страны «лоскутной» Австро-Венгрии, стала Япония. Эта дальневосточная держава уже открыто выражала сильное недовольство политикой англосаксонских «родственников», старавшихся любой ценой закрепить свое господство над миром.

В противовес потенциальному блоку из США и Британии, с многочисленными доминионами и колониями, постепенно сложился и новый «Союз трех императоров», объявленный два месяца тому назад, но бывший в умах английских и французских политиков самым жутким кошмаром уже лет сорок.

Противопоставить такому мощному объединению континентальных держав тогда ничего бы не смогли, и участь Франции, начнись война, была бы решена одним ударом, действительно – «до листопада».

Но повезло, откровенно говоря!

Россию, как наркомана, посадили на субсидии из золотых франков и фунтов. Австрийцы не хотели дружить, камнем преткновения между двумя странами стали балканские славяне, на роли покровителя которых русские императоры извечно настаивали.

Итогом такого недомыслия стал распад всех трех величественных империй, над

истерзанными телами которых раскаркались довольные любители падали.

Еще бы не радоваться буржуазным странам, и так владевшим колониями по всему миру, – сбылась их многолетняя мечта. Главные препятствия к мировому господству «золотого тельца» устранены, а враги взаимно растерзали друг друга в абсолютно ненужной им войне, потеряв свои короны...

Нашествие большевиков спасло Германию от уготованной историей и англо-американцами участи, заодно опрокинув Версальскую систему мироустройства, навязанную Западом.

Изгнав красные войска со своей территории, дивизии кайзера двинулись в Австрию, Силезию, Познань и Судеты, освободив немцев, живущих там, от советской власти, фактически присоединив их к возрожденному рейху.

Таким образом, проигравшие в мировой войне не только вернули утерянные территории, но и объединили почти всех немцев в одно государство, да еще потребовав «справедливого мира» без «аннексий и контрибуций».

Новой войны не произошло – банкиры Запада, особенно французы, хорошо умели считать, к тому же не могли не учитывать царящие пацифистские настроения людей, не желавших возвращаться в окопы ради интересов воротил. Да и смертоносная коммунистическая лихорадка продолжала терзать не только «старушку Европу», но и многие другие страны мира.

Так что приходилось договариваться, что произошло в Вашингтоне, как и в оставленной Арчевым реальности, но годом позже и в Стокгольме, в июне 1924 года, чего вообще не было, но данную встречу можно даже назвать аналогом европейского «Рапалло», если бы не ее совсем иные итоги.

Произвольно начерченные в Версале границы в Европе были отменены, на основе возврата к 1914 году, кроме бывшей Австро-Венгерской империи, приказавшей «долго жить».

Новоявленные государства были сдвинуты в их этнические рамки, и урезанные в размерах Чехословакия, где все еще продолжался социалистический эксперимент, и Польша с Западно-Украинской республикой, сцепившиеся в клинче, надолго перешли в категорию европейских «больных».

К ним добавились «обиженные» Италия и Румыния, оставшиеся в прежних границах, но потерпевшие от Балканского союза обидные для самолюбия и затратные для экономики поражения.

Но самой «крайней» среди всех стала Турция – теперь не полтора миллиона греков, а два миллиона турок явились вынужденными переселенцами.

«Единственный жребий из тысячи, и мы его смогли вытянуть!» – Арчевов устало прикрыл глаза и провалился в сон, глубокий и спокойный. Его лицо стало умиротворенным...

Кругобайкальская железная дорога. (24 декабря 1924 года)

– Капитан, ждите здесь, следом не ходить! – Генерал пристально посмотрел на начальника охраны. – Вы меня поняли?!

– Так точно, ваше превосходительство!

В глазах молодого офицера ни капли сомнения или удивления – если генерал-адъютант императора, начальник самой могущественной и секретной структуры России так поступает, то на это имеются самые серьезные основания, а приказ недвусмысленный, толкования не допускает. Но что можно делать в безлюдном заснеженном распадке – так этот вопрос не к нему, а к их высокопревосходительству...

– Странно, но я был уверен, что встречу здесь старого шамана!

Арчegov медленно оглядел заснеженный распадок, стиснутый выступающими с двух сторон небольшими скалами. Но единственная цепочка следов на белом снегу вела со стороны Байкала и была его собственной. Вот только непонятно, почему большой валун, на котором он сидел прежде, оставался чистым, хотя такого просто быть не могло.

– Приглашение посидеть? – усмехнулся генерал и немедленно опустился на камень – замерзнуть он не боялся, подбитые мехом штаны, полушубок и унты служили достаточной защитой от холода, хотя утренний морозец слегка пощипывал раскрасневшиеся щеки, словно игривая любовница. – Я тебя жду здесь! – решил генерал, и не успели его слова раствориться в прозрачном воздухе, как из трещины в скале стали выползать седые клочья тумана, становящиеся все гуще и гуще прямо на глазах. Дымка спустилась к ногам, укутала их и стала подниматься выше, обволакивая камень.

– Мистика... – прошептал Константин, понимая, что может произойти, но не в силах сдвинуться с места и уйти.

Да и не стал бы он это делать, даже под угрозой смерти – обещал, что придет, и пришел, ровно через пять лет. И что будет, то будет!

Таинственный кокон полностью укутал его, поглотив, накрыв непроницаемым покрывалом. Сквозь дымку Арчegov расслышал, как вдалеке стучат колеса выходящего из тоннеля эшелона, но потом все звуки исчезли, и наступила тишина, даже стук бешено колотящегося о ребра сердца уже невозможно было ощутить.

«Это конец пути... Или новое начало?»

Вопрос завис в пустоте, разум отказывался подчиняться, и тут словно миллионы игл вонзились в его мозг, но безболезненно, словно легкое касание ветерка. Голос, совершенно чужой, он расслышал уже таявшим сознанием:

– Ты из иного времени... И сам выбрал свою судьбу!